Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VI

Издательство „ПРАВДА“
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 48.
Тел. 4-38-28, кремл. 2-80

№ 3—4 — 28 ФЕВРАЛЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу новым пополнениям.

Второй год пятилетки с самого начала ознаменован целым рядом таких явлений, которые свидетельствуют о глубочайшем революционном, поистине коммунистическом, под'еме широчайших рабочих масс. Этот под'ем захватывает с каждым днем все большие массы крестьян, батраков, бедняков и середняков, которые под руководством рабочего класса, под руководством авангарда пролетариата, ленинской партии, переходят на громадных пространствах Советского Союза к социалистической перестройке сельского хозяйства.

Было бы неправильно, оценивая этот под'ем, забывать о том, что он подготовлен всей предыдущей политической работой партии в городских и деревенских массах. Вся работа партии была направлена с первых дней Октябрьской революции на то, чтобы, как говорил Ленин, опытом миллионов проверить правильность нашей программы. В необычайно трудных, порой мучительных условиях проходила эта проверка. Надо было преодолевать неверие, пессимизм не только в отсталых массах пролетариата, в колеблющихся мелкобуржуазных массах крестьянства, — надо было преодолевать неверие в собственных рядах, бороться с мелкобуржуазной «революционностью», с анархо-синдикалистскими уклонами, с полуменьшевистской критикой нашей генеральной линии; надо было преодолеть правый оппортунизм. Надо было развить в рабочем классе такую гигантскую энергию, которая могла бы преодолеть эти препятствия, несмотря на все эти трудности, и, несмотря на то, что в недрах хозяйственного аппарата от прошлого остались в наследство вредители, засевшие во всех важнейших головных пунктах, чтобы взрывать изнутри нашу работу. Каждое смелое, новое мероприятие в этой обстановке

встречалось с недоверием нашими «критиками». Даже такое мероприятие, как введение семичасового рабочего дня к десятилетней годовщине Октябрьской революции, было встречено недоверием так называемой об'единенной оппозиции. Темпы, намеченные пятилеткой, вызвали прямое сопротивление даже у отдельных групп партийцев, которые считали самой мудрой политикой равняться на так называемые «узкие места», равняться по мелкобуржуазному уровню, по недовольству кулаков, проповедуя, как самую мудрую политику и как-будто даже ленинскую политику, теорию непрерывных уступок. Именно в борьбе со всеми этими уклонами, непролетарскими, нереволюционными настроениями, партия воспитывала массы, закаляла их, учила преодолевать трудности, воспитывала героическое упорство в достижении намеченной цели. Только благодаря этому мы получили такие неопровержимые, такие убеждающие и побеждающие успехи первого года пятилетки.

Рабочий класс показал, как много он может сделать на путях социалистического соревнования. Социалистическое соревнование, как метод коммунистической работы, захватил не только фабрики и заводы, он—передался в деревню, он захватил широкие массы крестьян, которые в порядке социалистического соревнования усилили темп колхозного строительства. Еще год тому назад и даже полгода тому назад имевшие место споры о роли колхозов и крупных совхозов кажутся теперь такими далекими, такими странными, чтобы не сказать больше.

Рабочий класс выдвинул ударные бригады. Эти ударные бригады, работая по-новому, поставили перед собой задачу «уничтожить прогулы и простои, уплотнить свою работу, увеличить выработку продукции, дать работу лучшего качества, удешевить себестоимость, уменьшить сроки выработки продукции, ликвидировать или свести до минимума брак, отходы, угары и т. п. Решительно бороться с потерями сырья, материалов, энергии, стать активными участниками рационализации производства, активно участвовать в производственных совещаниях и во всей общественно-политической жизни завода» [1]).

Ударные бригады достигли в этом отношении значительных, иногда поразительных результатов. Они проявили величайший героизм, дали беспримерные образцы революционной активности, преданности пролетарскому делу. Недавно на Днепрострое надо было срочно исправить трещину на одном из участников работы. По расчетам техперсонала строительства, эту трещину можно было заделать в 15 дней. И вот ударная бригада в двое суток выполнила задание. Рабочие, входившие в эту бригаду, не ложились спать в течение этих двух суток, — работали без перерыва. Разве это не пример

[1]) Из обращения московских ударников ленинского призыва.

величайшего героизма?! Рабочие этой ударной бригады держали себя так, как держат себя в опасном бою самые храбрые, самые передовые бойцы, — победить или умереть. Вот почему движение ударных бригад все шире захватывает массы. Вот почему от ударных бригад, которые охватывают сейчас уже сотни тысяч пролетариев, перешли к ударным цехам и к ударным заводам. Призыв профсоюзов и комсомола мобилизовать новых 500 тысяч ударников, это — боевой приказ, который пролетарской армией выполнен в краткий срок. Уже в настоящее время число ударников вдвое превысило намеченную профсоюзами цифру.

Обращение ко всем пролетариям Союза ВЦСПС и ЦК комсомола правильно оценивает значение этого призыва.

«В историю борьбы рабочего класса за социализм 1929 год войдет не только как первый год великой пятилетки, но и как год массового развертывания социалистического соревнования. Идея Ленина об организации соревнования на социалистических началах быстро овладевает массами и становится гигантской силой. Социалистическое соревнование—подлинно «коммунистический» метод строительства социализма». Соревнование ударило по прогулам, подняло кривую производительности, ликвидировало прорывы первых двух кварталов прошлого хозяйственного года и сделало реальным лозунг, под знаком которого прошел первый с'езд ударников,—«пятилетку в четыре года».

«Социалистическое соревнование обозначило крупнейшие политические сдвиги в сознании трудящихся, оно вызвало мощное движение ударных бригад, оно подняло на небывалую высоту творческую инициативу масс».

«Пролетариат нашей страны, штурмующий под знаменем социалистического соревнования рабские темпы работы, расхлябанность и разгильдяйство, под руководством партии в борьбе с правыми оппортунистами, с паникерами и дезертирами социалистического строительства, наметил еще более высокие и напряженные темпы строительства на второй год пятилетки».

Можно привести сотни сообщений отовсюду, об этом боевом пролетарском под'еме. Сообщения эти свидетельствуют о том, что это не временный, не мимолетный под'ем, что это могучее движение, захватывающее все большие и большие массы. Вот Харьковский электрозавод—ГЭЗ. За одну неделю он дал 1.100 рабочих, об'явивших себя ударниками. Там же, до об'явления ленинского призыва на Канатке было около 2,5 тысяч работниц, принимавших участие в социалистическом соревновании, а на 29 января имелось уже более 4 тысяч, или 85% всех работниц вошли в ударные бригады. Такие же сведения идут с заводов Урала, с заводов Сибири и других районов. К ленинским дням все цеха Чусовского завода перешли на ударный устав работы. Ударный устав охватил 3.500 рабочих. К 6-й годовщине смерти

Вл. Ильича, Лысьвенский завод целиком перешел на ударный устав работы и заверяет Центральный и Уральский Областной комитеты ВКП(б), что «ударный Лысьвенский завод уже работой второго квартала покроет основную часть своей задолженности за первый квартал, а к концу хозяйственного года даст все 100% выполнения производственного задания второго года пятилетки по заводу». В Твери все отделы и цеха завода «Красный Октябрь» перешли на ударную работу. Бакинские рабочие «Ленинской промысловой площадки» заявляют о том, что они приложат все усилия к тому, чтобы выполнить пятилетку по нефти в 2½ года. Чтобы выполнить производственную программу в этом году с превышением, Ленинский райотдел союза горнорабочих заявляет, что весь район об'являет себя ударным по выполнении генеральной линии партии и дает обязательство окончательно изжить имеющиеся в районе недостатки. Но это — заявление не одного только района. Все бакинские рабочие втягиваются в эту ударную работу.

Все, кто наблюдал в эти дни работу в ударных цехах, в ударных отделах заводов, отмечают небывалый производственный под'ем. Так, из Харькова товарищи сообщают о работе тракторного цеха: «На заводе в буквальном смысле слова ночуют у станка».

На ряду с этим мы видим, как могучим потоком разливается одно из новых явлений в рабочем классе — образование ударных производственных коммун, коммунистических цехов, коммунистических заводов. Это образование ударных производственных коммун идет наряду с массовыми вступлениями в ВКП(б). 5 февраля рвбочие гвоздильного цеха завода «Красная Этна» в Ниж.-Новгороде постановили об'явить свой цех ударной коммуной. Они обязуются увеличить производительность труда на 13,4%, снизить себестоимость на 12,67%, ликвидировать прогулы по неуважительным причинам до 0, по уважительным — на 50%, снизить брак до 0,02%, бережно относиться к оборудованию и инструменту, приходить на работу за 15 минут до гудка, чтобы приводить в порядок станки, устранять обнаруженные дефекты. Цех делится на три бригады-коммуны: гвоздильщики, полировщики, слесаря. Вся сумма заработной платы, получаемая по группам, делится пропорционально между членами бригады-коммуны соответственно проработанных часов.

Переходя на устав коммуны рабочие, вместе с тем, подают коллективное заявление о приеме рабочих-гвоздильщиков в ряды ВКП(б). Они заявляют: «Это будет лучшим ответом на попытки мировой буржуазии сорвать пятилетку, лучшей поддержкой мирового пролетариата, идущего к решительным боям за диктатуру пролетариата. Эта надежная гарантия того, что промфинплан и пятилетка будут выполнены полностью и прежде срока».

На Златоустовском заводе рабочие, кажется, раньше других перешли к этому опыту. Работа перераспределена между членами коммуны. Заработная плата получается по одной расчетной книжке и делится между всеми поровну. Производительность труда и заработная плата в результате этого поднялись на 15 и больше процентов. На заводе существует около 200 таких коллективов. Рабочие, основываясь на этом удавшемся опыте, переходят к внедрению коммунистических элементов в свой быт. В Златоусте создан громадный дом-коммуна, в котором будет перестроен быт коммунаров. Завод, который недавно еще отличался прогулами,—этот завод стал одним из ударных заводов, одним из передовых. Примерно, по этому же типу строится производственная коммуна на Киевском Краснознаменном заводе, на механическом заводе № 13 в Брянске. Там, где каждый до сих пор работал, руководствуясь в значительной степени индивидуалистическими интересами, там сейчас мощно прививается коллективное настроение, коллективный производственный под'ем.

Социалистическое соревнование ударило по цеховым индивидуалистическим навыкам. Ударные бригады об'единили рабочих одной целью. Производственные коммуны—это новая высокая форма коммунистической организации труда, там каждый следит за другим, чтобы все одинаково работали. Лозунг их—один за всех и все за одного. На заводе «Серп и молот» весь литейный цех об'явил себя ударным коммунистическим цехом и вызвал другие цеха на соревнование в этом. На Коломенском заводе, который почти полностью перешел на ударную работу, где подавляющая масса цехов подала заявление о вступлении в партию, также образовалась производственная коммуна.

Этот рост производственных коммун за последнее время захватывает целые заводы. На фабрике «Буревестник» в коммунистических цехах производительность труда поднялась на 10—15%. На Златоустовском заводе в отдельных цехах имеется увеличение до 200%. В большинстве производственных коммун достигнуто улучшение организации труда, использования оборудования, имеются большие достижения в уменьшении брака, простоев, прогулов. По-новому совершенно ставится вопрос о производственных коммунах, о подготовке кадров; заинтересованные в скорейшей переподготовке, переквалификации низкоразрядников коммунары стараются более быстро обучить и квалифицировать их. На механическом заводе в Уфе в коллективах и коммунах в январе уже было около 2.000 человек. Во всем Златоустовском округе имеется свыше 1.000 производственных коллективов и коммун на фабриках и заводах.

Это движение рабочих захватывает и лучшую часть инженерно-технического персонала. Это особенно характерно для переживаемого момента, именно потому, что во всех важнейших отраслях промышленности, именно среди ста-

рого инженерно-технического персонала обнаружились элементы активного и сознательного вредительства. Образовалась *первая коммуна инженеров и техников* КОФОК на следующих началах. Весь заработок идет по общей расчетной книжке, вся оплачиваемая лекционная и литературная работа отдельных коммунаров идет в общий котел, премирование за изобретение, предложение и т. д. в общий фонд. Коммуна обязуется обучить не менее 50 человек рабочих, углубить их технические знания. Коммунары обязуются выпустить серию популярных брошюр. Все члены коммуны помогают друг другу в своей работе и обязуются принимать самое активное участие в общественной и профессиональной работе. Коммунары обязуются из общего котла выделить средства для повышения своей квалификации, приобретать литературу, устраивать производственные экскурсии и т. д. Они призывают последовать их примеру инженеров и техников всей фабрики, а также и других фабрик. Имена организаторов первой коммуны инженеров и техников: *Рудштейн, Белостоцкий, Соломонов, Марченко, Полыновский.*

Ленин в «Великом почине» отмечал гигантское значение именно такого коммунистического труда, именно таких форм коммунистической организации труда, повышающих производительность. Это новое движение, несомненно, будет развиваться по мере накопления опыта, по мере улучшения организации труда в этих производственных коммунах и по мере возможности реализовать ту перестройку быта членов коммуны, которая требует соответственного жилищного строительства и других материальных условий. Если проведение в жизнь этой формы производственного кооперирования встречает еще значительные препятствия, то в новых предприятиях, вокруг которых будут вырастать социалистические города, где можно предусмотреть условия, благоприятствующие развитию коммунистических форм быта, производственные коммуны, несомненно, будут развиваться в еще большей степени.

К сожалению, этот опыт нового в рабочем классе недостаточно еще изучается, к нему не привлекали достаточно внимания партийных и профессиональных организаций. Несомненно, в этом движении на первых порах будет не мало ошибок, но именно поэтому необходимо усилить внимание ко всем этим новым формам развития самодеятельности, проявления революционной энергии и классовой сознательности рабочих.

Конечно, весь этот под'ем стал возможным благодаря тому, что мы развили в наших партийных, профессиональных и других организациях пролетарскую *самокритику.* Без пролетарской самокритики, без возможности для пролетарского класса вскрывать недостатки и недочеты работы, без привлечения самих рабочих к устранению этих недостатков и недочетов мы не получили бы того гигантского производственного под'ема, того огромного политического сдвига, такого политического воспитания масс, какие мы имеем. И в этом отношении

участие рабочих в чистке партии и совааппарата имело, конечно, громадное воспитательное значение. Беспартийные рабочие почувствовали, что это—*их классовое, кровное дело.* Они увидели необходимость стать еще ближе к своей партии. Они увидели, что, благодаря их критике, партия выбрасывает из своих рядов шкурнические, чуждые, примазывавшиеся, обюрократившиеся, разложившиеся элементы. Благодаря этому в огромный степени выросло доверие рабочих к партии. Наряду с этим десятки тысяч рабочих были выдвинуты за последнее время в госаппарат, в профсоюзы, в кооперацию, к управлению предприятиями.

Почин ГЭЗ и завода № 24 *в шефстве над государственными учреждениями* показал, что мы можем выполнить гигантскую работу государственного значения, привлекая инициативные группы рабочих к проверке деятельности наших государственных учреждений,—чистить их, исправить недочеты их работы и злоупотребления. Из этого почина на наших глазах развивается могучее движение шефства над предприятиями и важнейшими государственными учреждениями. Несколько десятков тысяч рабочих уже участвуют в этом шефстве. Достаточно сказать, что, благодаря деятельности этих рабочих, государство собрало несколько десятков миллионов недоимок. Мы должны внимательнейшим образом изучать этот опыт, устранять наблюдающееся кое-где формальное, бюрократическое отношение к этому мероприятию.

Гигантские производственные задачи, которые стоят перед рабочим классом, могут быть выполнены, если мы обеспечим *подготовку новых кадров.* Решение партии и проводимые партией мероприятия означают сильный, небывалый рост этих кадров из среды пролетарских масс. Внимание этой задаче есть одно из необходимых условий выполнения грандиозного пятилетнего плана; более того, *только* на основе успешного проведения этой меры, подготовки новых кадров, мы подготовляем возможность провести новую пятилетку социалистического строительства, еще более грандиозную, еще более решающую.

* * *

Несомненно, в огромном под'еме политической и производственной активности рабочего класса сыграла крупнейшую роль *массовая коллективизация деревни.* Посылка 25.000 рабочих в деревню для руководства этой коллективизацией еще более усилила этот наметившийся перелом. Письма, поступающие с мест от бригадиров, единодушно говорят об этом под'еме, идущем теперь уже от коллективизирующейся деревни. Правда, на первых порах еще много всякого рода непорядков и в использовании самих бригад. Есть факты преступного, пренебрежительного отношения к посылаемым в деревню рабочим. Факты прямо «вредительского использования» специалистов-рабочих. Но основной тон дают не эти дурные примеры. Некоторые из

уехавших в деревню говорят о таком под'еме, какой они переживали только в моменты каких-нибудь особенно героических схваток, в боях в период гражданской войны. Но это ведь тоже *бой за социализм, бой, который ведут теперь миллионные массы против самого страшного врага, против власти мелкого товарного индивидуалистического хозяйства.* Именно в том, что сейчас к коллективизации приходят массы крестьянских хозяйств, с которыми связаны были рабочие, в значительной степени решает вопрос о настроении этих рабочих. Возьмите тот же Коломенский завод. Там 70% рабочих связаны с деревней, а за последние месяцы прошла широкая волна коллективизации в Коломенском районе. Коломенский район коллективизировался больше, чем на 90%. В 26 ближайших от Коломны селах проживает больше 2.000 рабочих. Они вошли в колхозы: конечно, не так легко было всем им решиться на переход в колхозы. Сделать после этого заявление о вступлении в партию для этих рабочих естественный шаг, вытекающий из вступления в колхозы. Они так и отвечают на вопрос о причине вступления в партию: «Ну, что же, раз пошли в колхоз, значит, нужно идти в партию». Это явление, как отмечал ряд товарищей на совещании в ЦК, характерно не только для Коломны, но и для Подольска и для ряда других заводов, которые имеют значительное число рабочих, связанных с крестьянским хозяйством. Вот почему иногда те заводы, которые вовсе не являлись до сих пор передовыми, но в районе которых проходит сплошная коллективизация, теперь являются ударными заводами в смысле массового вступления в партию.

Прав тов. Молотов, что под влиянием всей нашей предыдущей работы, под влиянием пролетарского авангарда *«крестьянин повернулся к коммунизму»*,—и этот поворот крестьянина к коммунизму в значительной степени повернул массу колебавшихся до сих пор рабочих.

Необходимо еще отметить, что в числе причин, способствовавших росту политического сознания рабочих масс, и усиливших поток заявлений о желании вступить в партию, значительную роль сыграла наша борьба с уклонистами «левыми» и правыми, разгром децистов,—удар, который нанесен был партией правым оппортунистам и примиренцам. На опыте этой борьбы массы закалялись, убеждаясь в правильности генеральной линии партии, полной несостоятельности жалких прогнозов, которые ставили и «левые» и правые. Массы видели, как банкротятся одна за другой оппозиционные группировки, как разбиваются в прах самой жизнью их предсказания. *Массы сами принимали участие* в этом разгроме оппозиции, и это сблизило их еще более с партией, еще более сроднило. Они дрались и дерутся буквально «как черти» за генеральную линию партии. Для иностранных, для буржуазных журналистов, для буржуазных политиков это отношение рабочих масс до сих пор не понятно. Иностранные журналисты поехали на Коломенский завод, чтобы там узнать, в чем же дело. Снабжение не-

достаточно, нехватает целого ряда продуктов, недостатков в стране— хоть отбавляй, а рабочие идут в партию, идут в ударные бригады; и на вопрос, почему же старики идут в партию, эти старики отвечали: «А вот для того и идем, чтобы все было, чтобы помочь партии преодолеть эти трудности».

Курс на ликвидацию кулачества как класса, это—уже не мероприятие только партии, это — *мероприятие, которое сейчас подхватывается миллионами, которое понято миллионами*, как необходимая и совершенно неизбежная мера, связанная с проведением сплошной коллективизации сельско-хозяйственных районов.

Все лозунги партии последнего времени, воспринятые рабочими массами, привели к сегодняшнему под'ему. Не последнюю роль сыграла в этом *культурная революция* в массах, которая произошла и происходит за эти годы. Значительно продвинулась ликвидация неграмотности; несомненно, имела свое значение и *антирелигиозная пропаганда.* На том же, напр., Коломенском заводе антирелигиозная кампания за закрытие церквей и снятие колоколов на нужды промышленности прошла не только безболезненно, но коломенские рабочие проявили почин, об'явивши Коломенский завод и всю Коломну безбожниками. По этой линии идет глубокая ломка быта, рабочие создают безрелигиозный быт. *Введение непрерывки* здесь сыграло определенную роль. Именно благодаря массовости этого антирелигиозного движения, мы видим огромное влияние его на деревню. Движение это стало подлинным массовым движением, захватывая самих крестьян, *оно идет теперь с низов.* Сообщения об этом идут из Горловки, Сталино, Артемовска и др. районов Донбасса, из Твери и иных фабрично-заводских районов, с Урала и Сибири, Украины и Закавказья. Движение захватывает кое-где и коллективизированные деревни. Идет на этой почве широкое движение за снятие колоколов, за закрытие церквей, за создание вместо них культурных очагов. И здесь также *мы должны пойти навстречу этому потоку, всемерно помогая ему устранить лишний формализм, тормозы в дальнейшем проведении мероприятий, намеченных самими массами снизу.* Надо углубить этот переход от религиозности к безрелигиозному быту, помогая выработке глубоко атеистического, материалистического мировоззрения. Пусть беспокоится папа римский, пусть Керенский делает доклады в Оксфорде перед ханжами и лицемерами, пусть раввины шлют проклятия: ни папа, ни Керенский, ни раввины не смогут уже остановить это начавшееся массовое движение, это поистине небывалое в истории освобождение от векового религиозного обмана.

Нельзя также забывать о том, что факты международного значения предопределяют в значительной степени настроение рабочих и крестьян. Исход конфликта на КВЖД, исход переговоров с Англией, нарастание революционного под'ема в Германии, Франции и других

странах, вновь поднимающееся движение в Китае, и особенно в Индии,—вот что также определило тот под'ем в рабочем классе, который мы сейчас наблюдаем.

Но, конечно, из всех этих фактов на первом месте стоит успех сплошной коллективизации сельского хозяйства и решение партии о раскулачивании. Здесь действительно решается вопрос, «кто—кого». Здесь массы рабочих и крестьян видят действительно переход к социализму, к уничтожению классов. Тов. Сталин на вопрос свердловцев, как должна партия изменить на ближайшем этапе ленинский лозунг «уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедняка», — вполне своевременно отметил, что «по мере охвата коллективами большинства районов СССР, кулачество будет ликвидироваться. И стало быть будет отпадать эта часть формулы Ильича. Что касается середняка и бедняка в колхозах, то по мере машинизации и тракторизации в колхозах, они будут сливаться в единый отряд рабочих коллективизированной деревни. Сообразно с этим должны будут исчезнуть в будущем времени понятия «середняк, бедняк».

Рабочие видят в этих мероприятиях уже не далекий переход к социализму, как к какой-то мечте. Нет, они чувствуют, как они сами делают этот переход, укорачивают его, приближают полную победу социализма. Рабочего, связанного с деревней, увлекает массовый характер движения, организованность его, целеустремленность, сознательность; его еще больше сближает с партией то, что это движение руководится коммунистической партией. И именно потому, что в этом движении принимают участие почти поголовно все пролетарские массы, весь рабочий класс, именно потому, что это движение возглавляется коммунистической партией, оно является глубоко коммунистическим.

* * *

Вот откуда массовый поток рабочих в партию. За время после ноябрьской конференции 1928 г. до конца 1929 г. в партию вступило около 200.000 рабочих. После 1 января 1930 г. за короткий срок мы имеем уже заявления около 200.000 рабочих о желании вступить в партию. За один только год процент рабочих занятых в производстве, вырос на 4,5% по отношению к общему составу партии. Мы можем к XVI с'езду партии выполнить полностью директиву ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК—довести состав рабочих, занятых в производстве, членов партии до 50% общего состава. Мы будем иметь, вместе с новыми кандидатами в партию, более 2 млн. членов и кандидатов к XVI партийному с'езду. Кое у кого коллективная подача заявлений может спутать ясное, отчетливое разграничение, которое мы, большевики, проводим всегда между партией и классом. Некоторые думают, что

если идет коллективная подача заявлений, то прием должен быть коллективный. Мы должны помнить решения Коминтерна, принятые на II конгрессе по предложению Вл. Ильича о роли коммунистической партии в пролетарской революции, где подчеркивается, что «коммунистическая партия есть часть рабочего класса, именно его наиболее передовая, наиболее сознательная, а поэтому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия есть тот организационный политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляется и направляет пути всей массы пролетариата и полупролетариата». В этой резолюции подчеркивается, что «лишь после того, как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и т. п., лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидным для всех—в ряды коммунистической партии начнут входить все, или почти все рабочие».

Мы приближаемся к тому моменту, когда во многих местах коммунисты на предприятиях будут уже составлять большинство на предприятии, когда положение коммунистической партии значительно изменится в том отношении, что на фабриках и заводах она имеет вокруг себя близкие, сочувствующие партии элементы, что рабочий класс будет окружен во многих местах не морем мелкобуржуазной стихии, а сплошными районами коллективизированного сельского хозяйства, когда в этих колхозах будут все глубже и глубже укореняться формы коммунистических производственных организаций и коммунистического быта. Но на ближайший период мы все еще не подошли к такому моменту, когда мы можем поголовно включить в состав партии рабочий класс. Поэтому директива партии вполне соответствует только что приведенному решению Коммунистического Интернационала. «ЦК считает, что активная подача заявлений не только не исключает, а наоборот предполагает прием в партию в строго индивидуальном порядке. Поэтому индивидуальный подход должен быть сохранен, как единственно правильный метод. Важнейшим показателем в приеме в партию нужно считать активное участие рабочих в ударных бригадах и в социалистическом соревновании». Вместе с тем ЦК считает возможным, учитывая определенный перелом в основной части советской интеллигенции «принять в партию ее лучшие элементы, доказавших свою преданность пролетарской революции и проверенных на активной общественной работе под руководством партии». Точно так же партия считает необходимым «расширение рядов деревенских организаций за счет сельско-хозяйственных рабочих,

рабочих совхозов и батраков и более решительного вовлечения в партию передовых колхозников, особенно из бедняков».

Мы должны несколько остановиться на вопросе об этом приеме. Кто идет в партию? Судя по крупнейшим предприятиям Москвы, Ленинграда, Харькова, Донбасса, Урала и других районов, в партию идут, главным образом, политически зрелые, взрослые рабочие, даже старики, имеющие производственный стаж в 25—40 лет. Так на Харьковском паровозном заводе из 312, подавших заявление, 117 рабочих на производстве с дореволюционного времени. На Подольском механическом заводе 63% подавших заявления, рабочие с производственным стажем более 10 лет. На «Красном Путиловце», «Красном Треугольнике» и «Скороходе» — 60% с производственным стажем выше 5 лет. Вступают старики, у которых вся семья уже—либо члены партии, либо комсомольцы и пионеры,—семья становится коммунистической. Подают заявления старики, принимавшие участие в революционном движении 1905 г., но оставшиеся за последнее время несколько в стороне. Вот, например, как рабочий об'ясняет это вступление в партию: «Время требует, чтобы мы не оставались вне рядов партии, наше место там, где непоколебимое руководство ведет упорную работу за чистоту ленинских заветов, за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства». Днепропетровский пролетарий заявляет: «Мне старому рабочему, который грудью защищал завоевания Октября, стыдно быть вне рядов партии, когда пролетариат при огромном напряжении под твердым руководством партии ставит все наше строительство на социалистические рельсы».

То, что в партию идут рабочие, до последнего времени связанные с деревней, имеет в настоящее время совершенно иное значение, чем прежде. Прежде мы более осторожно относились к этому слою, поскольку эти рабочие были, в значительной степени, носителями индивидуалистических крестьянских настроений. Теперь связь этих рабочих с коллективизирующейся деревней является до известной степени плюсом, помогает нам еще скорее, еще лучше осуществить коллективизацию деревни, ибо рабочие являются искренними застрельщиками этой коллективизации и в других районах.

Мы должны сделать все возможное для того, чтобы это могучее движение поддержать, пойти ему навстречу, организовать его, придать ему еще больший размах, еще большую планомерность, политическую сознательность. Создавая ударные бригады цеха, заводы, придавая им названия ударных, коммунистических, мы тем самым налагаем на эти предприятия, на коммунистов, участвующих в ударных бригадах, цехах, предприятиях, коммунах, огромную ответственность. Это название обязывает. Между тем мы имеем ряд случаев, когда ударный завод отстает, как это было недавно с тракторным цехом Путиловского завода, или с Надеждинским заводом или с целым рядом металлургических, угольных районов, с нефтью. В ряде пред-

приятий коммунисты будут составлять большинство. Это налагает еще большую ответственность на коммунистическую партию. Не может быть такого положения, чтобы коммунисты отставали в социалистическом соревновании, менее решительно в нем участвовали, чем беспартийные, менее входили в ударные бригады, в ударные цеха, чем беспартийные. Все коммунисты и комсомольцы—в ударные организации! Все коммунисты и комсомольцы—в застрельщики этого движения! Вот к чему обязывает нас это новое, идущее к нам пополнение. Ведь факт, что налицо пока еще некоторое противоречие между ростом активности масс и теми прорывами в выполнении промфинплана, которые мы имеем. Ликвидировать эти прорывы это и означает, между прочим, правильно организовать это массовое движение, должным образом направить его, использовать эту разбуженную революционную активность масс.

Партия должна определенным образом перестроить всю свою работу. Целый ряд организационных задач вырастает перед партией, в связи с этим новым потоком. На крупнейших предприятиях, где партийные коллективы будут состоять из тысяч членов партии и кандидатов, необходимо будет выработать новые организационные формы, которые уже намечаются кое-где в виде новых «пролетных» ячеек, организованных в цехах, ударных партийных групп и т. п. Надо внимательнейшим образом изучить этот новый опыт. Необходимо перебросить ряд работников на эти предприятия, прикрепить их к этим предприятиям, чтобы они там вели всю основную работу. Необходимо будет соответственным образом перестроить работу в деревенских районах, усилить колхозные организации, в особенности в крупных районах сплошной коллективизации,—вернее сказать, впервые создать там прочную организацию коммунистов, руководящих работой в районах сельского хозяйства. Руководство этим движением, этим под'емом далеко не везде стоит на должной высоте. Кое-где оно совершенно отсутствует. Партийные организации не везде возглавили это движение и отстают от активности масс. Кое-где проявляется холодок по отношению к этому новому потоку. Должен быть создан решительный перелом в работе организаций, обслуживающих крупнейшие предприятия. Агитационная работа должна быть приспособлена к воспитанию этих передовых значительных кадров, идущих к нам в партию. Старики-рабочие говорят: «Мы хотим знать, откуда происходят наши трудности, мы хотим знать, как легче и скорее ликвидировать кулачество как класс». Массы хотят знать, как осуществить социализм, и партийная организация должна будет прежде всего дать ответ на этот вопрос. Это не значит, что надо отказаться от систематического воспитания этих новых членов партии; но это систематическое воспитание должно итти под углом зре-

ния современных задач. Оно должно прежде всего пропагандировать, углубить понимание последних решений нашей партии в свете того, что вся история нашей партии есть лишь *подготовка* к этому последнему, решительному бою, который сейчас партия ведет.

Ленинский призыв, который сейчас идет в партию,—сотни тысяч рабочих, идущих в ударные бригады, сотни тысяч батраков и бедняков, которые сейчас становятся участниками доподлинного коммунистического движения,—вот на сегодняшний день тот могучий, *новый* поток коммунистических батальонов, навстречу которому должна итти партия, чтобы эти батальоны правильно организовать, дать им настоящую ленинскую закалку, сделать их настоящими коммунистами-ленинцами. Это — трудная, ответственная, но в то же самое время почетная задача, выпавшая на долю нашей партии.

И. Мингулин.

На под'еме мирового революционного движения.

Экономический кризис в Америке, нарастающий мировой экономический кризис дают завершенную *экономическую* характеристику и оформление третьему периоду. Если VI конгресс установил перспективу дальнейшего расшатывания капиталистической стабилизации, то он исходил здесь прежде всего из ленинского анализа империализма и всеобщего кризиса капитализма. В противовес правым, видевшим лишь одну сторону процесса стабилизации — технический прогресс, известный рост продукции и т. д. и превращавшим гнилую стабилизацию в процесс оздоровления капитализма, VI конгресс по-ленински видел в стабилизации капитализма и все обостряющиеся противоречия, которые неизбежно вели к дальнейшему расшатыванию этой гнилой стабилизации. Такова была позиция VI конгресса. Не случайно поэтому, что первый этап борьбы с правым оппортунизмом после VI конгресса шел, прежде всего, вокруг ленинской *постановки* и разрешения вопросов империализма и всеобщего кризиса капитализма. Исходя из правильного, ленинского разрешения этих вопросов, VI конгресс установил процесс полевения широких рабочих масс и разработал новую тактику в руководстве борьбой рабочего класса. Так же конгресс подошел к разработке программы Коминтерна.

X пленум исходил уже не из общей формулы полевения рабочих масс и расшатывания капиталистической стабилизации, — он установил наличие *революционного под'ема* мирового рабочего движения. Правые выявили себя уже как прямые агенты контрреволюционной социал-демократии. Проповедь правых взглядов была признана несовместимой с принадлежностью к Коммунистическому Интернационалу. Основная тактическая установка перед коммунистическими партиями на *самостоятельное* руководство борьбой рабочего класса конкретизировалась и развернулась постановкой вопроса о *массовой политической стачке*, как решающем звене мобилизации масс на борьбу. *Обострение* борьбы против социал-демократии, *особенно левой*, формулированное на VI конгрессе, конкретизировалось и развернулось на X пленуме постановкой задачи *разбить* и *подорвать* в массах социал-фашизм, завоевать на свою сторону *большинство* рабочего класса в решающих пунктах борьбы.

Историческая роль VI конгресса в том и состоит, что он, открыв огонь по правому уклону, дал большевистское разрешение вопросов третьего периода и этим обеспечил преемственность ленинской линии Коммунисти-

ческого Интернационала в теории и практике и тем самым в борьбе ленинизма против оппортунизма обеспечил победу революционной линии над оппортунистической. Не случайно VI конгресс Коминтерна, указавший в тезисах по мировому положению на расшатывание капиталистической стабилизации, столь же четко в принятой программе Коминтерна предвидел «нарастание нового революционного под'ема в центрах империализма». «Грандиозные битвы труда с капиталом,— гласит программа Коминтерна,— усиливающийся процесс полевения масс, рост влияния и авторитета коммунистических партий, громадный рост симпатий широчайших рабочих масс к стране пролетарской диктатуры,— все это ясно указывает на нарастание нового революционного под'ема в центрах империализма».

Правильность *политической* характеристики, данной третьему периоду VI конгрессом, совершенно ясно обнаружилась к X пленуму ИККИ. Борьба в Лодзи, Руре, стачка текстильщиков в Бомбее, первомайские баррикады в Берлине были достаточно убедительными показателями. «Новым со времени VI всемирного конгресса,—устанавливает поэтому резолюция X пленума ИККИ,—является резко обозначившееся полевение международного рабочего класса и нарастание нового под'ема революционного рабочего движения». На этой основе была более четко и конкретно развернута характеристика третьего периода вообще и ко времени X пленума в частности.

«Вопреки пророчествам социал-демократии и вторившим ей правым и примиренческим элементам,—гласит та же резолюция,—стабилизация капитализма не только не стала прочной, а наоборот, все более и более расшатывается, все более наглядно подтверждается правильность данной VI конгрессом оценки теперешнего третьего послевоенного периода капитализма, как периода нарастания его общего кризиса, ускоренного обострения основных внешних и внутренних противоречий империализма, ведущих с неизбежностью к империалистическим войнам, величайшим классовым конфликтам, к полосе развертывания нового революционного под'ема в основных капиталистических странах, к великим антиимпериалистическим революциям в колониальных странах».

Такова была развернутая характеристика данная мировому положению X пленумом ИККИ. Но X пленум не мог уже ограничиться даже этой, более развернутой характеристикой. Та ступень развития противоречий международного империализма, которая была достигнута к X пленуму ИККИ, требовала более конкретного ответа на вопрос о *положении американского капитализма*. В общей форме этот ответ был дан как VI конгрессом, так и X пленумом ИККИ. Не случайно основные общие проблемы третьего периода наиболее заостренно стали в дискуссии по американскому вопросу (вопрос о внутренних и внешних противоречиях империализма, вопрос об американской «исключительности» и т. д. Если отвлечься от мелочей, то вопрос стоял так: потянет ли могучий американский империализм за собой весь остальной капиталистический мир на путь «оздоровления», вытащит его (как и себя) из всеобщего кризиса капитализма, *или* же всеобщий кризис капитализма, на основе которого развивается и американское просперити, будет углубляться и нанесет смертельный удар американскому просперити, обнаружит ведущую роль загнивания и кризиса капитализма, а не его «процветания», хотя бы в самой могучей империалистической стране.

В той или иной форме правые, троцкисты и социал-демократы давали на этот вопрос ответ в том смысле, что—*Америка вывезет*. Несомненно, свои политические и теоретические построения все эти буржуазные течения прежде всего набрасывали с американской вышки.

Коммунистический Интернационал не мог не дать противоположного ответа на этот вопрос. Историческая роль дискуссии по американскому вопросу в том и состоит, что Коммунистический Интернационал беспощадно отверг и разоблачил правый оппортунизм в этом вопросе. Еще до X пленума ИККИ Коминтерн отверг постановку американских правых под руководством Ловстона и Пеппера об американской «исключительности». Уже не раз отмечалось, что правые в американской компартии в своих воспеваниях мощности и процветания американского капитализма отнюдь не уступали самой нечестной буржуазной рекламе. Понятно, за их теорией «исключительности» американского капитализма скрывалось отрицание всеобщего кризиса мирового капитализма вообще. Это была просто американская разновидность теории оздоровления капитализма. Вместе с тем, это отражало глубокое проникновение буржуазных элементов и идеологии в коммунистическую партию. Поэтому, Коминтерн с такой беспощадностью взял на штыки правый оппортунизм в американской компартии.

«Многим кажется теперь, — говорил тов. Сталин в американской комиссии президиума ИККИ 6-го мая 1929 г., — что общий кризис мирового капитализма не коснется Америки. Это, конечно, неверно. Совершенно неверно, товарищи. Кризис мирового капитализма развивается усиленным темпом, и он не может не коснуться американского капитализма. 3 миллиона безработных, имеющихся теперь в Америке, — это первая ласточка, говорящая о том, что кризис назревает и в Америке... Я думаю, что не далек тот момент, когда революционный кризис развернется в Америке. И когда революционный кризис развернется в Америке, это будет началом конца всего мирового капитализма».

В письме, принятом президиумом ИККИ по американскому вопросу, теория американской исключительности была разоблачена и отвергнута без остатков. X пленум ИККИ работал уже в то время, когда начали обнаруживаться некоторые симптомы приближавшегося краха просперити. Пленум должен был дать конкретный ответ на вопрос об американском просперити, он мог уже дать его. «Все яснее,—говорит резолюция пленума,—вскрывается банкротство провозглашенного американской буржуазией лозунга пресловутого «процветания» (просперити)». В связи с этим же резолюция вполне уместно ставила и вопрос о том, что «представление примиренцев о притуплении внутренних противоречий в капиталистических странах и о возможности организации внутреннего рынка при сохранении анархии исключительно на мировом рынке опровергается всем развитием капитализма на протяжении последних лет»...

Крах на нью-йоркской бирже, гигантский экономический кризис, развернувшийся в Америке, назревающий мировой экономический кризис,—все это, таким образом, этап развития, вытекающий целиком из установки Коминтерна,—перспектива, из которой исходил Коминтерн и которая ориентировала нас в нашей международной борьбе. Кто может сейчас оспаривать, что коммунистические партии вышли из периода острой борьбы с правыми в 1928—29 гг. неизмеримо окрепшими, лучше подготовленными к руководству большими революционными боями. Кто может отрицать, что 1928—29 гг. были годами огромного усиления социализма по сравнению с капитализмом. А разве мировой экономический кризис, как заключение известного этапа развития и исходный пункт нового этапа, не создает *мирового перелома* в развитии кризиса капитализма и международной пролетарской революции?..

Что биржевой крах разразился на *основе* назревавшего *экономического кризиса*, это теперь совершенно несомненно.

Биржевой крах вскрыл назревавший экономический кризис, углубил и обострил его. Внутренний рынок стремительно сжался и ударил по промыш-

ленности. К декабрю производство автомобилей, которое стало играть ведущую роль в американской экономике, упало в три раза. Добыча чугуна пала ниже средне-месячных данных, начиная с 1924 г. Добыча стали пала точно так же ниже средие-месячных данных, начиная примерно с 1923 г. и на 25% ниже средне-месячных даиных, иачиная примерно с 1925 г., строительные контракты с июля до ноября сократились на 53%, грузооборот с сентября до октября уменьшился на 21% и т. д. И, иесмотря на весь шум, поднятый гуверовским комитетом—шум, имеющий определенные цели, но отнюдь не цели приостаиовить кризис,—кризис разрастается дальше. Серьезнейшим показателем глубины кризиса является то, что за последние 4—5 месяцев уволено уже свыше 400 тысяч рабочих и 16% занятых рабочих в настоящее время работает не полиое время.

Американский кризис наиосит сокрушительный, смертельный удар бухаринской разиовидности теории «оргаиизованного капитализма» и антимарксистской либеральио-пацифистской теории примата внешних противоречий над виутреиними.

Бухариским положеииям о «замирании конкуренции внутри капиталистической страны при величайшем обострении конкуренции между капиталистическими странами», об исчезновении «проблематики рынка» нанесен смертельный удар оттуда, где эти положения, казалось, свили себе наиболее прочное гнездо, где эти положения, казалось, имели наибольшую приложимость и были освящены таким авторитетным ареопагом буржуазии, как гуверовский комитет. Какой ироиией звучит сейчас характеристика, данная т. Бухариным современному капитализму.—«Его анархическая природа,— вещал т. Бухарин 30 июия 1929 г.— переползает на основные линии междуиародно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации». До какой степени надо было фактически подменить марксизм идеологией монополистического капитализма, до какой степени надо было стать невольным глашатаем гуверовской техники равновесия, чтобы так прикрашивать капиталистическую действительиость.

«Устранение кризисов картелями, — писал Леиин в «Империализме»,— есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало». Американский кризис воочию показал, что именно и внутри страны «монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойствеиную всему капиталистическому производству в целом».

В этом именно суть дела, имеино поэтому «это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуреиции и монополии и существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию». (Ленин, 3-е изд., т. XX, стр. 297).

Картели не только не устраняют кризисов, ио и не пытаются их устранять, а имеино в этом склоииы сомневаться кое-кто, с иекоторой иеуверенностью взирающие иа работу комитета Гувера. Это — отрыжка, примиренчество к теории «оргаиизоваиного капитализма». Таким людям полезно напомиить то, что писал Ленин в полемике с одним из представителей бухаринской группы в 1917 г. т. Сокольниковым.

«У т. Сокольникова, — писал Ленин, — вышло вот что:

... «Товары аиархически производятся в постояино возрастающем количестве, попытки капиталистических союзов (трестов и пр.), ограничивая производство, устранять кризисы, терпят крушеиие».

«Но товары, — отвечал Ленин, — производятся трестами именно не анархически, а по учету. Тресты не только «ограиичивают» произ-

водство. Попыток устранить кризисы они не делают, таких «попыток»
со стороны трестов быть не может. У т. С. получился ряд неточностей.
Надо бы сказать, хотя тресты производят товары не анархически, а по
учету, но кризисы все же остаются неустраиимыми в силу указанных выше
свойств капитализма, сохраняющихся и при трестах. А, если тресты, в пе-
риод наибольшего под'ема и спекуляции, ограиичивают производство в том
смысле, чтобы «ие зарваться», то этим они в лучшем случае сберегают са-
мые крупные предприятия, кризисы же наступают тем не меиее».
К этим положениям Ленина, в применении к американскому кризису
и в связи с ним деятельности моиополистических организаций американского
капитализма под руководством гуверовского комитета, нам нечего добавить.
Созданный Гувером экономический совет лишь прикрывается
шумихой о планах ликвидации кризиса. Эта шумиха крайне нужна бур-
жуазии для обмаиа рабочих, для усыпления бдительности пролетариата.
Действительные же задачи, которые проводятся и подготовляются для про-
ведения под прикрытием этой шумихи советом заправил финаисового капи-
тала, состоят в проведении второго и бешеного тура рациоиализации за счет
рабочего класса и огромных масс фермерства и в проведении иастоящей офен-
зивы против своих империалистических конкурентов на мировых рынках.
Атаки на монополию внешней торговли СССР — одна из составных частей
этой программы. Именно поэтому компартия Америки должиа концентри-
ровать свою агитацию на разоблачении не просто нереальиости «плановой
шумихи гуверовского комитета. Этого совершенно иедостаточно. Центр тя-
жести агитации состоит в том, чтобы вскрыть перед массами империалисти-
ческую сущность, скрывающуюся за этой шумихой и подготовить, мобили-
зовать массы к встречному контрнаступлению иа позиции империализма.
Американский кризис обиаружил глубочайшую аиархическую, гнилую
и расшатанную осиову самого «организованного», самого «оздоровленного»
капитализма. Процессы дальнейшей коицеитрации, развивающиеся в амери-
канском капитализме в все больших размерах за все последиие годы и осо-
бенно в последний год, в связи с кризисом уже делают дальиейший прыжок.
Число промышленных концернов, прекративших свое существование в связи
со слиянием, за последние годы представляется в следующем виде: 1919 г.—
438, 1920 г. — 760, 1921 г. — 487, 1922 г. — 309, 1923 г. — 311, 1924 г. —
368, 1925 г. — 554, 1926 г. — 856, 1927 г. — 870, 1928 г. — 1.038, 1929 г.—
1.500. В последнее время имели место гигаитские баиковские фузии и об'еди-
нения в стальной промышленности. Весь этот быстрый процесс концентра-
ции еще больше усиливает противоречия американского капитализма,
еще больше расшатывает его в самых основах, ускореиным темпом прибли-
жая революционный кризис и крах.
«Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма» —
говорил т. Сталин на президиуме ИККИ 14 мая 1929 г. — Эта почва уже
загорается, и американский капитализм здесь не составит исключения. Это
сейчас иастолько очевидно, что, кроме слепых и сознательных врагов ра-
бочего класса, навряд ли кто будет оспаривать это. Первая ласточка аме-
риканского кризиса — 3 миллиона безработиых, выросла уже по скромным
подсчетам до 5—6 миллионов. Коминтерн создал в американской компартии
предпосылки, чтобы она могла усилеино подготовлять массы к этой назре-
вающей революции. 4.500 новых членов партии, вступивших в нее в первый
период вербовочной кампаиии, говорят об этом достаточно убедительно.
Это ответ рабочих масс на откол контрреволюционной троцкистской группы
Кенноиа и на откол реиегатской группы Ловстона - Гитлоу. И, прежде всего,
это ответ на призыв партии к революционной мобилизации пролетариата
Америки. Не техническая, не промышленная (Ловстон), а пролетарская рево-
люция — вот куда неудержимо и верно идет американский капитализм.

Но экономический кризис в Америке развертывается не только на основе всеобщего кризиса капитализма. Он развертывается не только на основе расшатывания его стабилизации. Он развертывается на основе определенного этапа расшатывания этой гнилой стабилизации. Э к о н о м и ч е с к и й к р и з и с в А м е р и к е р а з в е р н у л с я н а о с н о в е н а з р е в а н и я м и р о в о г о э к о н о м и ч е с к о г о к р и з и с а и с т а н о в и т с я и с х о д н ы м п у н к т о м э т о г о м и р о в о г о э к о н о м и ч е с к о г о к р и з и с а. Только люди, идейно капитулирующие перед кампанией, развернутой гуверовским комитетом, не преодолевшие еще теории американской исключительности, не понимающие всей глубины, всех коренных международных основ развернувшегося кризиса, могут отрицать это. По существу это есть недооценка революционного под'ема, его мирового характера, недооценка расшатывания стабилизации капитализма.

Еще до наступления американского кризиса мы имели определенное проявление частичных кризисов во всех главнейших странах Южной Америки, как Аргентина, Бразилия, Колумбия и Эквадор, особенно тесно экономически и политически связанных и зависимых от американского капитализма. Огромное падение цен на сахар, хлопок, каучук, пшеницу и другие основные экспортные товары этих стран вызвали резкое сужение их покупательной способности и этим, в свою очередь, подготовили кризис в Америке. В аналогичном положении находится и Канада. Кризис в Америке вызовет дальнейшее расширение и обострение экономического кризиса в этих странах.

Что касается Европы, то здесь, если в ряде страны до американского кризиса мы наблюдали более или менее острую депрессию, несомненно сыгравшую роль в назревании экономического кризиса в Америке, в настоящее время волны американского кризиса докатываются уже до основных европейских стран. Оптовый индекс цен (с марта по октябрь) пал во всех капиталистических странах (Англия, Германия, Франция, Бельгия, Чехо-Словакия, Польша, Италия, Голландия и т. д.). Если в Англии до 3-го квартала мы имели улучшение кон'юнктуры в основных отраслях тяжелой промышленности, то с 3-го квартала здесь наступил резкий перелом, характеризующийся, прежде всего, снижением индекса обрабатывающей промышленности и чрезвычайно быстрым темпом роста безработицы. В Германии к началу американского кризиса было некоторое промышленное оживление, однако, с конца 3-го квартала начался перелом, характеризующийся точно так же снижением промышленного индекса и быстрым ростом безработицы. Даже во Франции, не знавшей серьезных промышленных пертурбаций почти за весь послевоенный период, начиная с 3-го квартала, происходит снижение продукции важнейших отраслей промышленности. Наконец, в странах Восточной и Юго-восточной Европы уже значительный период господствует затяжной и острый экономический кризис.

Кризис китайской контрреволюции, назревающий кризис в Индии, революционный под'ем, нарастающий в Южной Африке, упорное и растущее стачечное движение и обостряющийся экономический кризис в Австрии,— говорят о том, что и в колониальном и полуколониальном секторе империализма мы идем навстречу крупным экономическим и политическим потрясениям. То же самое надо сказать и в отношении Японии.

Экономический кризис в Америке разразился на основе назревания мирового экономического кризиса. Экономический кризис в Америке только еще развертывается. В условиях монополистического капитализма процесс распространения кризиса хотя несомненно более замедлен, но в то же время неравномерен и скачкообразен. И именно поэтому и в обстановке революционного под'ема и расшатывания капиталистической стабилизации, когда

противоречия внутри каждой капиталистической страны доведены до крайней напряженности, когда назревают условия и сам мировой экономический кризис, давление кризиса могущественнейшей империалистической страны, представляющей около половины мировой капиталистической экономики и, в этом смысле являющейся ведущей, не может не привести к огромнейшему конвульсивному и скачкообразному обострению кризиса капитализма, к острому мировому экономическому кризису, т.-е. к экономическому с р ы в у, и может быть, и крушению расшатанной капиталистической стабилизации. Такова диалектика развития, не похожая на школьные упражнения с механистическим противопоставлением внутренних и внешних противоречий империализма. Новая и стремительная волна концентрации капитала, капиталистической рационализации, бешеных атак на рабочий класс, небывалого обострения международной конкуренции и опасности империалистической войны, стремления империалистических стран переложить тяжесть кризисов на колониальные народы, новая волна антисоветской кампании, нападок на СССР — таково ближайшее будущее, уже быстро развертывающееся сейчас.

Нарастающий мировой экономический кризис не может иметь ни обычного характера ни обычных последствий. Это—экономический кризис: а) капитализма нисходящего, б) в обстановке всеобщего кризиса капитализма, в) в обстановке расшатывания гнилой стабилизации капитализма, г) и прежде всего, в обстановке революционного под'ема мирового рабочего движения и огромного экономического, социалистического роста СССР и его международного влияния, д) в обстановке хронического и глубочайшего а г р а р н о г о к р и з и с а, неразрывно связанного со всем развитием капитализма и особенно с его послевоенным периодом, подымающего уже огромные пласты крестьянства на революционную борьбу и который, прежде всего, в огромной степени обострится с наступающим кризисом, и е) в обстановке революционного под'ема в колониях, под'ема, в котором застрельщиком выступает уже рабочий класс, как класс, единственно претендующий и могущий стать во главе революции, которой кризис дает небывалый толчок. Наконец, Соед. Штаты из могучего фактора стабилизации капитализма становятся несомненным и сильнейшим фактором подрыва и крушения этой стабилизации. Этот кризис будет звеном, этапом дальнейшего упадка капитализма и в огромной степени обострит всеобщий кризис капитализма, далее: процесс расшатывания ускорится, станет резче, революционный под'ем ускоряется и подымется на более высокую ступень; методы и формы борьбы рабочей массы станут выше, революционнее; соотношение сил изменится резко в пользу СССР и экономически и политически станет резче и непроходимей идеологическая грань, пропасть между СССР и окружающим его капиталистическим миром; крестьянские резервы, которым коллективизация и ликвидация кулачества как класса в СССР дают небывалой силы революционный импульс, подтянутся к пролетарскому авангарду; колониальные революционные движения могучим мировым фронтом сольются с пролетарскими революционными движениями. В совокупности это не может не составить п е р е л о м а в развитии борьбы за м и р о в у ю диктатуру пролетариата.

Несомненно, что оценка нарастающего мирового кризиса вызовет в секциях Коммунистического Интернационала некоторые сомнения, колебания, которые с обострением ситуации могут превратиться в серьезные шатания. Те или иные ошибочные оттенки в вопросе об оценке кризиса и его последствий на действительном фронте классовой борьбы, которая становится все более жестокой, суровей, требует жертв и крови, мужества и самопожертвования, не может не вызвать самых серьезных шатаний. Но несомненно, что в нынешний период, когда классовая борьба развивается революционными темпами, подымается быстро на все более высокие ступени, основная опасность для коммунистического авангарда не может не итти,

как отметил X пленум ИККИ, со стороны отставания от революционных темпов развития и обостряющейся быстро классовой борьбы. Это — правая опасность. Мы должны со всей силой открыть большевистский огонь по всякой недооценке *особенно в практической работе, в темпах* ее развертывания, характера, значения и последствий нарастающего мирового экономического кризиса.

Развертывающийся мировой экономический кризис имеет место при таких исторических условиях, что по своему значению он становится крупнейшим этапом в послевоенной истории капитализма. В отличие от мирового экономического кризиса 1920—21 года, разразившегося на отливе революционной волны, ставшего поэтому исходным пунктом капиталистической стабилизации, настоящий кризис развертывается в особо благоприятных для пролетарской революции условиях—расшатывания капиталистической стабилизации, мирового революционного под'ема, гигантского социалистического роста СССР.

Кризис приводит к общему ослаблению империалистического фронта и усилению фронта антимилитаристического. Слабость некоторых важнейших звеньев империализма доводится до крайней степени. Речь идет прежде всего о том, что в таких странах как Польша нарастает общеполитический кризис и перед компартией ставится актуальная задача подготовки пролетариата к решающим боям за власть.

Революционный под'ем, которому назревающий мировой экономический кризис дает огромный толчок, развертывается в исключительно благоприятных условиях. В лагере империализма решающие противоречия доведены до крайнего напряжения, они растут, обостряются. Чудовищное обострение борьбы за рынки, которое вызовет и уже вызывает назревающий кризис, доведет очень быстро и уже доводит это напряжение противоречий до такой степени, что мы можем ставить вопрос о назревающем *распаде* империалистического фронта, о непосредственной угрозе военной опасности. *Недооценка военной опасности сейчас означает недооценку перспектив и пассивность в подготовке пролетарской революции.* Военная опасность неразрывно связана с распадом, расшатыванием капиталистической стабилизации, она неразрывно связана с тем, что почва под капитализмом загорается. Бороться против военной опасности сейчас означает бороться за то, чтобы вырвать инициативу решающего действия у классового врага, т.-е. не дать империализму военным кровопусканием (что не исключает и наоборот вырастает из усиливающегося сейчас фашистского террора против революционного движения) ослабить ход пролетарской революции, ее силы, отставить ее решающие сроки. Поэтому против недооценки военной опасности, как против недооценки перспектив пролетарской революции, как против оппортунистической пассивности и хвостизма в деле подготовки этой революции, в деле мобилизации пролетариата, сейчас надо развернуть сильнейший большевистский огонь.

При всем распаде в империалистическом лагере, что определит собой и исход лондонской конференции, антисоветские силы разворачивают сейчас небывало бешеную работу. Во главе этой работы неизбежно становится социал-фашизм. Ему усиленно помогают правые и троцкистские ренегаты, ставшие *прямыми* агентами социал-фашизма.

Кризис социал-фашизма в массах, отвоевывание компартией на свою сторону все больших слоев пролетариата, исключительный рост авторитета и влияния СССР, как движущей силы мировой пролетарской революции, призрак гибели, который уже реет над головой социал-демократии, доводит ее бешенство против революционного движения до исступления, концентрируя его, прежде всего, против незыблемой и мощной опоры пролетарской рево-

люции — СССР. Мы стоим перед наиболее кровавой, наиболее контрреволюционной эпопеей социал-демократии. Социал-фашизм (с прямой помощью правых ренегатов и контрреволюционных троцкистов) стал в авангарде травли революционного движения, вооруженной борьбы против него, травли компартий, репрессий против них и подготовки и угрозы их запрещения. Это в соответственных формах относится и к СССР. Политика самого «пацифистского» правительства в отношении СССР, правительства Макдональда, как это уже совершенно ясно выявилось, отличается от политики твердолобых тем, что «рабочее» правительство, признавая СССР в целях обмана масс и под растущим давлением кризиса, в то же время только более тонкими методами продолжает и усиливает политику твердолобых, направленную к подготовке войны против СССР. Именно в виду того, что военная опасность в настоящий период нарастает в условиях революционного под'ема и заострена против СССР, не может быть никакого сомнения в том, что в основных странах империализма контрреволюция будет иметь в своем авангарде завершившую фашистский путь развития социал-демократию. Даже в стране «исключительности», в Соединенных Штатах, социал-реформизм своеобразным и сокращенным путем проходит то развитие, которое европейская социал-демократия сделала за последнее десятилетие. Таким образом, распад империалистического фронта с усилением антисоветской работы и обострением военной опасности против СССР, становящейся непосредственной угрозой, — таковы самые существенные изменения в лагере империализма. Это означает, что борьба коммунистических партий против военной опасности не может быть, прежде всего, борьбой за мобилизацию масс в защиту СССР, борьбой за пролетарскую революцию.

Военная опасность, которая нарастает сейчас, есть, прежде всего, выражение и результат распада капитализма, роста классовой борьбы, угрозы прорыва империалистического фронта в решающих его звеньях, созревания мировой об'ективно-революционной ситуации, приближения непосредственно революционной ситуации.

Если Ленин в 1919 г. считал победу *идеи советов* в массах гарантией успеха международной пролетарской революции, то сейчас эта победа идеи советов углубилась, расширилась, окрепла. Идея советов как органов свержения капитализма, как органов пролетарской диктатуры, как органов гражданской войны распространялась и побеждала тогда в массах. Советы на глазах международного пролетариата и в борьбе с социал-демократическими идеями и политикой прошли за последние годы всемирно историческое испытание и в этом испытании *победили*. Советы оправдали себя, как органы восстановления хозяйства при диктатуре пролетариата, они оправдали себя, как органы реконструкции народного хозяйства и, наконец, и, прежде всего, они оправдывают сейчас себя, как органы ликвидации классов, как органы построения *полного* социализма. Этим самым социал-демократия терпит полный крах во всех своих решающих звеньях. Этим самым вопрос «кто кого» получает всемирно-историческое *ленинское* разрешение. Победное шествие идеи советов, идеи пролетарской революции выходит на широкую дорогу, получает огромнейший толчок...

Американский кризис и нарастающий мировой экономический кризис устраняют с пути революции то препятствие, которое социал-демократия воздвигла на основе пропаганды и результатов просперити. Вместе с тем тридцатимиллионный пролетариат Америки в подавляющем своем большинстве делается доступным к мобилизации вокруг борьбы за советы. Сам по себе этот последний факт не может не иметь исторического значения как в антисоветской политике Америки, так и прежде всего в грядущей открытой борьбе последними средствами между СССР и империализмом, усиливая шансы победы социализма над капитализмом.

Национально-революционное движение, быстро развиваясь, идет по единственно правильному пути. Отход колониальной буржуазии в лагерь империализма, в лагерь контрреволюции является, прежде всего, выражением ослабления сил империализма, выражением роста антиимпериалистического фронта, роста влияния в нем пролетариата. И колониальный пролетариат не только в Китае, но и в Индии, но и в Южной Африке показывает чудеса мужества и революционного примера, подымая за собой многомиллионные пласты крестьянства. Бешеный общий нажим на колонии, как неизбежный результат кризиса, наталкивается на встречную волну национально-революционного движения и приведет лишь к укреплению и сплочению антиимпериалистического фронта, к огромному усилению пролетарской гегемонии на этом фронте.

Установка X пленума ИККИ о перспективах и роли партии II Интернационала у власти, находит полное подтверждение. Но уже сказывается здесь и более высокая ступень революционного развития. Если роль «рабочего» правительства в Англии остается в основном той же, как определил X пленум ИККИ, но значительно усилилась фашизация рабочей партии, реформистских профсоюзов и «рабочего» правительства, непосредственное сращение последнего с финансовым капиталом и предпринимательскими организациями, то центр тяжести проблемы в отношении политической миссии правительства Мюллера несколько перемещается. Правительство Мюллера в Германии сейчас есть прежде всего правительство борьбы с революционным под'емом пролетариата, есть организатор и проводник буржуазной диктатуры, буржуазной контрреволюции против подымающейся пролетарской революции. В этом сказывается общее ослабление империалистического фронта, выдвижение германского пролетариата как авангарда революционной борьбы. Сущность перегруппировки классовых сил в капиталистических странах состоит в том, что революционный под'ем, а в таких странах, как Германия, Польша приближайшийся революционный кризис, наряду с ослаблением всего буржуазного фронта, ведет к относительному усилению в последнем роли социал-фашизма, что отнюдь не исключает роста национал-фашизма или просто фашизма, особенно там, где больше роль мелкой буржуазии, отражая ее резкие колебания. Социал-фашизм, призванный уже для непосредственного проведения буржуазной контрреволюции и до этого терявший свое влияние в массах, выступает против рабочего класса с оружием в руках для подавления массового революционного движения, разоблачая себя как прямой приказчик буржуазии, как классовый враг пролетариата, подрывая окончательно свое влияние в широких массах рабочего класса и трудящихся вообще.

Если поражение пролетариата в 1919—20 гг. определилось предательством социал-демократии, то сейчас социал-демократия просто стоит по той стороне баррикад. Это прямой и окончательно разоблачающийся классовый враг. Каждый пролетарий, в котором пробуждается классовое самосознание хотя бы в самой зачаточной форме, видит в социал-демократии такого же классового врага, как и в других буржуазных партиях. Отход масс от социал-демократии есть непосредственно переход к революционной борьбе против капитализма. Каждый пролетарий, который вступает в классовую борьбу, какие бы она элементарные формы не принимала, встречает в социал-демократии классового врага, борется против нее. Организатором и руководителем классовой борьбы является только компартия. Социал-демократия в пролетарской революции будет не просто предателем, а прямым и открытым врагом. В грядущей революции победа пролетариата, при большевистском руководстве коммунистической партии, обеспечена.

Таким образом, общее ослабление буржуазного лагеря, обострение кризиса социал-фашизма в массах, увеличение его роли в лагере контрреволюции, при общем развитии вообще фашистской диктатуры буржуазии, рост силы и влияния компартии — таков основной итог перегруппировки классовых сил в капиталистических странах.

При огромном усилении ведущей роли СССР революционное движение пролетариата в передовых странах под руководством окрепших коммунистических партий сливается и соединяется с революционным под'емом огромных крестьянских и колониальных резервов. Это и есть то сочетание движущих сил мировой пролетарской революции, которое наиболее верно обеспечивает ее мировой размах и победу.

X пленум ИККИ выдвинул как решающее звено в ближайший период политическую стачку, как метод мобилизации масс, об'единения их борьбы и подведения к лозунгу диктатуры пролетариата. Организация и самостоятельное руководство экономическими боями и перевод этих боев на политические рельсы — вот основная задача, поставленная X пленумом ИККИ перед коммунистическим партиями. Развитие классовой борьбы после X пленума подняло и содержание и методы этой борьбы на более высокую ступень. Диктатура пролетариата или диктатура буржуазии, социализм или капитализм—вот тот основной вопрос, который становится стержнем пролетарской борьбы.

Повседневное содержание, повседневные, самые жизненные интересы рабочего толкают пролетариат к революционной, практической постановке проблемы власти. Капитализм не только не удовлетворяет его самые необходимые потребности, но ведет бешеную атаку на самые скромные завоевания, которые пролетариат получил в прошлом. Миллионы пролетариев выбрасываются с производства на улицу. Безработица всюду бешено растет. Безработные обрекаются на голодное прозябание. Остающиеся миллионы на предприятиях подвергаются бешенному давлению рационализации, работают с нечеловеческим напряжением труда. Всякое проявление классовой борьбы становится фактически незаконным, нелегальным, наталкивается на вооруженный полицейский отпор буржуазии. Вооруженный полицейский разгром пролетариата, наступление на него становится основной задачей буржуазии в борьбе против рабочего класса. Это означает, что пролетариат в своей повседневной борьбе атакует самые основы капиталистического строя. Гражданская война между буржуазией и пролетариатом идет в разрозненных битвах, вооруженных столкновениях, расстрелах рабочих, арестах и т. д. Крайняя неустойчивость и обостренность классовых отношений, революционная степень заострения классовых противоречий, прорыв классовой борьбой рамок легальности, рамок капиталистического государства рамок фашистской диктатуры (Италия, Польша), — такова характеристика современной классовой борьбы. Пролетариат — как и его классовый враг — все ясней и быстрей осознает, что дело именно стоит так: диктатура буржуазии или пролетарская революция.

И характер классовой борьбы ясно указывает на назревание суб'ективных предпосылок революционного кризиса. Самое характерное в классовой борьбе после X пленума ИККИ, что накладывает на нее решающий отпечаток, состоит в повседневных и многочисленных революционных массовых демонстрациях пролетарских масс, прежде всего, угнетенных масс, вообще. Выступают на улицу, на открытую революционную, в том числе и вооруженную, борьбу огромные массы пролетариата и угнетенных. Пролетарская борьба прорывается на улицу, на открытую арену. Эта форма борьбы становится ведущей, определяющей настроение пролетариата. Ее развитие и исход определяет сейчас отношение классов. Она есть показатель уровня революционного под'ема, его характера. Сочетание экономической и политической стачки с революционными демонстрациями, — такова та форма борьбы, которую выдвинуло сейчас массовое революционное движение. Эта форма пролетарской борьбы определяет ступень революционного

под'ема и получает мощный толчок от нарастания мирового экономического кризиса. Революционная массовая демонстрация—вот та более высокая форма классовой борьбы, которая развернулась после первомайских демонстраций, стала ведущей после X пленума ИККИ и подняла революционный под'ем и классовую борьбу пролетариата на новую, более высокую ступень. Эта форма пролетарской борьбы определяется также все растущей ролью движения безработных.

Безработица, которую капитализм стихийно усиливает ежедневно и ежечасно для спасения предпринимательских прибылей и самих капиталистических предприятий, безработица, которая растет сотнями тысяч во всех странах и которая еще более неимоверно вырастет с мировым экономическим кризисом, ибо ножницы между движением (застоем, депрессией, кризисом) производства и быстрым ростом производительности труда (за счет бешеного усиления эксплоатации рабочих, прежде всего) все более и скачкообразно увеличиваются, безработица становится смертельным и стихийным бедствием капитализма. Оправдываются гениальные пророческие слова Маркса. «... Абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, — писал он, — только отвечает потребности капиталистического способа производства... Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т.-е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. Этим снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что напротив в известном пункте оно приходит к коллизии с этим развитием». («Капитал», том III; часть 1, стр. 245—246).

Число безработных в капиталистических странах доходит сейчас до 17—18 миллионов. Именно в безработице так ярко и остро сказывается все чудовищное развитие противоречия между развитием производительной силы общественного труда и сковывающими это развитие капиталистическими частнособственническими отношениями. Безработица расшатывает капитализм, подрывает его основы, расстраивает всю его систему. Рост безработицы подрывает веру масс в капитализм, подымает их на борьбу против него. Когда, как, напр., в Польше на 3 работающих приходится один безработный, в Германии на 4 работающих приходится один безработный и т. д., не считая неполностью работающих, когда каждая семья поражена безработицей без надежды на улучшение положения,—тогда безработица становится делом всего рабочего класса, свидетельством на банкротство капитализма, могучим тараном, который разрушает этот строй. Борьба с безработицей становится поэтому исходным пунктом мобилизации масс на борьбу с капитализмом. Каждый рабочий стоит перед угрозой очутиться завтра частично или совсем без работы, быть выброшенным на улицу.

И то обстоятельство, что безработица играет такую роль, что безработные начинают тысячами выступать на революционных аванпостах, что на первый план выдвигается революционная роль проблемы безработицы, находит соответствующий тактический ответ со стороны буржуазии и социал-фашизма. Стратегия буржуазии и социал-фашизма состоит в том, чтобы оторвать движение безработных от движения занятых на предприятиях рабочих, изолировать движение безработных, противопоставить это движение борьбе рабочих на предприятиях.

Отсюда наша важнейшая задача добиться единства движения безработных с работающими, превратить борьбу и движение безработных в борьбу с безработицей, в движение и борьбу всего рабочего класса, сделать борьбу рабочих на предприятиях борьбой

также и безработных. Международный Красный день (6/III) борьбы против безработицы и капитализма должен стать одним из важнейших этапов об'единения интернациональной борьбы работающих и безработных в капиталистических странах. Создавая комитеты единства работающих и безработных снизу, развивая систематическую и упорную работу в создающихся советах безработных, организуя эти советы, об'единяя это движение в районном и национальном масштабе, раз'ясняя рабочим единство интересов целей и революционных задач борьбы,—компартии добьются этого.

Отсюда, таким образом, следует, что, только опираясь на экономическую борьбу рабочего класса, на борьбу вокруг частичных требований, революционные демонстрации могут играть действительно революционизирующую роль, роль более высокой формы мобилизации и выступления масс. Только этим путем, с одной стороны, достигается об'единение, сочетание революционных массовых демонстраций с экономическими и политическими стачками и, с другой стороны, достигается об'единение, единство борьбы работающих на предприятии рабочих с безработными и угнетенными массами вообще.

Массовая революционная демонстрация не является самостоятельным методом пролетарской борьбы. В условиях непосредственной революционной ситуации она, перерастая в вооруженную демонстрацию, на ряду с массовой политической стачкой, приводит к вооруженному восстанию. В обстановке, — как в настоящий период — революционного под'ема, назревания условий революционной ситуации, развитие массовой революционной демонстрации, будучи выражением всеобщности революционного под'ема, втягивания в него самых угнетенных и отсталых масс, вместе с тем становится методом об'единения самых разнообразных форм борьбы на различных участках революционного под'ема. В этих условиях именно, в этом ее сила и перспектива. Массовая революционная демонстрация об'единяет борьбу занятых на предприятии рабочих с борьбой огромной, революционизирующейся армией безработных, она об'единяет борьбу пролетариата с борьбой крестьянства, борьбу пролетариев городов с борьбой сельскохозяйственных рабочих. Таким образом, она служит показателем широты охвата революционным под'емом самых разнообразных и глубочайших слоев угнетенных масс. Революционная демонстрация является вместе с тем, выражением более высокой ступени революционного под'ема. Здесь борьба масс, особенно в современных условиях фашистского и социал-фашистского режима и террора, принимает всеобщий, остро политический и революционный характер. Следовательно, для коммунистической партии вопрос о массовой революционной демонстрации на теперешнем этапе революционного под'ема есть вопрос об'единения борьбы и перевода ее на более высокую революционную ступень, т.-е. вопрос более высокой ступени революционного под'ема.

С другой стороны, понятно, что массовая революционная демонстрация, опирающаяся на экономическую стачку, придает ей политический характер, при чем, опираясь на политические стачки, она подымает борьбу на более высокий революционный уровень и в то же время сама становится путем и орудием перехода разрозненных экономических и политических выступлений пролетариата и трудящихся масс вообще в массовую политическую стачку, подводя ее вплотную к всеобщей политической стачке.

В условиях назревающего экономического кризиса и отсутствия еще революционной ситуации, особенно подчеркиваем, что массовая демонстрация не является самостоятельным методом борьбы: только об'единяя другие формы борьбы, опираясь на них и в то же время развивая их — она мо-

жет сыграть свою роль движущей силы революционного под'ема. Поэтому именно в этой плоскости и встает сейчас с особенной остротой задача развития и руководства *экономической борьбой* рабочего класса. В условиях кризиса, когда предприниматели с охотой прибегают к приостановке предприятий, к локаутам, здесь встают особые трудности. Здесь *ключем* к ситуации становится *повседневная массовая работа* коммунистической партии. Без этого—отрыв авангарда от масс, фразы о революционном под'еме вместо организации этого под'ема, выхолащивание революционного содержания массовой демонстрации, отрыв ее от борьбы рабочих на предприятии, превращение ее в игру в революционную демонстрацию — становятся особенно опасными.

Поэтому, сейчас надо особенно подчеркнуть и указать на слабости по этой линии, на *слабости массовой работы* коммунистических партий, на *недооценку на практике массовой работы*, на недостаточные ее *масштабы*, недостаточный *темп* ее роста. Здесь сейчас *центр тяжести*. Как это ни парадоксально, но *особенно* в обстановке революционного под'ема делается *острой* опасность отрыва революционного авангарда от масс. Здесь особенно партия должна быть *в массах и с массами*, с их нуждами, требованиями. В эти периоды *проверяется* связь партии с массами, подготовка ею масс. Поэтому центральной задачей компартий в настоящий момент является *бешеное усиление* массовой работы.

Эта задача диктуется условиями революционного под'ема (необходимость охвата все расширяющегося движения, которым должна руководить компартия); условиями экономического кризиса (когда в некоторых и возможно широких слоях пролетариата может появиться неуверенность, тенденция к отставанию от движения передовых отрядов, т.-е. и компартий); условиями неизжитых и иногда и *нередко* очень сильных еще в компартиях социал-демократических традиций, недооценки и слабости на практике массовой работы, работы на предприятиях, слабости и нечеткости организационных форм работы, организованного охвата масс; условиями тактики классового врага, когда он делает особые усилия, чтобы оторвать (и таким образом, разбить) движение передовых отрядов пролетариата от движения самых широких масс его класса и угнетенных классов вообще. *Компартия в настоящей обстановке должна особенно учитывать, что решение всех остальных частичных задач сводится и мыслимо лишь при условии решения основной стратегической задачи—завоевания большинства решающих слоев рабочего класса*. Отсюда же встает вопрос об усилении работы во всех массовых организациях и в том числе и не меньше в реформистских профсоюзах. Решение всех этих задач наталкивается на огромные трудности об'ективного и суб'ективного порядка. На преодоление этих трудностей компартии должны мобилизовать силы.

Сейчас совершенно своевременно поставить *вопрос о темпах* развития большевистской работы коммунистических партий как *стратегический* вопрос международной борьбы против капитализма, как вопрос в конце концов политической *линии* коммунистической партии. Надо признать в ряде случаев и в ряде партий совершенно недостаточным темп развития работы, не отвечающей задачам момента. Задача ликвидации этого отставания является сейчас важнейшей задачей и необходимейшим условием большевистского руководства революционным под'емом.

При решении этих задач, надо особенное внимание обратить на развитие широкой *массовой самокритики*. Самокритика в секциях Коминтерна еще не стала как в ВКП(б) методом большевистской работы, она

еще не стала могучим рычагом мобилизации масс и партии, выдвижения новых пролетарских сил, большевистской перестройки работы партии, особенно, усиления *темпов* этой работы, беспощадной борьбы с оппортунизмом, особенно на практике. Применяясь к условиям и задачам работы в капиталистических странах, этого надо добиться во что бы то ни стало.

Таким образом, более высокая ступень революционного под'ема, более сложные и ответственные революционные задачи с особенной настойчивостью и *остротой* ставят вопрос о работе в массах, об огромных *трудностях* на пути революционной мобилизации масс, об опасности *недооценки* этих трудностей и остроты этих задач. *Не принижение революционных задач и не игнорирование будничной, «черной» работы в массах, а революционное большевистское их сочетание, чтобы, по-ленински развивая работу бешеным темпом, поднять все движение на более высокую революционную ступень—вот в чем гвоздь момента.*

Вне понимания этого ленинского сочетания и самого соединения революционных задач более высокого порядка, более высокой ступени революционного развития с черновой массовой работой не возможна революционная, марксистская тактика, не возможна роль компартии, как авангарда масс своего класса, ведущего эти *массы* через разные этапы борьбы, через более высокие ее ступени к решающим и победоносным боям за власть.

Сущность настоящего этапа борьбы рабочего класса состоит в том, что борьба вокруг частичных требований вплотную подводит рабочих к проблеме власти. Борьба на *предприятии* здесь играет решающую роль, отсюда и из полной фашизации реформистского профсоюзного аппарата встает вопрос об усилении роли и работы революционных профсоюзов и революционной оппозиции в реформистских профсоюзах. Эта работа становится в центре внимания коммунистических партий. Завоевать рабочих на предприятиях, укреплять там коммунистические ячейки, ячейки новых профсоюзов, создавать фабрично-заводские комитеты, об'единять работающих с безработными, организовывать и вести массы на экономическую борьбу, об'единять и переводить разрозненные экономические бои в политические стачки, выводить массы на улицу на революционные демонстрации, на арену открытой борьбы с капитализмом — таковы задачи коммунистических партий. Когда это массовое революционное движение пролетариата во главе широчайших угнетенных масс под руководством компартии сольется в единый революционный поток, тогда пробьет час гражданской войны против буржуазии, час пролетарской революции. К этому дело идет, к этому дело надо вести.

Особенно надо подчеркнуть задачу превращения коммунистических партий в массовые партии, задачу их массового роста. *Вербовка* новых членов партии из передовых рабочих должна быть одной из важнейших и не временных *политических* кампаний всех коммунистических партий.

Революционные демонстрации, их характер, как и все развитие классовой борьбы, ее обстановки и задач на данном этапе ставят перед пролетариатом как важнейшую задачу вопрос об организации и развитии *рабочей самообороны*. Этот же вопрос ставит сейчас и каждая стачка. Атаки армии и полиции рабочие не могут встречать со скрещенными руками, а должны давать отпор. Развитие рабочей самообороны становится одной из важнейших задач руководства революционным под'емом.

Обострение революционной борьбы все острей ставит вопрос о легальности и нелегальности наших партий, вопрос о методах нелегальной, но открытой революционной борьбы, вопрос о методах сочетания глубокой нелегальной работы, проводимой крепким нелегальным аппаратом, с откры-

тыми формами выступления во главе масс. Главной задачей компартии в этом вопросе является раз'яснение массам, что борьба против открытой работы и существования компартии является борьбой против революционного движения масс вообще, является предпосылкой, осуществление которой дало бы возможность господствующим классам пойти на разгром революционного классового движения вообще. Проблема нелегальности сейчас, несомненно, увяжется в рядах наших партий с рядом других проблем и в особенности с оценкой экономического кризиса, его последствий и характера и методов классовой борьбы на теперешнем этапе революционного под'ема.

Надо с самого начала дать самый решительный отпор оппортунистической ликвидаторской попытке противопоставить глубокую нелегальность открытым формам выступления и работы партии. В условиях революционного под'ема успех и возможность открытых выступлений партии теснейшим образом связан и обеспечивается глубоким нелегальным аппаратом, который строит партия, прежде всего, укреплением работы и нелегального аппарата партии на предприятии. Это сочетание становится вопросом жизни партии. Здесь всякому оппортунизму, всякому ликвидаторству надо дать решительный и беспощадный отпор,—в то же время отнюдь не играя нелегальностью, ставя и усиливая борьбу за открытые формы существования и работы партии, как массовую борьбу.

Самостоятельное руководство борьбой рабочего класса особенно его революционными боями ставит перед каждой коммунистической партией гигантские организационные задачи. Организационная слабость большевистской партии—это то противоречие, которое встречается в жизни. Но оно показывает недостаточную силу и слабую классовую организованность революционного движения пролетариата. Поэтому преодолеть организованный оппортунизм, сделать партию организационно большевистской наряду с массовым выдвижением и воспитанием большевистских кадров есть одна из основных задач руководства революционным под'емом.

Новый этап в развитии революционного под'ема ставит перед нами задачу пропаганды в массах максимальных революционных требований и программы. Мы это должны делать, чтобы двигать массы вперед, готовить их. Мы не можем предсказывать срока наступления непосредственно революционной ситуации, но она, как совершенно своевременно указал тов. Молотов на X пленуме ИККИ, не отделена китайской стеной от развертывающегося революционного под'ема. Наоборот ее элементы каждый день и ежечасно вырастают и зреют в этом под'еме.

В ответе на вопросы свердловцев тов. Сталин пишет:

> «Нельзя проводить непроходимую грань между «революционным под'емом» и «непосредственно революционной ситуацией». Нельзя говорить: «до этой черты мы имеем революционный под'ем, а за чертой — скачок в непосредственно революционную ситуацию». Так могут ставить вопрос только схоластики. Первый, обычно «незаметно» переходит во вторую. Задача состоит в том, чтобы теперь же готовить пролетариат к решительным революционным боям, не дожидаясь момента «наступления» так называемой непосредственно революционной ситуации».

Мы идем с увеличившимися и окрепшими силами к решающим боям с капиталом. Очищение от оппортунистической гнили наших партий после VI конгресса создало основные предпосылки, чтобы они справились с этими задачами.

Дальнейшая и беспощадная борьба против правого оппортунизма, особенно на практике, особенно в форме оппортунистической пассивности и неумении и неспособности развернуть большевистские темпы работы, выдвигать и воспитывать новые кадры передовых рабочих-коммунистов, развернуть большевистскую массовую работу и наряду с этим отпор отдельным «левым» заскокам, загибам, «левой» фразеологии — является, как и раньше, основным условием в победоносной борьбе Коммунистического Интернационала за мировую диктатуру пролетариата против международного империализма и его социал-фашистской агентуры.

Задача сейчас состоит в том, чтобы подтянуть отстающие участки мирового коммунистического движения, особенно наиболее важные его участки, подравнять мировой коммунистический фронт. В нашей мировой борьбе и в подготовке решающих боев, перед лицом сплачивающихся империализма и социал-фашизма против СССР и Коминтерна, это есть стержневая стратегическая задача. Выполнение этой задачи надо перевести на практические рельсы в работе партии.

По-большевистски подготовить, по-большевистски организовать, по-большевистски победить в пролетарской революции—под этими лозунгами коммунистические партии, Коммунистический Интернационал будут мобилизовывать массы, бороться за большинство рабочего класса, вести его на штурм прогнившего капиталистического строя.

Л. Мехлис.

Вопросы теории зарплаты в СССР.

Закончившаяся дискуссия по основным вопросам политической экономии является, несомненно, переходным этапом к теоретической разработке коллективом коммунистов-экономистов актуальных проблем советского хозяйства, в том числе и вопросов теории заработной платы в СССР. Она способствовала выявлению извращений марксистско-ленинской методологии и оформлению основных линий разногласий, вскрыла правооппортунистическую сущность бухаринского универсального закона «трудовых затрат», столь пропагандировавшегося его «школкой», и указала на механистическую концепцию, как главную опасность в партии. Однако, нельзя не отметить, что она обнаружила тенденцию замкнуться в рамках только общеметодологических вопросов и отвлекла значительные силы от теоретической разработки современных проблем. «Ни одна из сторон,— как правильно отметил тов. Сталин,— не сумела применить как следует метод борьбы на два фронта: как против «рубинизма», так и против «механицизма» (см. «Правда» от 10 февраля 1930 г.).

Совершенно не случайно, что после политического банкротства правых оппортунистов со всей отчетливостью была поставлена проблема преодоления бухаринского правооппортунистического наследства в области теории, критика его механистической концепции, как теоретической базы правого уклона. Дискуссия в теоретической экономии показала, что без решительного преодоления механистического и идеалистического направлений в политической экономии не может быть и речи о сколько-нибудь серьезной положительной разработке проблем теории советского хозяйства.

Борьба с механистическим направлением в политэкономии ни в коем случае не должна ослаблять критики идеалистического течения, идеалистических извращений марксизма, системы идеалистических ошибок И. И. Рубина, враждебных марксизму, и вытекающих из его неокантианской методологии. Попытки отдельных товарищей солидаризироваться с положениями И. Рубина по теории стоимости с некоторыми оговорками должны встретить решительный отпор, и тем более, что И. Рубин, как меньшевик по своим политическим убеждениям, не способен защитить марксово учение в основных проблемах сугубо партийной науки — политэкономии. Марксистом может быть только ленинец.

Правильную линию в отношении оценки работ И. Рубина дает статья тт. Милютина и Борилина в № 2 «Большевика» и примечание к ней редакции «Большевика», которые подводят общий итог дискуссии и переключают внимание коммунистов-экономистов к важнейшим проблемам советского хозяйства и мирового рабочего движения.

Особенно прочное гнездо механистическая концепция свила себе во многих звеньях хозаппаратов, в органах труда и в профсоюзах. Проблемы экономики труда техницизированы, разработаны вне связи с

общественной формой производства переходного периода. Вопросы теории заработной платы в СССР, ее величины, системы зарплаты и пр. анализируются преимущественно с технической и натуралистической точек зрения, механически, с игнорированием социальной формы производства. Например, постановка проблем в книжке А. Готмана «О системах заработной платы», изд. ВЦСПС 1926 г. настолько техницизирована, что автор буквально не видит Октябрьской революции, в корне изменившей характер производственных отношений в национализированной промышленности. Поэтому он не в состоянии понять то принципиально новое, что скрывается за различными системами «заработной платы» в госпромышленности.

Внешняя стоимостная форма доходов в СССР — заработная плата, прибыль и т. п., низкий уровень зарплаты в госпромышленности, в особенности в восстановительный период, техническая отсталость нашей промышленности, — все это способствовало маскировке социалистического характера производственных отношений на предприятиях последовательно-социалистического типа. Отсюда усиление господства количественного, механистического подхода к анализу природы и форм заработной платы в СССР, отсюда игнорирование качественной стороны проблемы, классовых отношений. В настоящей статье мы намерены остановиться на разборе ряда работ, посвященных вопросам заработной платы в СССР.

Наиболее уязвимым местом в разработке теории заработной платы в СССР являются методологические проблемы. Значительная часть работ анализирует только политику зарплаты, не затрагивая теоретическую сторону проблемы. Трудности анализа вопросов теории зарплаты в СССР заключаются в том, что до сих пор не разработана общая теория советского хозяйства. Бухаринская «Экономика переходного периода», а равно Преображенского «Новая экономика», служившая теоретическим обоснованием троцкизма, как построенные на механистической основе, потерпели крах. Надо прямо сказать,— ни одна из работ, посвященных теории заработной платы в СССР, не ставит общеметодологических проблем. Между тем очевидно, что игнорирование методологических вопросов не позволяет сколько-нибудь удовлетворительно разрешить теорию заработной платы в советском хозяйстве.

Проблема заработной платы в СССР требует дифференцированного дохода, без этого нельзя будет понять тех принципиальных особенностей, которые присущи категории зарплаты в различных секторах советского хозяйства. Понятно, если сводить зарплату к средствам существования рабочих, как это делают некоторые наши экономисты, то она выступит в качестве вечной категории. Тогда характеристика зарплаты будет одинаковой и в госпромышленности и на капиталистических предприятиях в СССР, ибо экономическая категория — зарплата сведена к натуралистической. Маркс же подчеркивал, как и в отношении всех категорий капитализма, что: «заработная плата не является фактором, необходимым для производства. Она может исчезнуть при другой организации труда». (Сочинения т. V, стр. 640). Некритическое перенесение на предприятия последовательно-социалистического типа, экономических категорий капитализма ничего, кроме теоретической и политической путаницы, дать не может. Отсюда необходимость дифференцированного подхода к анализу зарплаты в СССР, чтобы не отождествлять новых хозяйственных форм, социалистических производственных отношений в госпромышленности, с ранее господствовавшими и сохранившимися в необобществленном секторе — капиталистическими. Говоря о необобществленном секторе, мы, понятно, имеем в виду исключительно частно-капиталистическое и госкапиталистическое хозяйство. Однако, дифференцированный подход ни в какой мере не означает отри-

цания бесспорного факта влияния стихийных моментов, классовой борьбы и пр. на социалистический сектор хозяйства, на высоту заработной платы.

Анализ проблемы заработной платы в СССР требует и так называемого «с п л о ш н о г о» подхода, чтобы понять неизбежность капиталистической формы «зарплаты» в госпромышленности, проследить процесс отмирания категории заработной платы во в с е м советском хозяйстве. Революционная практика нашего социалистического строительства выдвигает на разных этапах новые хозяйственные формы. Без такого методологического подхода нельзя понять качественных сдвигов, происходящих в реконструктивный период в условиях, например, политики ликвидации кулачества как класса. Если дифференцированный подход дает возможность вскрыть за одним и тем же явлением — заработной платой — различные типы производственных отношений, в зависимости от о б щ е с т в е н н о й формы производства соответственно секторам хозяйства, то сплошной анализ прослеживает категорию зарплаты в процессе о т р и ц а н и я ее капиталистической природы, переделки производственных отношений. Он показывает как по мере роста госпромышленности и планового начала, по мере вытеснения капиталистических элементов и социалистической переделки с. х., заработная плата теряет свою фетишистскую оболочку, отражает трансформирующиеся производственные отношения. Вместе с этим будет соответственно меняться и форма «заработной платы» на социалистических предприятиях. Таким образом проблема заработной платы в СССР должна быть рассмотрена под углом зрения единства противоположностей советского хозяйства.

Анализируя категории «зарплаты» на предприятиях последовательно-социалистического типа, мы не можем абстрагироваться, как это встречается почти во всей нашей экономической литературе, от мелко-товарного крестьянского хозяйства, от капиталистических элементов города и деревни. В противном случае будет совершенно непонятно почему она, представляя социалистические производственные отношения, сохраняет на данном этапе капиталистические формы, почему доля рабочего в общественном продукте, предназначенном для личного потребления, принимает формы зарплаты. Наконец, абстрагирование от необобществленного сектора хозяйства при разрешении проблемы уровня «зарплаты» в госпромышленности ведет к правооппортунистическому игнорированию расстановки классовых сил в стране, которая бесспорно оказывает влияние на высоту заработной платы. Иначе говоря, теоретическая разработка проблем заработной платы в госпромышленности требует учета всех конкретных особенностей переходного хозяйства, наличия р ы н о ч н ы х форм связи между необобществленным сектором и госпромышленностью. Двухклассовое общество с а б с т р а г и р о в а н и е м от капиталистических элементов, столь основательно пропагандировавшееся бухаринской школкой, не может быть взято в качестве теоретической модели при анализе заработной платы в госпромышленности.

Своеобразные условия переходного периода приводят к тому, что за внешней капиталистической системой зарплаты (повременная, сдельная, премиальная и пр.) скрываются иногда, например, в госпромышленности, социалистические производственные отношения. Вообще внешняя форма, видимая на поверхности, не говорит о содержании:

> «Название какой-либо вещи, — пишет Маркс, — не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю, что его зовут Яковом». (Капитал, т. I, стр. 68).

Конкретная действительность показывает, что система «участия в прибылях», при капитализме скрывает капиталистические производственные отношения, присвоение прибавочной стоимости классом капиталистов.

В СССР иногда форма заработной платы вуалирует типичную капиталистическую прибыль. Например, в некоторых колхозах (Шевченковский округ, Самарский округ) применяется оплата труда колхозников по паям, по внесенному инвентарю, лошадям и т. п. Под формой зарплаты тут скрывается капиталистическая прибыль, ибо наиболее мощная верхушка колхоза живет за счет прибавочной стоимости, выколачиваемой из бедноты. Подобная форма оплаты труда в колхозах является проявлением правого уклона на практике. Далее, очевидно, сущность «заработной платы» в колхозах и предприятиях госпромышленности не одинаковая, ибо в обоих случаях мы имеем неодинаковые отношения к средствам производства. Все это подтверждает необходимость учета к о н к р е т н ы х особенностей переходного хозяйства при разработке теории заработной платы в СССР. Даже такой момент, как плановое распределение основных предметов широкого потребления, безусловно должен быть принят во внимание, ибо в противном случае не понять процесса о т м и р а н и я капиталистических форм дохода, сбрасывания старых форм производственных отношений.

* * *

Чисто количественный подход, — так характерный для механистов, — к анализу сущности заработной платы в госпромышленности довольно распространенное явление. Е. О. Шатан в своей работе — «Теория заработной платы», говоря о заработной плате в СССР и характеризуя природу зарплаты в госпромышленности, пишет:

> «Но из учения Маркса вытекает с достаточной ясностью, что с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к а я с у щ н о с т ь всякой системы заработной платы определяется не ее абсолютной величиной, взятой сама по себе, а по характеру изменения ее относительной величины. И равно при капитализме сущность зарплаты характеризуется не фактом абсолютного роста, а фактом ее относительного понижения [1]), — точно также с о ц и а л ь н а я п р и р о д а з а р п л а т ы в с о в е т с к о й п р о м ы ш л е н н о с т и о п р е д е л я е т с я н е ф а к т о м н и з к о г о у р о в н я е е а б с о л ю т н о й в е л и ч и н ы, а ф а к т о м е е о т н о с и т е л ь н о г о р о с т а». (Стр. 203; разрядка наша. *Л. М.*)

Социальную природу заработной платы в госпромышленности Шатан, как мы видим, выводит не на основе ее качественной характеристики, анализа скрывающихся за ней производственных отношений, а только из количественных пропорций. Он рассматривает распределительные отношения, как совершенно независимые от способа производства. Маркс же подчеркивал, что каждому общественному способу производства соответствует и определенный способ распределения. Рабовладельческий строй, где средства производства и непосредственный производитель экспроприированы, знает один способ распределения. Капитализм, основанный на монополии класса капиталистов на средства производства и наемной рабочей силе, знает специфический способ распределения и эксплоатации, где все виды дохода неизбежно принимают стоимостную форму. Заработная плата при капитализме представляет собой иррациональную форму стоимости рабочей силы, она маскирует капиталистическую эксплоатацию.

В СССР в госпромышленности средства производства в руках рабочего класса, организованного в г о с у д а р с т в е н н у ю в л а с т ь. Но налицо мелкотоварное крестьянское хозяйство, ставшее на путь обобществления, и частно-капиталистический сектор.

> «Раз дано это распределение факторов производства, — говорит Маркс в «Критике Готской программы», — современное распределение предметов потребления вытекает само собою. Как само собою же

[1]) Шатан не понимает сущности зарплаты при капитализме и отрицает марксову теорию абсолютного обнищания.

вытекает отличное от нынешнего распределения предметов потребления, когда условия и средства производства переходят в общественную собственность самих рабочих» (стр. 20).

Обобществленной собственности на средства производства в госпромышленности соответствует социалистический тип производственных отношений.

В анализе новой общественной формы производства в СССР, основанной на коллективной собственности рабочего класса на средства производства, необходимо искать об'яснения социальной природы «заработной платы» на предприятиях последовательно-социалистического типа. Наличие секторов простого товарного хозяйства и частно-капиталистического и товарно-денежных отношений должно об'яснить, почему в госпромышленности «зарплата» неизбежно сохраняет внешние капиталистические черты и подвергается влиянию стихийно-рыночных, классовых моментов. Иначе говоря, противоречивость внешней формы «зарплаты» в госпромышленности и скрывающегося за ней социалистического типа производственных отношений вытекает из факта наличия необобществленного сектора и сохранения рыночных форм связи [1]).

В экономических процессах социалистической переделки нашего советского хозяйства, в бурном темпе роста индустриализации страны и коллективизации с. х. надо искать причину зарождения новых форм распределения общественного продукта. Ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация в условиях быстрого темпа роста госпромышленности способствуют преодолению противоречий между социалистическими производственными отношениями в госпромышленности и внешней формой «заработной платы». Революционная практика намечает уже целый ряд новых, социалистических форм распределения общественного продукта между участниками производственного процесса.

Е. О. Шатан, как мы видели выше, избрал иной путь анализа природы зарплаты в СССР, он абстрагировался от общественной формы производства, от динамики его роста, сосредоточив внимание исключительно на количественной стороне проблемы, на факте «относительного роста» зарплаты. Механистический подход лишил его возможности понять социальную природу «зарплаты» на предприятиях госпромышленности, а равно правильно разрешить проблему уровня зарплаты. Вследствие этого он не мог понять, что заработная плата — антагонистическая система, категория капиталистического способа производства, и вне капиталистических производственных отношений она существовать не может.

Пытаясь проанализировать вопрос — не является ли в госпромышленности рабочая сила наемной в капиталистическом смысле, Шатан пишет:

> «Перегон, какой делает заработная плата по отношению к производительности труда, сам по себе не есть положительное явление, — постольку, поскольку он замедляет процессы накопления, следовательно и дальнейшего развития промышленности. Но это опять-таки особый вопрос, связанный с перспективами накопления в нашем хозяйстве вообще. Тут важен факт отсутствия перегона. Факт, который показывает, что зарплата строится в советской промышленности не на товарно-меновой основе рабочей силы». (Стр. 204, разрядка наша *Л. М.*)

[1]) Антимарксистское утверждение И. И. Рубина, вытекающее из его общей методологии, о том, что при капитализме труд торговых служащих создает стоимость, является маскированной защитой увековечения рыночных форм связи и направлено против социалистического строительства в СССР.

При капитализме, по автору, заработная плата растет (!!) [1]), но медленнее, чем производительность труда — получается «недогон». В госпромышленности картина противоположная. Если там временно зарплата росла быстрее производительности труда, то как закономерность во всяком случае «недогон отсутствует». Фуксом протаскивается троцкистский тезис, что зарплата должна расти в одинаковой пропорции с производительностью труда (см. контртезисы троцкистской оппозиции к XV партс'езду), в противном случае она строится на «товарно-меновой основе рабочей силы». Как видим из количественных пропорций между ростом зарплаты и производительностью труда, из «отсутствия перегона», Шатан определяет, является ли рабочая сила в госпромышленности наемной, и что зарплата строится у нас не на «товарно-меновой основе». По этой методологии при других количественных отношениях между производительностью труда и заработной платой должен последовать обратный вывод в качественной характеристике «зарплаты» и рабочей силы в госпромышленности. Например, нашей пятилеткой предусматривается рост производительности труда на 110%, а реальной заработной платы на 71%. Такое соотношение роста производительности труда и реальной зарплаты обеспечивает выполнение взятого темпа социалистической индустриализации. По Шатану, это будет свидетельствовать, что зарплата строится в социалистической промышленности на «товарно-меновой основе рабочей силы», что она является типично капиталистической категорией.

Аналогичный методологический подход к проблеме характеристики рабочей силы в социалистическом секторе промышленности, позволяет троцкистам делать вывод, противоположный Шатану, а именно: «в условиях нэпа, рабочая сила покупается, хотя и пролетарским государством, но на рынке, и только в качестве товара». Или в другом месте той же платформы: «пролетарской партии скрывать не за чем, что у нас рабочая сила все еще остается товаром». Но в таком случае необходима элементарная последовательность. Наемный труд и капитал друг друга предлагают. Лишь там не будет категории наемного труда, где нет капитала. Из тезиса троцкистов о товарном характере рабочей силы в госпромышленности следует, что наши предприятия «последовательно-социалистического типа» являются капиталистическими. В анализе Шатана, а равно и троцкистов, полное игнорирование проблемы качества, вульгарно-материалистический подход к категориям переходного хозяйства.

Еще более последовательно проводит «количественную» точку зрения С. Н. Гожанский, в работе «Заработная плата». В чем он видит приниципиальную разницу между сущностью зарплаты в госпромышленности и при капитализме? Как он характеризует социальную природу «зарплаты» в социалистическом секторе? Последуем за автором.

Первое отличие, по Гожанскому, заключается в том, что «в капиталистическом строе заработная плата выражает, как мы уже сказали, результат их взаимной борьбы» (стр. 61). Не то в Советской России, в госпромышленности ее, где «заработная плата повышается в результате повышения успешности труда, а не результата борьбы» (64). Мы не будем говорить об ошибках автора в вопросах понимания зарплаты в капиталистическом обществе, ибо он явно сбивается на идеалистические позиции «социальной теории распределения». Нам важно подчеркнуть игнорирование им «производственных» отношений в госпромышленности, анализ природы «зар-

[1]) Эта оппортунистическая точка зрения необычайно распространена в нашей экономической литературе. Она вытекает из непонимания марксовой теории стоимости рабочей силы. А. И. Рабинович в своей книге «Экономика труда» всячески подчеркивает «о росте реальной зарплаты в капиталистических условиях». (Стр. 93).

платы» на предприятиях последовательно-социалистического типа и сведение проблемы качества к количественным пропорциям, к росту зарплаты «в результате повышения успешности труда». Между тем, как показывает исследование проблемы, количественные изменения в «зарплате» в госпромышленности, роль повышения производительности труда в деле роста «зарплаты», вытекает именно из качественной характеристики этой категории, из скрывающихся за ней социалистических производственных отношений.

Второе отличие, по Гожанскому, заключается в том, что в «Советской России рост безработицы не влияет на уровень заработной платы» (стр. 64).

Третье отличие: «И вот Россия первая из стран с падающей валютой (падающей ценой бумажных денег), ввела исчисления заработной платы в товарных рублях» (стр. 66). Таковы же примерно и последние два отличия зарплаты в госпромышленности СССР от капиталистической заработной платы. Приведенные Гожанским «отличия» не вскрывают социальной формы связи на предприятиях последовательно-социалистического типа. Они показывают отдельные моменты проблемы уровня заработной платы, к разрешению которой необходимо перейти только после качественного анализа. Попытка же Гожанского разрешить проблему с другого конца— путем количественной характеристики получить ответ на социальную природу «зарплаты» в госпромышленности— не увенчалась успехом, ибо ему не удалось дать ни качественного анализа, ни разрешить проблему уровня. Механистический подход к вопросам теории заработной платы за себя мстит. Характеристику экономической категории необходимо дать на анализе формы социальной связи, отношений классов в процессе производства. Лишь потом на основе качественной характеристики необходимо переходить к количественной стороне проблемы.

Грубо натуралистическое толкование экономических категорий капиталистического общества — сведение экономических категорий капитализма к обмену веществ между природой и обществом, заработной платы к средствам существования рабочих, абстрактного труда к физиологической затрате энергии и т. п. — неизбежно приводит к их надисторической, богдановской трактовке, к меньшевистско-троцкистскому перенесению категорий капитализма на переходное хозяйство. Финн-Енотаевский, понимая стоимость в натуральном смысле, пишет, что в отличие от Маркса защищаемый им «взгляд состоит в том, что и в дотоварном мире на ряду с потребительной ценностью существует трудовая ценность, что затрата труда вообще — содержание — и тогда получает выражение в ценности, а рабочее время—мера затраты труда в величине ценности» [1]. Аналогичную меньшевистскую точку зрения развивал Шабс в его известной работе «Проблемы общественного труда в экономической системе Маркса».

Туган-Барановский пытался построить реформистскую «социальную теорию заработной платы» не на основе закона стоимости и потерпел поражение. Зарплата в его трактовке перестала быть величиной определенной, он не разрешил проблемы уровня заработной платы. Утверждение Финн-Енотаевского и др. механистов о надисторичности закона стоимости открывает возможность переносить на советское хозяйство экономические категории капитализма. Словом, механисты подводят теоретическую базу для возможности построения оппортунистических теорий о господстве в социалистическом секторе экономических категорий капитализма в том числе и заработной платы.

[1]) «Социалистическое Хозяйство», за 1929 г., книга III, стр. 68.

Политическую опасность механистической концепции, в особенности в вопросах труда, доказывать не приходится. Существующие в государственной промышленности системы заработной платы — повременная, сдельная, премиальная и т. п. способствуют представлению о капиталистическом характере заработной платы в социалистическом секторе. Бюрократические извращения в госпромышленности, противоречия по частным вопросам между красным директором и профсоюзом принимаются за обычную классовую борьбу, какая, например, имеет место в частнокапиталистическом секторе между наемными рабочими и капиталистом. Спецовские и меньшевистские круги, рядясь подчас в марксистскую тогу, культивируют представления о нашем хозяйстве, как особой разновидности капитализма. По этой же основной линии шли разногласия между партией и зиновьевской оппозицией, утверждавшей о нашем хозяйстве, как о госкапиталистическом.

Перенесение экономических категорий капитализма на переходное хозяйство приводит к неразрешимым противоречиям и теоретически несостоятельно. Искажается сущность капиталистического хозяйства, она рисуется под советский лад и питает правооппортунистические элементы компартий. Наоборот, советскому хозяйству приписываются специфические закономерности капитализма. Отсутствие четкого. классового различия в категориях капитализма, натуралистическое и механистическое представление о них — теоретическая основа для недооценки социалистического строительства. Правооппортунистическая теория развития производительности труда вообще, подход к явлениям общественно-экономической жизни «à la Spencer», как иронически замечает В. И. Ленин по адресу бухаринской методологии, ведет к игнорированию социальной формы хозяйства, классовой борьбы. Механическое перенесение категории заработной платы на предприятия последовательно-социалистического типа создает, как выразился Маркс по другому поводу, «прочный операционный базис для пошлостей вульгарной экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений».

На позицию вульгарной политической экономии толкает механистов трактовка экономических категорий капитализма, игнорирование скрывающихся за ними социальных форм связи, производственных отношений.

Б. Лившиц по вопросу о заработной плате в СССР пишет:

> «Нет, повидимому, довольно продолжительное время в эпоху диктатуры пролетариата будет существовать категория заработной платы, как таковая. Пролетарское государство покупает рабочую силу отдельных пролетариев, поскольку еще существует вообще в обществе купля—продажа» [1]).

Эту троцкистскую точку зрения он обосновывает тем, что в госпромышленности приходится платить рабочим в соответствии с квалификацией, а это, как он утверждает, и есть «оплата труда». И далее по вопросу о дифференциальной оплате он пишет:

> «Если же этот «паек» будет дифференцирован, в соответствии с квалификацией, то это и будет оплата труда, в которую,—как говорит Маркс,— включаются и издержки обучения (см. «Введение»), иначе говоря, здесь вообще проявляются еще ценностные категории, характеризующие капиталистические производственные отношения». (Стр. 52, разрядка автора. *Л. М.*).

В другой, более поздней работе Лившиц, давая схему распределения доходов в переходном хозяйстве для предприятий госпромышленности, устанавливает категории: «1) заработная плата, как оплата стоимости

[1]) Б. Лившиц. Проблема зарплаты в Советской России, стр. 53. (Разрядка наша. *Л. М.*).

рабочей силы. 2) Прибавочная стоимость, идущая на *социалистическое накопление»* [1]).

Разберем эти положения по существу. Тем более, что в различных работах по заработной плате в СССР они выставляются в тех или других вариантах. Например, В. Мотылев в книжке «Заработная плата в капиталистическом хозяйстве и в СССР» эклектически соединяет категории капитализма с социалистическими производственными отношениями. Он пишет:

> «Все это убеждает нас, что закон стоимости рабочей силы продолжает действовать в СССР с теми отклонениями и искажениями, которые вытекают из отмирания влияния степени организованности и боеспособности». (Стр. 78).

То же повторяет в своей работе «Заработная плата» Ан. Неманов.

Верно ли, что в социалистическом секторе действует закон стоимости рабочей силы? Верно ли, что там создается прибавочная стоимость, как утверждает т. Мотылев и др.?

Теория прибавочной стоимости и закон стоимости рабочей силы выведены Марксом на *основе* общей теории стоимости, как всеобщей экономической категории товарного хозяйства. Без теории стоимости не может быть построена ни одна стоимостная категория, следовательно, и стоимость рабочей силы и теория прибавочной стоимости. Нельзя отождествлять закон стоимости с законом стоимости рабочей силы, ибо последний представляет собой *модифицированный* тип производственных отношений, соответствующих капиталистическому производству, но он в своей основе базируется на законе стоимости. Один закон стоимости недостаточен для утверждения о действии всех стоимостных категорий. Однако, *где не действует закон стоимости, там нет и закона стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости.* Поэтому проблема — действует ли в обобществленном секторе закон стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости — может быть разрешена выяснением: господствует ли в социалистическом секторе закон стоимости.

Стоит так поставить вопрос, как выяснится ошибочность перенесения на госпромышленность экономических категорий капитализма. Категория стоимости не господствует в социалистической промышленности, ибо там исчезли капиталистические производственные отношения. Отношения в обобществленном секторе регулируются в плановом порядке. А отсюда очевидно, что категорию стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость ошибочно механически переносить в обобществленный сектор, как это делает т. Мотылев и др.

Попытки некоторых авторов перенести на предприятия последовательно-социалистического типа категории капитализма (стоимость рабочей силы, прибавочную стоимость и т. п.) вытекают из механистической трактовки ими сущности этих экономических категорий капитализма. Они видят в заработной плате и стоимости рабочей силы соответственное количество получаемых и необходимых рабочему средств существования, не понимают *качественной* стороны этих категорий и скрывшихся за ними производственных отношений капитализма. По поводу такой трактовки экономических категорий капитализма Ленин писал: «Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми.* Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка» (т. XII,

[1]) Б. *Лившиц.* Система заработной платы в СССР, стр. 72. Подобную же троцкистскую «теорийку» развивает А. И. Рабинович. Он пишет: «Эта прибавочная ценность у нас должна играть совершенно иную роль, чем она играет в капиталистических странах, но наличие этой прибавочной ценности является у нас условием нашего дальнейшего развития». («Экономика труда», стр. 107).

ч. II, стр. 57). Заработная плата, стоимость рабочей силы, прибавочная стоимость и пр. экономические категории капитализма ни со стороны качественной, ни со стороны количественной не применимы к предприятиям госпромышленности, ибо они характеризуют определенные *капиталистические производственные отношения* между людьми, ибо они не мыслимы вне капиталистической эксплоатации, присвоения капиталистами прибавочной стоимости.

* * *

Довольно широкое развитие в нашей политико-экономической литературе получала буржуазная трактовка заработной платы в СССР. Так В. Позняков в своей работе «Заработная плата» пытается обосновать пригодность тугановской «социальной теории заработной платы» к характеристике «зарплаты» в госпромышленности и первой стадии коммунизма. По его мнению:

> «вся ошибка социальной теории распределения и заключается в том, что действие этой теории ее сторонники хотят навязать классовому капиталистическому обществу». (Стр. 12).

Он же считает, что эта теория *пригодна* для переходного периода, что тугановские построения должны быть положены в основу нашего анализа заработной платы в СССР.

> «Не мотивируя, — пишет он, — выскажем здесь только свой взгляд на ту основу, выражением которой является заработная плата в обществе переходного — от капитализма к социализму — типа (включая сюда и первые стадии социализма). Нам кажется, что здесь будет права социальная теория распределения, с тем только весьма существенным отличием, что здесь не будет места борьбе классов». (Стр. 12, автор говорит о социалистическом секторе. *Л.М.).*

Совершенно очевидно, что В. Позняков, пытаясь применить к СССР «*неосоциальную*» теорию зарплаты, не понял реформистского характера «социальной теории распределения». Туган считает, что заработная плата в капиталистическом обществе не является доходом *социального* происхождения, он строит проблему распределения независимо от отношений классов в *производстве* и проповедует гармонию интересов рабочих и капиталистов. Сторонники теории Тугана исходят из практических задач политики буржуазного государства. Попытка дать теоретическое обоснование государственному регулированию заработной платы — а эту задачу ставил себе Туган-Барановский — имеет целью отвлечь внимание пролетариата от борьбы с капиталистическим государством, которое выступает у него в роли «беспристрастного» арбитра между пролетариатом и буржуазией. С переходом в руки *буржуазного* государства регулирования найма рабочей силы и установления высоты заработной платы должны прекратиться, по Тугану, и стачки. Усыпляя пролетариат, Туган выдает авансы буржуазии насчет ликвидации столь ненавистных ей стачек. Теоретически обосновывая так назыв. «рабочее законодательство», Туган утверждает, что подготовляется почва для *мирного разрешения конфликтов между трудом и капиталом путем обращения к авторитету государственного суда.* Он идеализирует буржуазное государство, наделяя его *надклассовой* беспристрастностью. Как-будто самое государство не есть инструмент того же класса, эксплоатирующего пролетариат, как-будто оно не есть «комитет по делам буржуазии».

Как может В. Позняков утверждать, что эта оппортунистическая теория «социальной заработной платы», представляющая одну из разновидно-

стей идеалистического направления в политэкономии, воспринятая социал-фашистами, германской с.-д., как может он писать, что она применима к СССР. Некритическая попытка В. Познякова применить тугановскую теорию распределения к СССР вытекает из того, что он и марксову теорию заработной платы в капиталистическом обществе изложил в духе «неосоциальной» теории зарплаты. Отход в трактовке заработной платы в капиталистическом обществе в духе Маркса лишает возможности дать правильный анализ этой категории в условиях переходного периода. Поэтому В. Позняков не понял не только зарплаты в госпромышленности, но и в частно-капиталистическом секторе.

Он считает, что

«В частном секторе эта капиталистическая категория заработной платы тоже подвергается известным и очень существенным модификациям. Собственно о типичной капиталистической заработной плате в полном смысле этого слова приходится говорить лишь по отношению к тем нелегальным случаям найма, где обходятся все постановления, регулирующие продажу труда» (стр. 140).

Нечего говорить, что подобная постановка вопроса глубоко ошибочна, ибо она смазывает присвоение капиталистами прибавочной стоимости («краеугольный камень экономической теории Маркса») на тех частно-капиталистических предприятиях, где соблюдается кодекс о труде, она затушевывает антагонистический тип производственных отношений в капиталистическом секторе. Государственное установление в СССР «минимума зарплаты», обязательного для всех, затушевывает, по Познякову, качественную характеристику этой категории в частно-капиталистическом секторе. В разрешении и этого вопроса наш автор оказался в плену у Тугана. По Познякову, выходит, что заработная плата, например, в кулацком хозяйстве при выполнении кодексов о труде перестает быть типично капиталистической.

Другую разновидность буржуазной трактовки заработной платы в СССР представляет так наз. «теория производительности труда». Она получила наиболее широкое распространение и возведена в универсальный закон, действующий для всех общественно-экономических формаций. Например, А. М. Гинзбург пишет: [1]):

«Повышение производительности труда не только не является способом нажима на заработную плату, но, наоборот, является необходимым условием ее дальнейшего повышения. Экономический опыт всех стран показывает, что между производительностью труда и высокой заработной платой существует прямая зависимость».

«Чем выше производительность труда, тем, вообще говоря, выше и заработная плата. И наоборот».

«История всей промышленности,—продолжает дальше Гинзбург,—была в общем и целом одновременно историей повышения заработной платы и производительности труда. Но в капиталистическую эпоху зависимость между этими двумя факторами не была прямо пропорциональной».

Таков тот общий закон, который, по Гинзбургу, действует и в капиталистическом обществе и в СССР.

«Для советской экономики,—поучает он,—можно констатировать ту же параллельную зависимость роста заработной платы и производительности труда».

Развиваемая автором теория заработной платы капиталистического общества является теорией гармонии интересов. Она зовет к повышению интенсивности труда и служит теоретическим основанием оппортунистическому тезису, в частности английских профсоюзов, о «мире

[1]) А. М. Гинзбург. К вопросу о производительности труда и заработной плате, стр. 10—11.

в промышленности». Гинзбург полагает, что росту производительности труда в капиталистическом обществе соответствует повышение и заработной платы. Это утверждение противоречит об'ективной действительности капитализма и основным положениям Маркса. Анализируя вопрос об изменениях заработной платы и прибавочной стоимости, Маркс пишет:

«Увеличение производительности труда понижает ценность рабочей силы, а вместе с тем повышает прибавочную ценность, тогда как наоборот, уменьшение производительности повышает ценность рабочей силы и понижает прибавочную ценность». (Капитал, т. I, стр. 366—367).

В капиталистическом обществе рабочий ни в какой мере не заинтересован в повышении производительности труда. Капиталистическая рационализация служит дальнейшему закабалению пролетариата. Именно приведенное положение Маркса служит дополнительным подтверждением тезису о противоположности интересов рабочих и капиталистов.

Полемизируя с буржуазным экономистом Кэри по вопросу о зависимости между производительностью труда и высотой заработной платы, Маркс писал:

«Кэри старается доказать, что различные национальные заработные платы прямо пропорциональны производительности национального рабочего дня. Из этого интернационального сротношения он делает вывод, что заработная плата вообще повышается и падает пропорционально производительности труда. Весь наш анализ производства прибавочной стоимости показывает, что умозаключение это было бы нелепо даже в том случае, если бы Кэри действительно обосновал свои посылки вместо того, чтобы по своему обыкновению сваливать в общую кучу случайный, некритический и спешно понадерганный отовсюду статистический материал». (Капитал, т. I, стр. 545).

Утверждение Гинзбурга, приведенное выше, о повышении в капиталистическом обществе заработной платы в результате роста производительности труда, способствует извращенному представлению о положении рабочего класса в капиталистическом обществе и является теоретическим обоснованием капиталистической рационализации. Вслед за Каутским в нашу литературу проник взгляд о росте зарплаты при капитализме, о заинтересованности (!!) капиталистов в повышении зарплаты. Находятся некоторые экономисты, которые пишут:

«Нашим отечественным Разуваевым было бы чрезвычайно трудно понять психологию своих американских собратьев, вроде известного Форда, который очень охотно (!?—*Л. М.*) платит своим рабочим по 4 доллара в день, именно потому, что такая высокая плата обеспечивает ему наивысшую продуктивность труда и максимальную прибыль».

Подобные выводы базируются на извращении марксовой теории заработной платы. Наши «теоретики» высокой заработной платы при капитализме и ее роста не понимают, что, говоря о высоте заработной платы, необходимо учитывать интенсивность труда, продолжительность жизни рабочего и пр., ибо капиталистические новейшие «усовершенствования» техники требуют такого напряжения мускулов, нервов и пр., которые сокращают жизнь рабочего. В самой крупной промышленности, — это отмечает уже и Маркс и особенно развито сейчас,—наиболее короткая жизнь рабочих. Поэтому необходимо отличать расхищение рабочей силы, имеющее место при капитализме, от ее пользования. Если учесть указание Маркса, что «дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего», то будет понята оппортунистичность тезиса о росте зарплаты при капитализме, о ее повышении с ростом производительности труда.

Но может быть универсальный закон, пользуемый Гинзбургом, применим к характеристике зарплаты СССР?

Верно, что повышение производительности труда в госпромышленности дает возможность пролетарскому государству улучшать материально-бытовые условия рабочего класса. Рост производительности и интенсивности труда на предприятиях последовательно-социалистического типа является важнейшим фактором социалистической стройки. Первые серьезные успехи в строительстве социализма позволили приступить к сокращению рабочего дня до 7 часов. Уже сейчас, несмотря на нашу техническую отсталость по сравнению с Западом, рабочий день в СССР значительно короче, чем во всех капиталистических странах. Расстановка классовых сил в стране также влияет на темп социалистического накопления и уровень зарплаты в СССР. Но значит ли все это, что теория «производительности труда вообще» применима к характеристике заработной платы в СССР.

«Заработная плата» в госпромышленности представляет собой новый тип производственных отношений, неизвестный при капитализме и соответствующий социалистическому характеру нашей революции. В госпромышленности установлена определенная форма производственной связи между рабочими предприятия и пролетарским государством. На государственных предприятиях нет капиталистической заработной платы, ибо там производственные отношения принципиально отличные от капиталистических. За внешней формой «зарплаты» там скрывается социалистический тип производственных отношений. Даже на первой стадии коммунизма, как указывает Маркс, сохранятся остатки буржуазного права. Неудивительно, что в переходном от капитализма к социализму периоде сохраняется капиталистическая форма заработной платы, хотя она в процессе успешного социалистического строительства и трансформируется. Однако, она вуалирует за собой производственные отношения социалистического порядка. Классовое распределение продуктов по карточной системе является выражением постепенной трансформации формы зарплаты в СССР. «Зарплата» в госпромышленности — это доля общественного продукта, распределяемого между участниками социалистического производства, так как последние вступают в определенные производственные отношения с пролетарским государством.

Подобная характеристика природы «зарплаты» не значит, что в госпромышленности полный социализм, ибо еще сохранились остатки бюрократизма и капиталистических методов хозяйствования. Все же, как справедливо указывает тов. Сталин, «нельзя на основании неувязок и пережитков бюрократизма, которые имеются у управляющих органов наших госпредприятий и которые еще будут существовать, нельзя на основании этих пережитков и этих недостатков забывать, что наши предприятия по существу своему являются предприятиями социалистическими». (XIV партс'езд).

В СССР рабочий класс, организованный в государственную власть, коллективно владеет средствами производства. Он является хозяином государства. Отсюда совершенно иное, чем при капитализме, отношение к производству, отсюда рост сознательного отношения к проблеме повышения производительности труда. Социалистическое соревнование, ударные рабочие бригады, добровольное снижение расценок и т. п. является выражением социалистического отношения к производству. На деле начинает осуществляться тезис В. И. Ленина: «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик» (т. XVI, стр. 254 — 255). Подобного отношения к производству не может знать капиталистическая

фабрика, мы имеем в СССР «ростки подлинного коммунизма» (Ленин).

Весь создаваемый в госпромышленности продукт является собственностью пролетарского государства. Социалистическому способу производства соответствует и определенная форма распределения. Но наличие мелко-товарного крестьянского хозяйства и капиталистических элементов придает распределению капиталистические внешние черты, форму «зарплаты». Часть произведенного продукта идет на совмещение израсходованных средств производства, на расширенное воспроизводство и резервы на случай общественных бедствий, нападения на СССР и т. д. Вторая часть идет на личное потребление участников производственного процесса, на содержание неспособных к труду, на управление и, наконец, на социализированную часть «зарплаты» (культурные потребности, социальное страхование и пр.).

Распределение вновь созданного продукта на часть, идущую для личного потребления и на расширенное воспроизводство, ведется в плановом порядке с учетом, что взятый темп индустриализации страны диктуется всей международной и внутренней обстановкой. Попытка вывести уровень «заработной платы» в госпромышленности на основе закона «стоимости рабочей силы» (см. Неманова, Мотылева и др.) осуждены на неудачу, такая постановка вопроса не имеет ничего общего с марксизмом. Высота «зарплаты» в социалистической промышленности устанавливается не стихийно, а в плановом порядке. При решении вопроса об уровне зарплаты наши органы учитывают проблему нормального воспроизводства рабочей силы, в противовес капиталистическому обществу, где, как указывает Маркс, «капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим» (т. I, стр. 634). Поэтому у нас плановое задание в области повышения производительности труда увязано с определенным повышением уровня реальной зарплаты. Рост производительности труда в госпромышленности, успешное социалистическое переустройство сельского хозяйства дают возможность весь вновь созданный продукт распределить так, чтобы, с одной стороны, успешно осуществлялся темп социалистической индустриализации, диктуемый международной и внутренней обстановкой, с другой,— рост уровня жизни пролетариата, как составная часть строительства социализма.

Именно социалистический характер производственных отношений в госпромышленности, плановое начало в нашем хозяйстве, борьба с капиталистическими элементами обеспечивают, что рост производительности труда способствует и улучшению материально-бытовых условий рабочего класса. Следовательно, не «производительность труда вообще» предопределяет уровень и рост зарплаты, а социалистический тип производственных отношений на основе роста производительности труда и наступления на капиталистические элементы. Говоря о влиянии производительности труда на повышение заработной платы в социалистической промышленности, необходимо сделать ударение на характер производственных отношений, как принципиально отличный от капиталистических. Он предопределяет повышение «заработной платы» в плановом порядке с ростом производительности труда, с успешной переделкой сельского хозяйства на социалистический лад. При решении проблемы уровня зарплаты необходимо помнить, что в условиях переходного хозяйства рабочий класс отдаст некоторую часть рабочего дня своему антагонисту. Совершенно очевидно, что это перекладывание труда на плечи пролетариата оказывает влияние на высоту заработной платы. По линии более быстрого вытеснения капиталистических элементов в условиях роста социалистического сектора открывается новый резерв для социалистического накопления и повышения материально-бытовых условий рабочего класса. Теория

«производительности труда вообще» не может вскрыть сущность вопроса о зарплате и ее уровне в государственной промышленности.

Мы не намерены в настоящей статье исчерпать все вопросы, поставленные в нашей экономической литературе в связи с проблемой заработной платы. Остановимся еще лишь на одном, представляющем с нашей точки зрения интерес — на вопросе о безработице.

Общепринято в нашей социально-экономической литературе выводить безработицу в СССР из слабого развития уровня техники в сельском хозяйстве. Тов. Бессонов, например, считает, что «главным средством борьбы с безработицей в наших условиях является повышение техники в сельском хозяйстве, помощь крестьянскому хозяйству в его развитии» [1]). Тогда безработица, по автору, будет в СССР ликвидирована. Бессонов ни единым словом не обмолвился об изменении социальной формы производства в сельском хозяйстве, он в плену «техники вообще». Между тем повышение техники в сельском хозяйстве при старых производственных отношениях (мелко-товарное хозяйство и капиталистическое) неизбежно ведет к росту капитализма в сельском хозяйстве и порождает резервную армию — такова роль машины. Лишь социалистическое переустройство с. х. может ликвидировать стихийное выбрасывание деревней армии безработных. Совершенно очевидно, что в социалистическом обществе с. х. не будет выделят так называемую «резервную армию безработных».

Безработица в СССР вытекает из переходного характера нашей экономики.

> «Если бы завтра,—пишет Маркс, по поводу безработицы при капитализме,—труд был повсюду ограничен до рациональных размеров и распределен между различными слоями рабочего классв соответственно возрасту и полу, то наличного рабочего населения было бы абсолютно недостаточно для продолжения национального производства в настоящих его размерах. Значительное большинство нынешних «непроизводительных» рабочих принуждено было бы превратиться в «производительных». (Капитал, т. I, стр. 457).

Быстро растущая социалистическая промышленность в СССР, рационализация производства и повышение техники при сокращении рабочего дня, непрерывное производство, — все это поглощает значительные слои безработных, выбрасываемых деревней. Основная причина безработицы в СССР лежит по линии противоречия между общественной формой производства в городе — преимущественно социалистическая промышленность — и формой производства в деревне — преимущественно мелко-товарное и кулацкое хозяйство. Главная масса безработных — это стихийно выбрасываемые из деревни излишние рабочие руки. Она (безработица) вытекает из общественных форм производства в крестьянском хозяйстве.

Обобществление сельского хозяйства, сплошная коллективизация в корне подорвет причины стихийного выбрасывания рабочих рук из деревни на биржи труда. Проблема рабочей силы для социалистической промышленности станет по-новому с изменением общественной формы производства в с. х. Тот факт, что в СССР уже в 1929—30 г. безработица начнет падать абсолютно, является результатом быстрого темпа строительства промышленности, бурного роста обобществления сельского хозяйства [2]). Наши плановые органы должны уже сейчас приступить к разработке проблем рабочей силы для госпромышленности, учитывая процессы сплошной коллективизации деревни. По-новому должно ставиться планирование рынка труда. По линии получения необходимых промышленности рабочих рук могут встретиться затруднения, рваческие настроения отдельных колхозников. Новая общественная форма производства в сельском хозяйстве ликвидирует стихийное выбрасывание лишних рабочих рук. Это не значит, что в колхозах, в особенности на первых порах их организации, все наличные работоспособные колхозники будут в достаточной мере использованы, что они не представят собой резерва для социалистической промышленности. Прекратится только стихийное, чисто капиталистическое выбрасывание из деревни лишних рабочих рук. Отсюда очевидно, что безработица в СССР вытекает не из слабого развития «техники вообще» в сельском хозяйстве, а из общественной формы производства з советской деревне. Она будет ликвидирована социалистическим переустройством сельского хозяйства, составной частью которого является постепенное подведение высокой технической базы.

[1]) С. Бессонов. «Эксплоатируется ли уральский рабочий», стр. 21.

[2]) В свете фактов абсолютного падения безработицы следует вспомнить недавнее клеветническое обвинение троцкистской группы по адресу ЦК ВКП(б), что «разрешить вопрос о безработице он при своей политике не в состоянии» (Платформа).

* * *

Обзор важнейших работ, посвященных вопросам заработной платы в СССР, показывает, что этот участок наиболее засорен механистической трактовкой проблемы и буржуазными теориями. Лишь коллективная работа экономистов-коммунистов может дать правильный анализ категории зарплаты в переходный период и проследить процесс ее отмирания в связи с политикой ликвидации кулачества как класса и сплошной коллективизации сельского хозяйства.

П. Савчук.

Роль МТС в социалистическом переустройстве деревни.

«Крупное высокопроизводительное и действительно социалистическое производство в сельском хозяйстве можно построить только на базе современной машинной техники и электрификации».

(Из постановления ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б).

От других форм социалистической переделки крестьянства строительство машинно-тракторных станций отличает прежде всего та особенность, что оно является методом непосредственного пролетарского руководства этой переделкой, конкретно осуществляет производственную смычку рабочего класса с трудящимися массами деревни.

Эта производственная связь по линии машинно-тракторных станций своей конкретностью ярко оттеняет то неоспоримое положение, что союз пролетариата с трудящимся крестьянством «обеспечивает руководящую роль рабочего класса, укрепляет диктатуру пролетариата и облегчает дело уничтожения классов» [1].

Производственная смычка не только конкретизирует руководящую роль пролетариата, но и обнажает противоречия между бедняцкими и середняцкими массами, с одной стороны, и кулачеством, капиталистическими элементами деревни — с другой.

Новые формы производственной смычки, посредством которых пролетариат укрепляет свое положение гегемона социалистического строительства, естественно вызывает новые способы сопротивления этому процессу со стороны капиталистических элементов деревни. Особенно сильно это сказывается в районах строительства машинно-тракторных станций, так как здесь твердая рука пролетариата в деле ликвидации самих условий, «порождающих капитализм», ощущается капиталистическими элементами особенно остро, поскольку строительство МТС подводит их к «последней черте».

Кулачество видит, что это строительство руководится испытанными организаторами, рабочими, которые научились преодолевать препятствия и сплачивают бедняцко-середняцкие массы деревни вокруг строящегося социалистического сельскохозяйственного производства. Механизация труда, увеличивающая его производительность и тем самым удешевляющая себестоимость сельскохозяйственного производства, создает такие огромные преимущества для хозяйства, обслуживаемых машинно-тракторными станциями, что вести борьбу с ними кулачеству становится страшно затруднительным.

Трактор, как командная высота современного машинизированного сельскохозяйственного производства, основа его технического вооружения,

[1]) И. Сталин. «О правом уклоне в ВКП(б)», стр. 14.

и есть та предпосылка, имея которую мы приступили к социалистической переделке деревни. «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе» (Ленин).

Успехи социалистического строительства помогли нам начать разрешение поставленных перед нами задач в области социалистического переустройства деревни. Сто тысяч тракторов, о которых когда-то мечтал Ленин, в истекшем 1929 году мы деревне еще не дали, но около сорока тысяч уже работали, а в следующем, 1930 г., их число достигнет девяноста тысяч, что почти уже равняется тому числу тракторов, о котором говорил тов. Ленин.

Когда Ленин говорил о революционизирующей роли трактора, то он имел перед собой опыт его применения в Северо-Американских Соединенных Штатах в индивидуальном, мелком, фермерском хозяйстве. Между тем значение трактора в крупном хозяйстве, как наши совхозы, а также в системе МТС, как кооперации машин и тракторов, еще возрастает, ибо использование последних дает большую эффективность.

Значение машинно-тракторных станций в условиях диктатуры пролетариата огромна еще и потому, что они способствуют созданию новых общественных отношений, ибо превращают мелкий, разрозненный, индивидуальный труд бедняка и середняка в труд общественный. Как менялась социальная обстановка в районах действия МТС, видно из нижеприводимой таблицы, характеризующей строительство машинно-тракторных станций и колонн Хлебоцентра.

Рост количества МТС в 1929 году.

Время	Количество		Колич. обслуж. земельн. обществ	Организ. крупных колхоз. хоз-ств и производ. об'единен.	Количество крестьянских дворов	Земельный массив в тысячах га	
	МТС и колон	Тракторов				Всего	Оформлен. договор. долголетней контрактац.
На 1/I 1929 г.	13	326	66	—	6.140	65,7	—
„ 15/IV „	45	1.182	219	193	16.037	300,0	128,5
„ 1/VII „	56	1.496	287	248	32.410	616,7	299,4
„ 1/VIII „	58	1.705	415	362	40.808	729,8	396,4
„ 15/IX „	61	1.961	506	400	52.354	1.047,9	621,5
„ 1/XI „	61	2.033	540	443	55.255	1.078,7	623,7
„ 1/XII „	61	2.043	572	386 *)	55.414	1.158,9	648,0

Таким образом, на протяжении одиннадцати месяцев число машинно-тракторных станций увеличилось в 4,7 раза, а количество тракторов — в 6,3 раза, что дало укрупнение МТС на 32% (от 25 до 33 тракторов). Такой колоссальный размах строительства машинно-тракторных станций на протяжении этого года сопровождался, как видно из таблицы, усиленным ростом в районе МТС крупных колхозов и еще более усиленным ростом числа коллективизированных хозяйств. Число крупных колхозов с 15 апреля по 15 ноября 1929 г. выросло в 2 раза, а количество коллективизированных хозяйств увеличилось в 3,5 раза, что привело к укрупнению колхозов на 72% (от 83 до 143 хозяйств). Таким образом, благоприятные для нас социальные сдвиги в деревне происходили под непосредственным влиянием ма-

*) Уменьшение числа колхозов об'ясняется их укрупнением.

шинно-тракторных станций. Охват машинно-тракторной обработкой земельной площади за год увеличился в 3,8 раза, достигая 18,8 тыс. га на одну МТС. В порайонном разрезе работа МТС характеризуется следующими данными.

Основные работы, выполненные МТС и колоннами хлебной кооперации в 1929 г.

РАЙОНЫ	Вспахано весной	Посеяно яровых	Уборочная кампания: Сжато скошено	Уборочная кампания: Обмолочено	Вспахано паров	Посеяно озимых	Вспахано под зябь
	В тысячах га.						
Татреспублика	—	—	свед. нет	0,2	1,2	1,2	0,8
Средне-Волжская область	4,2	8,4	7,4	9,4	9,4	7.8	31,9
Нижне-Волжская область	5,2	11,0	8,4	18,0	13,1	11,0	46,7
Ц. Ч. О.	11.7	15,0	11,8	18,9	27,0	26,0	31,0
Северный Кавказ	21,8	20,9	13,4	11,3	36,2	39,4	32,2
Сибирь	5,7	6,6	5,0	1,5	5,7	св нет	4,2
Казакстан	11,2	7,9	6,1	11,1	1,6	1,3	15,7
Крым	1,5	4,1	5,0	4,0	6,7	5,6	3,5
Московская область	1.1	1,1	1,1	0,5	0.6	0,6	1,7
Итого по 9 районам	62,4	75,0	58,2	74,9	101,5	92,9	167,7*)

Как видно из этих данных, наибольшее количество работ было произведено МТС в районах большей товарности сельского хозяйства (Северный Кавказ, ЦЧО).

В то же время лишь за один год почти вдвое повысилась эффективность работы МТС, что видно из нижеприводимой таблицы.

Количественные показатели работы МТС.

ВИДЫ РАБОТЫ	Осень 1928 г. Всего	Осень 1928 г. На 1 трактор	Осень 1929 г. Всего	Осень 1929 г. На 1 трактор	Весна Всего	Весна На 1 трактор
Вспахано	18 431	78,9	235.401	120,4	65.214	48,9
Посеяно	2.954	22,6	83.806	42,7	77.875	58,5
Заборонованo	—	—	107 198	54,6	40 384	37,2
Заднсковано	—	—	32.483	16,6	34.684	26,1

Таким образом, использование тракторов за один год поднялось вдвое. Повышение эффективности работ тракторов есть то основное, о чем надо всегда думать, чего надо настойчиво добиваться, ибо оно означает увеличение производительности труда.

Но производительность труда в сельском хозяйстве повышается не только вследствие механизации с.-х. производства, а в результате умножения последней на внедряемые агрономические мероприятия, вытекающие из новейших научных данных. Из этого складывается та материальная база реконструкции сельского хозяйства, которая при диктатуре рабочего класса, при условии, что средства производства принадлежат пролетарскому государству, является одним из основных факторов социалистического строитель-

*) Данные предварительные.

ства. Как широко машинно-тракторные станции проводили агрономические мероприятия, видно из следующих данных.

Агрономические мероприятия МТС.

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	% ранних паров до орган. МТС	% ранних паров после организац. МТС	% зябл. вспаш. до орган. МТС	% зябл. вспаш. после организ. МТС	% отношение площ. рядового сева к общей посевн. площади: В яровом клину, До орган. МТС	В яровом клину, После орган. МТС	В озимом клину, До орган. МТС	В озимом клину, После орган. МТС
Павловская—Сев. Кавказ	—	11,0	60,0	85,0	50,0	—	—	100,0
Тацинская — „ „	—	100,0	15,0	100,0	80,0	100,0	80,0	100,0
Фомино Свечинковск.—С. Кав.	—	100,0	25,0	100,0	10,0	100,0	—	100,0
Старо-Оскольская—ЦЧО	—	70,0	0,0	50,0	0,0	70,0	1,0	100,0
Прохоровская—ЦЧО	—	25,0	0,0	69,0	—	—	—	—
Токаревская — „	—	75,0	75,0	100,0	20,0	100,0	20,0	100,0
Змиевская — „	—	50,0	—	100,0	—	—	—	—

В результате этих мероприятий урожайность в крестьянских хозяйствах, охваченных машинно-тракторными станциями, гораздо выше, чем в не обслуживаемых ими.

Если принять урожайность крестьянских хозяйств, неохваченных МТС, за 100, то хозяйства, обслуживаемые МТС (данные по 8 МТС Нижней Волги, ЦЧО и Северного Кавказа), показывают такую урожайность:

	В проц.
Рожь	133,3
Озимая пшеница	151,7
Яровая „	132,0
Ячмень	137,9
Овес	142,2
Кукуруза	125,0
Подсолнух	137,9

Повышение урожайности, увеличение посевов способствуют росту товарности, что имеет первостепенное значение как в деле снабжения города продуктами, так и в смысле возрастания доходности крестьянских хозяйств, обслуживаемых МТС. Но мало того. Поскольку машинно-тракторные станции в основном обслуживают бедняцкие и середняцкие хозяйства, сильно снижается значение кулацких хозяйств в валовом и товарном производстве зерна и падает не только их удельный вес, но и абсолютные размеры посевов. На сокращение кулацких посевов особенно заметно влияет падение аренды, что видно из следующих данных:

Влияние МТС на аренду земли хозяйств, обслуживавшихся ими.

Наименование МТС	Количество сдаваемой в арен. земли в 1927/28 г. (до организ. МТС)	Количество сдаваемой в арен. земли в 1929 году (после организ. МТС)
	в гектарах	
1. Темиргеевская—Сев.-Кавказский край	1.970	162
2. Тифлисская— „ „	3.083	663
3. Павловская— „ „	3.579	—
4. Александровская— „ „	230	—
5. Фомино Свечников.— „ „	805	—
6. Бугурусланская—Средне-Волжская обл.	665	—
7. Старо-Оскольская—ЦЧО	3.500	—

Кроме того, в результате работ МТС произошло значительное расширение посевов за счет распашки целинных земель, что видно из нижеприводимых данных.

Влияние МТС на увеличение распашки целинных земель.

Наименование МТС	Вспахано в весенн. посевн. кампанию в 1929 г. старо-пахотных земель	Вспахано целинных земель и залежных	% увеличения посевной площ. за счет распашки целин. и залежн. земель
	В гектарах		
1. Калиновская	600	800	+ 133,3
2. Полудинская	802	690	+ 86,0
3. Пешковская	1 430	1.014	+ 70,9
4. Булаевская.	1.442	590	+ 40,9

Лишь в первый год по четырем станциям было распахано 3.094 га целинных земель, что составляет 72,4% к площади старой пахоты. Таким образом трактор является средством освоения новых земель, средством их «увеличения» и тем самым на деле демонстрирует совершенно беспочвенность теории «абсолютного» малоземелья, теории, являющейся отрыжкой мальтузианского скудоумия.

Это особенно важное обстоятельство т. Сталин характеризует следующим образом:

«Вопросы об обработке заброшенных земель и целины имеет громадное значение для нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что осью революционного движения в России в старое время служил аграрный вопрос. Вы знаете, что аграрное движение имело одной из своих целей уничтожение малоземелья. Многие думали тогда, что малоземелье это является а б с о л ю т н ы м, т.-е. что нет более свободных земель, годных для обработки. А что выяснилось на деле? Теперь ясно для всех, что свободных земель было в СССР десятки миллионов гектаров. Но обработать их своими ж а л к и м и о р у д и я м и к р е с т ь я н и н н е и м е л н и к а к о й в о з м о ж н о с т и. И именно потому, что он не имел возможности обработать целину и заброшенные земли, именно поэтому тянулся он к «мелким землям», к землям, удобным для обработки силами крестьянского инвентаря в условиях индивидуального труда. Вот в чем состояла основа малоземелья» [1]). (Разрядка моя. *П. С.*)

И дальше т. Сталин продолжает:

«До последнего времени крестьянин вынужден был ковырять землю старым инвентарем, в порядке индивидуального труда. Всякому известно, что индивидуальный труд вооруженного старыми, теперь уже негодными, орудиями производства. не дает того выигрыша, который необходим для того, чтобы жить сносно. систематически поднимать свое материальное положение. развить свою культуру и выйти на широкую дорогу социалистического строительства» [2]).

МТС, как новая организационная форма сельского хозяйства, как раз дают возможность разрешить указанные проблемы в положительном смысле и, кроме того, перестроить всю структуру крестьянской жизни, ибо, как верно замечает Маркевич, «ц е н н о с т ь и з н а ч е н и е т р а к т о р а з а к л ю ч а е т с я н е с т о л ь к о в д е ш е в и з н е с а м о й д в и г а т е л ь н о й э н е р г и и (а она безусловно д е ш е в л е к о н с к о й), с к о л ь к о в о г р о м н ы х п р е и м у щ е с т в а х в с е г о п р о и з в о д с т в е н н о г о с т р о я м е х а н и з и р о в а н н о г о х о з я й с т в а» [3]).

[1]) И. Сталин. К вопросам аграрной политики в СССР, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 11.
[3]) А. Маркевич. Межселенные машинно-тракторные станции стр. 26. Признавая эту книгу «настольной книгой» каждого марксиста-аграрника, мы должны отметить, что в ней есть ряд неверных, оппортунистических положений.

Несмотря на то, что наша статья изобилует цифрами, мы все же считаем необходимым привести здесь очень интересные данные об увеличении ценных культур на полях, обрабатываемых МТС. К сожалению, сведения, которыми мы располагаем, относятся к небольшому числу МТС, но во всяком случае они весьма показательны.

Удельн. вес ценн. культур на полях МТС и тракт. колонн хлебной сел.-хоз. кооперации [1])
(в %% от площади всего посева)

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	Яровая пшеница		Л е н		Свекла		Бобовые		Озимая пшеница	
	Массив МТС	Адм. р-н	Массия МТС	Адм. р-н	Массив МТС	Адм. р-н	Массив МТС	Адм. р-н	Массив МТС	Адм. р-н
Таловская—ЦЧО	6,0	4,1	12,2	1,4	—	—	2,7	1,1	12,1	9,3
Охочевская— „	—	—	—	—	7,9	3,2	16,6	1,3	9,1	0,0
Парьевская — „	—	—	—	—	—	—	25,0	12,5	—	—
Ил.-Дмитровская ЦЧО . .	—	—	2,2	0.0	—	—	11,0	0,0	0,8	0,0
Чистопольская Тат. АССР .	16,0	9,0	—	—	—	—	—	—	—	—

На ряду с этим значительно возрастает товарность зерновых и масличных культур, что с точки зрения обеспечения курса на индустриализацию страны имеет первостепенное значение. Рост товарности характеризуется нижеприводимой таблицей по шести МТС.

Товарные излишки зерновых и масличных культур в МТС и тракторных колоннах хлебной сел.-хоз. кооперации [2])

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	В % от валового сбора	
	В массиве МТС	В администр. районе
Зернов. и маслич. культуры:		
1. Чистопольск.—Татарск АССР . . .	27,5	20,0
Зерновые культуры:		
2. Охочевская—ЦЧО	44,5	23,5
3. Ил.-Дмитровская „	18,4	4 *)
Масличные культуры:		
4. Таловская—ЦЧО	90,3	70,0
5. Парьевская— „	97,5	65,1
6. Хохольская— „	85,0	56,2

Отсюда ясно, что наши возможности в деле производства зерна поистине колоссальны. Зерновой фонд, которым мы будем располагать, не только удовлетворит потребности быстро растущего индустриального населения Союза ССР, но и даст нам возможность развить экспорт в размерах, невиданных в старой, выезжавшей на кляче, России.

[1]) По сравнению с административным районом—в 1929 г.—по 4 МТС ЦЧО и 1 МТС — Татарской АССР.
[2]) По сравнению с административным районом по 4 МТС ЦЧО и 1 МТС Тат. АССР.
*) Т.-е. административный район имеет дефицит в зерне, таким образом, МТС превращает район п о т р е б л я ю щ и й в п р о и з в о д я щ и й.

В журнальной статье нельзя исчерпать всего того нового, что принесли с собой машинно-тракторные станции деревне, но приведенные данные показывают, как под их воздействием коренным образом меняется социально-экономическое положение крестьянства.

Это особенно ярко видно из сопоставления доходов крестьянских хозяйств, обслуживаемых и не охваченных МТС. Здесь мы даем расчет дохода лишь по Таловской МТС,— так как по другим машинно-тракторным станциям эти исчисления еще не уточнены.

Валовой сбор урожая и доходность полеводства Таловской МТС в 1929 г.

Посеяно в 1929 г. яровых, зерновых и масличных культур 551 хоз.

По старо-пахотной земле	1.376 га
„ вновь распаханной земле	1.150 „
Итого	2.526 га

На 1 гектар посева

А. Получено валового сбора в центнерах	12,6%
Б. Стоимость полученного валового урожая	90 р. 96 к.
Было бы получено при среднем урожае по району	60 „ 95 „
Повышение доходности от урожая	49,2%

На одно хозяйство	Центнер.	Сумма руб.	коп.
Получено валового урожая	57,9	417	01
Было бы получено при урожае, равном среднему, в административном районе (при существующем севообороте, соотношении культур, урожайности)	25,5	152	20
Отчисление в пользу МТС за ее работу	19,3	139	00
Остается у хозяйства после отчисления МТС	38,6	278	01

Таким образом, даже после отчисления некоторых сумм за работу МТС хозяйства, обслуживаемые машинно-тракторными станциями, имели доход на 82,9% больше, чем прочие хозяйства.

Все это вызвало, и не могло не вызвать, сильнейшую тягу бедняцко-середняцких масс к об'единению в колхозы. Работа МТС наглядно демонстрировала крестьянству, которое всегда «верит фактам лишь после того, как пощупает их», преимущества крупного хозяйства. О бурных темпах этого роста свидетельствуют следующие данные.

Рост коллективизации в район. МТС и тракторн колонн хлебной с.-хоз. кооперации, обслуживаемых МТС.

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	Общ. к-во хоз-в в колх. обсл.		%%	Площадь земли в тыс. гв		%%
	В начале органиш. МТС[1])	По последн. данным	прироста	В начале органиш. МТС	По последн. данным	прироста
1. Павловская—Сев. Кавк.	200	1.878	+839	2.757	26.284	+853
2. Шкуринская „ „	866	2.691	+210	свед. нет	50.000	—
3. Змиевская—ЦЧО	130	762	+486	1.707	5.087	+198
4. Ладожская—Сев. Кавк.	74	240	+224	свед. нет	2.124	—
5. Саженская— „ „	101	658	+551	493	1.159	+135
6. Бурсаковск.—„ „	136	596	+338	свед. нет	7.565	—
7. Фом.-Свечн.—„ „	255	490	+92	3.810	8.210	+111
8. Хохольская ЦЧО	356	398	+12	2.581	2.847	+10
9. Ст.-Оскольск. „	267	1.158	+334	свед. нет	свед. нет	свед. нет

[1]) Большинство колхозов возникло в связи с организацией станций.

То неоспоримое положение, что машинно-тракторные станции являются одним из важнейших факторов колхозного движения (и особенно его высших форм — крупные колхозы, районы сплошной коллективизации) получит особую доказательность, если мы сравним данные о его развитии в районах МТС и в административных районах.

Рост коллективизации в районах, обслуживаемых МТС и трактор. колоннами хлебной с.-хоз. кооперации[1])

НАИМЕНОВАНИЕ МТС	Об'единен. хоз. в %% от общего числа хоз-в				Уд. вес хоз. об'един. в коммун. и с.-х. артелях в %% от числа колхоз. хоз-в			
	В массиве МТС		В адм. район.		В массиве МТС		В адм. район.	
	До орг. МТС в 1928 г.	На 20/X 1929 г.	1928	На 20/X 1929 г.	До орг. МТС в 1928 г.	На 20/X 1929 г.	1928	На 20/X 1929 г.
1. Таловская	2,2	100,0	2,4	15,0	0,0	49,0	0,0	27,0
2. Охочевская	0,0	100,0	—	—	0,0	100,0	0,0	—
3. Парьевская	0,0	73,5	—	—	0,0	4,5	0,0	0,0
4. Ил.-Дмитриевская	0,0	100,0	2,3	5,2	0,0	100,0	0,0	24,6
5. Хохольская	25,0	100,0	5,9	8,5	0,0	—	0,0	22,1

Конечно, абсолютные размеры работ МТС в 1929 г. еще не очень велики. Но их значение не только в абсолютных размерах, сколько в том, что они воочию — «практически — на деле» — доказали бедняцкую жизнь, неспособность новых форм производственной связи пролетариата и убедили массы крестьянства в преимуществах машинного труда, как труда более производительного, следовательно, дающего возможность быстрейшим путем достигнуть улучшения жизненных условий.

В результате работы машинно-тракторных станций экономическое положение бедняцких масс значительно улучшилось. Благодаря станциям качество продукции и обработки земли бедняков во многих случаях даже выше, чем в кулацких хозяйствах; кроме того, при посредстве МТС они смогли полностью освоить свои наделы. В соответствии с этим повышается их политическая активность, растет тяга к культуре, знанию, к деятельному участию в нашем строительстве.

Идя навстречу этим стремлениям, машинно-тракторные станции почти во всех районах проводили широкую массовую культурно-просветительную работу, которая шла по самым различным линиям. Особо надо отметить большую организационную работу среди женщин — созывались женские конференции, где подробно обсуждались вопросы контрактации, хлебозаготовок, коллективизации и т. д. Благодаря этому выявился широкий женский актив. Он сыграл крупную роль в борьбе с кулачеством, содействовал выявлению злостных укрывателей хлеба и особенно энергично способствовал освобождению крестьянок из-под поповского влияния, которому они подвержены в гораздо большей мере чем мужчины. В сезон полевых работ МТС организовали площадки и ясли, которые обслужили до 10 тыс. детей.

Всюду, куда только ни направляется городской рабочий, он несет с собой организационный опыт советского строительства, он об'единяет массы для борьбы со старым, отсталостью, с эксплоататорскими слоями, помогает улучшить жизнь трудящихся. МТС—это как раз те опорные пункты, через которые, при непосредственном пролетарском руководстве, деревня приобщается к культуре машинного, т.-е. высоко-производительного, труда.

[1]) По сравнению с администр. районом 5 МТС ЦЧО.

В истекшем переломном году мы на всех участках социалистического переустройства деревни стремительно продвинулись вперед, но особенно богатый опыт он принес в отношении строительства МТС. На его основе, с помощью новых тысяч тракторов и комбайнов, это строительство в 1930 г. развернется еще более широко. Кроме «Хлебоцентра», развернет широкое строительство машинно-тракторных станций «Трактороцентр». В связи с этим особо важное значение приобретает массовая организационная и просветительная работа среди бедняков и середняков; ибо строительство МТС не простое создание технической базы, а перегруппировка классовых сил; как в гражданской войне, здесь стоит «класс против класса».

Даже те краткие, в большинстве случаев, предварительные сведения о деятельности МТС в 1929 г., которые мы привели, дают уже нам возможность сказать, что проделанная ими работа огромна, что они быстро и решительно развернули социалистическое строительство в деревне. В районах МТС борьба бедняцких и середняцких масс с кулачеством значительно усилилась. Борьба кулачества против машинно-тракторных станций стала центральным, узловым пунктом классовой схватки в деревне, проявляясь в самых разнообразных формах. Так, например, из Донполеводсоюза получено следующее характерное сообщение:

«Машинно-тракторная станция является здесь основным двигателем переустройства сельского хозяйства. Станция себя хорошо зарекомендовала. Правильная постановка дела сильно обострила классовую борьбу в деревне. Кулачество, видя свою гибель в машинно-тракторных станциях, развивает бешенную борьбу против нее. Есть случаи провала тракторов в колодцы, избиения трактористов и т. д.».

Борьба кулачества с МТС целиком направлена против пролетарского влияния в деревне, кулаки стремятся, во что бы то ни стало, удержать свои позиции в деле эксплоатации деревенской бедноты. МТС наглядно показывает бедняку «пути его развития», укрепляют его экономическое, а вместе с тем и политическое положение. Выгодность пользования работой МТС убеждает бедняков и середняков в том, что городской пролетарий пришел в деревню действительно с целью перестроить ее так, чтобы им жилось лучше, культурнее, оплата работы машинно-тракторных станций почти полностью окупается лишь одним расширением земельной площади за счет неосвоенных целинных земель, не считая повышения урожайности, что особенно относится к бедняцким хозяйствам (см. выше таблицы о повышении урожайности, сокращении аренды и увеличении распашки).

Но если последнее обстоятельство побуждает к об'единению вокруг машинно-тракторных станций бедняков и середняков, то тем более оно усиливает враждебность и содействует росту активности кулачества в борьбе против МТС. Последние в упор ставят вопрос о «ликвидации кулачества как класса», и жизнь в тысячный раз подтверждает незыблемые положения Ленина о том, что «уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [1]).

Развертывание классовой борьбы особенно сильно сказалось во время осенней договорной кампании на машинно-тракторную обработку земли, которую в 1929 г. «Трактороцентр» провел с большим успехом. Всего заключено договоров на машинно-тракторную обработку 1.589.062 га пашни. План превышен на 48 тысяч га, при чем спрос крестьянства повсеместно не удовлетворен. Наиболее успешно прошла кампания в Казакстане, где вместо

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 227.

75 тысяч га по плану заключено договоров на 102 тысячи га. Значительно превышены планы в Центрально-черноземной области, Нижней и Средней Волге. Наибольший размах строительство машинно-тракторных станций «Трактороцентра» приобретет на Украине, Северном Кавказе и Центрально-черноземной области.

Такая установка «Трактороцентра» совершенно правильна, ибо как раз эти районы, богатые товарным хлебом, особенно важны с точки зрения укрепления пролетарского руководства социалистическим переустройством деревни. Условия, в которых протекала договорная кампания «Трактороцентра», как уже отмечено выше, характеризуются усилением классовой борьбы, усложнением и многообразием форм последней. Так, например, в Одесском округе кулаки пользовались в агитации формулой: «Коммунисты заключили договор с китайским правительством на организацию бедноты и середняков. Америка дает машины. Когда будут организованы крупные колхозы, их передадут помещикам. Помещики уже приехали». (Под помещиками подразумеваются директора МТС). Часто пускаются в ход лозунги, в роде: «Тянут в коммуну», «посадят на паек», «хотят завести барщину». В то же время отмечается, что кулаки открыто агитации не ведут, а используют для своих целей подкулачников, женщин, родственников (Кубань, Первомайский округ). Активное содействие кулачеству оказывают попы. Попы подошли практически к срыву договорной кампании. На день собрания они назначают несколько свадеб, и в результате — много пьянства, никого нельзя собрать и т. д. Особое значение придает кулачество агитации среди женщин. Так, напр., наблюдались случаи, когда кулаки избивали своих жен за «малую активность» на этой работе. Во многих местах на собрания являлись поголовно все женщины и поднимали невообразимый шум с целью сорвать подписание договора. В противовес этому руководители машинно-тракторных станций провели широкие делегатские женские конференции, которые помогли обезвредить поповское и кулацкое влияние.

Нужно отметить, что машинно-тракторные станции давали отпор и вели наступление на кулачество, используя самые разнообразные формы воздействия. Кроме массовой раз'яснительной работы во время договорной кампании, в некоторых случаях было организовано издание печатных газет (Одесский округ). Последние оказывали огромную помощь: они вскрывали механику кулацкого противодействия и бичевали всякого рода головотяпство. В Запорожском округе в целях популяризации работы машинно-тракторных станций были организованы экскурсии на Шевченковскую МТС, что очень помогло в деле привлечения крестьянства. Следует отметить, что и в этом случае кулаки не дремали,—они организовали параллельные экскурсии, и, подметив на станции ряд недочетов, выступали затем с критикой, чем не мало затормозили ход договорной кампании. Но все же кулакам нигде не удалось сорвать договорную кампанию — они были биты на всех боевых участках. Выгода, приносимая крестьянству машинно-тракторными станциями, столь конкретна, так ощутительна, что убедить бедняка и середняка не заключать договора на машинно-тракторную обработку земли чрезвычайно трудно.

В некоторых местах кулаки прибегали к террористическим методам борьбы (убийство ответственных работников, поджоги). В то же время они очень часто выражали желание вступить в об'единение, обслуживаемое машинно-тракторной станцией, что способствовало разоблачению их агитации.

Кроме 159 машинно-тракторных станций «Трактороцентра», в этом году будут работать 325 МТС «Хлебоцентра», — а также некоторое количество станций на Украине, находящихся в ведении разных организаций [1]).

[1]) Сейчас на Украине лишь в системе Укрколхозсоюза насчитывается 23 МТС, к весеннему севу должно быть развернуто до 39 МТС.

Ранней весной «Хлебоцентр» развернет работу 181 машинно-тракторных станций с 11.985 тракторами. В настоящее время «Хлебоцентр» располагает, вместе с принятыми от колхозной системы, 155 МТС с 3.839 тракторами. Всего ими обслуживаются 420 крупных колхозов, которые об'единяют 130 тысяч хозяйств (1 млн. 519 тыс. га).

Больше ⅓ всех станций работает на Северном Кавказе. Такая установка в развертывании станций абсолютно правильна, ибо ею достигается охват района большой товарности и в то же время «пшеничного» (посевы пшеницы на Северном Кавказе только в озимом клину превышают в 8—9 раз посевы ржи). Сравнительно недостаточно, на наш взгляд, развернуто строительство станций в Казакстане, районе, который выделяется большим количеством «целинных» земель.

Сейчас «Хлебоцентром» развернута большая кампания по сбору задатков крестьянских средств на тракторы. По данным на 25 января 1930 г. собрано около 12 млн. 500 тыс. рублей в счет задатков на тракторы внутреннего производства, что составляет 25% плана (50 млн. руб.). Нужно признать, что такой темп сбора задатков недостаточен.

Изношенность наличного тракторного парка — другое слабое место в развитии МТС, особенно, если принять во внимание те повышенные требования, которые будут пред'явлены в «настоящую большевистскую кампанию» по весеннему севу.

По имеющимся у нас сведениям ремонт тракторов в декабре производился слишком слабым темпом из-за отсутствия частей. Порайонно это дело рисуется в следующем виде. На Северном Кавказе из 2.294 тракторов, нуждающихся в ремонте, приведено в порядок только 255 штук, или 12,5% плана. В Сибири нуждаются в ремонте 1.367 тракторов, между тем недостаток запасных частей в размере 64% потребности ставит под угрозу выполнение ремонта. На Украине из имеющихся 11 тысяч тракторов в ремонте нуждаются 8 тысяч. В ЦЧО за декабрь отремонтировано 245 тракторов, или 50% декабрьского задания; всего нужно отремонтировать 2.400 шт., из них 1,700 нуждается в капитальном ремонте. Нижняя Волга отремонтировала 323 трактора, или 20% задания [1]).

В виду приближающегося сева (в некоторых районах он будет происходить уже в марте) такое положение следует признать явно неблагополучным. Необходимо принять ряд решительных мер, усилить внимание к этому делу партийных организаций и всей рабочей общественности.

Сильно ощущается и недостаток кадров работников. Нужны кадры, кадры и еще раз кадры политически и технически грамотных пролетариев. Поэтому надо приветствовать решение «Хлебоцентра» и ЦК ВЛКСМ о передаче «Хлебоцентром» 20 старых и 20 новых МТС полностью в ведение комсомола. ЦК ВЛКСМ обязуется обслужить выделенные станции достаточным количеством работников. Не может быть сомнения в том, что машинно-тракторные станции и в текущем году, — при усиленной активности пролетариата, при достаточном внимании к их работе со стороны всех партийных и советских организаций, снизу доверху, — выполнят свою задачу, «помогая крестьянину перестроить сельскохозяйственное производство на базе новой техники» [2]), и явятся одним из наиболее важных и ценных методов «установления производственной смычки между индустрией и сельским хозяйством» [3]).

---

[1]) Статья была написана в конце января. В январе и феврале произошел значительный сдвиг в деле ремонта, но и к началу марта, т.-е. перед началом весеннего сева количество отремонтированных тракторов лишь незначительно превысило половину всего количества, нуждающегося в ремонте.

[2]) И. Сталин. О правом уклоне в ВКП(б), стр. 18.

[3]) Там же, стр. 20.

Г. Смолянский.

Экономическое положение пролетариата в странах капитализма.

«Профсоюзы должны содействовать плановому развитию промышленности, ее рациональной концентрации в большие производственные единицы, ее финансовой реорганизации и замене старых машин и методов новым оборудованием и техническими приемами».

Так гласит последнее постановление Амстердамского Интернационала профсоюзов, обязавшего в мае этого года все примыкающие к нему секции активно содействовать проведению капиталистической рационализации. «Мы рассматриваем рационализацию... как важнейшую предпосылку увеличения благосостояния народных масс» — так гласил четыре года назад меморандум Всегерманского об'единения профсоюзов, когда капиталистическая рационализация только лишь начиналась. «Мы даже заинтересованы в том, чтобы капитализм правильно и с наибольшим хозяйственным эффектом работал для блага целого» — так писал тогда центральный орган германской социал-демократической партии «Форвертс». «Рационализация—самая важная проблема, которая стоит перед рабочим классом»—так заявил год спустя фашизировавшийся синдикалист Жуо, одна из самых красочных фигур современного социал-фашизма.

Это было четыре года назад. Капиталистическая рационализация,—которая с самого начала несла чудовищную эксплоатацию рабочего класса, быстрое снижение его жизненного уровня, огромное возрастание интенсификации труда, катастрофический рост несчастных случаев и болезней, наконец, волну «структурной» безработицы,— на первых порах все же сеяла иллюзии о возможном улучшении положения рабочего класса. Даже в наших собственных рядах имелись (нет ли их еще и сейчас?) отдельные товарищи, которые считали возможным довериться буржуазной статистике об улучшении положения рабочего класса в результате капиталистической рационализации. Известно также выступление т. Варга на X пленуме ИККИ, который буквально заявил:

«Если понимать жизненный уровень в тесном смысле слова, как это понимает статистика всего мира, т.-е. что нормально занятый рабочий (48 час. в неделю) может купить за свой денежный заработок, то в этом смысле никакого понижения жизненного уровня не происходит. Если кто-нибудь это утверждает, он утверждает то, что не соответствует действительности».

И уже после т. Варга нашлись товарищи, которые считали, что если выступление т. Варга на X пленуме ИККИ было ошибкой, то это ошибка *политическая*, а *не статистическая*. Не дипломатично, мол, громогласно говорить об улучшении положения рабочего класса при капиталистической рационализации! Но «против фактов не спорят».

Сейчас вряд ли кому в рядах Коммунистического Интернационала придет в голову отстаивать эти теоретические положения т. Варга. Тов. Варга,

который сделал тогда попытку «отвлечься» от всех других показателей жизненного уровня рабочего класса, не входящих в денежную заработную плату, как, например, безработица, интенсификация труда и т. д., получил сейчас убедительный и наглядный урок в связи с тем неслыханным понижением жизненного уровня рабочего класса, который несет с собой «неожиданно» разразившийся и как вихрь перекатывающийся из страны в страну, из континента в континент новый экономический кризис капитализма. Даже «Форвертс», который с барабанным боем провозглашал наступление новой эры капиталистической рационализации, сейчас уныло констатирует, что «хотя речь еще не идет о всеобщем хозяйственном кризисе, но этот кризис приходит гигантскими шагами; три миллиона безработных означает *катастрофу рационализации*»... «Где теперь успехи рационализации для рабочих?»—спрашивает теоретик германского профсоюзного социал-фашизма Карл Цвинг. И отвечает: «*Нигде!* Рационализация нигде не привела к какому-нибудь улучшению положения рабочего класса». Количество безработных — фактор от которого «абстрагировался» на X пленуме ИККИ т. Варга—достигает сейчас 15 миллионов человек (не считая колоний). Никогда еще внутренние противоречия капитализма, никогда еще классовые противоречия не стояли с такой остротой, как именно в результате этих четырех лет капиталистической рационализации! А это было бы, конечно, немыслимо, если бы капиталистическая рационализация принесла некоторое действительное улучшение жизненного уровня рабочего класса.

Назревающий мировой экономический кризис есть результат противоречий «восстанавливаемого» капиталистического хозяйства, капиталистической рационализации—в первую очередь. Он ставит в центре внимания всего международного рабочего движения именно вопрос о борьбе против стремительного понижения жизненного уровня рабочего класса. Это резкое снижение жизненного уровня в связи с кризисом является лишь дальнейшим продолжением, хотя в гораздо более глубокой и острой форме, того положения рабочего класса, которое было уже создано в результате капиталистической рационализации. Как экономический кризис вытекает из предыдущего периода мнимой «стабилизации» и развивается на фоне кризиса капитализма вообще, так и жизненный уровень рабочего класса подвергается сейчас резкому снижению на фоне общего падения его кривой. Никогда еще так не оправдывался жизненной практикой закон обнищания (Маркса), как со времени капиталистической рационализации. «Общая тенденция капиталистического производства клонится не к тому, чтобы поднять среднюю заработную плату, а напротив—к тому, чтобы понизить ее». (К. Маркс: «Цена, прибыль и заработная плата»). Таков закон капиталистического развития. Если в XIX столетии на протяжении пятидесяти, приблизительно, лет, благодаря монопольному положению английской промышленности, английский капитализм мог подкармливать значительные слои рабочего класса Англии и, в частности, рабочую аристократию, если в ряде других стран в восходящий период капитализма реальная зарплата могла для отдельных категорий и в известные моменты повышаться, то это об'ясняется *неравномерным* развитием капитализма. Но с того момента, когда на сцену выступает *монополистический* капитализм, когда происходит гигантское развитие производства средств производства, когда налицо исключительный прогресс техники и усовершенствованных форм капиталистической рационализации,—тогда обострение неравномерного развития капитализма все больше действует уже в обратную сторону, в сторону всеобщего снижения жизненного уровня рабочего класса. Это особенно резко проявляется, начиная с XX столетия вообще, а после войны—в особенности (и со времени капиталистической рационализации, в частности). *Абсолютное снижение* жизненного уровня рабочего класса со времени капиталистической рационали-

зации, приняло чудовищные размеры. «Борьба за повышение заработной платы является только следствием предшествовавших перемен... в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в *напряженности труда рабочего*, соответствующих колебаний рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения... Если вы будете смотреть только на изменения заработной платы, не принимая во внимание всех других изменений, обусловивших их, то, исходя из ложного предположения, вы неизбежно придете к ложным выводам». Так отвечает Маркс т. Варга. Магнаты монополистического капитала подготовляют сейчас вторую волну капиталистической рационализации — путем бешеного социально-политического наступления на рабочий класс. Буржуазия стремится заранее переложить тяжесть назревающего мирового кризиса на плечи рабочего класса. Эта вторая волна рационализации должна быть еще больше, чем первая, «рационализацией» рабочей силы. Чрезвычайно характерна в этом отношении речь германского «короля красок» Дуисберга на чрезвычайном с'езде Союза германских предпринимателей в декабре прошлого года.

> «Дом нашего хозяйства уже *начинает гореть*. Запах *гари* уже начинает чувствоваться в форме банкротства, закрытия предприятий, сокращения рабочей недели, роста безработицы и связанного с этим упадка духа во всей Германии... Мы полагаем, что еще можно потушить разгорающийся огонь».

Как думают германские предприниматели «потушить разгорающийся огонь», красноречиво свидетельствует меморандум Союза германских промышленников, утвержденный этим с'ездом:

> «При растущей заработной плате, растущем государственном времени... перейден тот пункт, при котором расширение производства имеет еще какой-нибудь смысл... Результаты последних лет показали, что промышленность имеет волю к новым хозяйственным формам и методам работы. Предпринятая хозяйством с неоспариваемой энергией рационализация принесла, правда, известные успехи. Но она могла бы быть еще более успешной, если бы она так сильно не отягощалась ростом государственного бремени... Германское хозяйство должно быть сделано свободным; оно должно быть пощажено от экспериментов и политических влияний, которые в хозяйство вносятся извне».

Таким образом, перед нами открытая программа *превентивного* наступления буржуазии на рабочий класс с целью «овладения» надвигающимся кризисом. Вторая волна рационализации не будет простым «воспроизводством» первоначального ее периода, совпадавшего с годами частичной стабилизации капитализма.

> «Можем ли мы иметь еще массовую продукцию путем машинизации без того, чтобы уменьшить заработную плату? — спрашивает орган американского капитала «Коммершиэл энд Финаншиэл Кроникл», — повысить заработную плату исключительно для того, чтобы повысить покупательную стоимость, означает откармливать гуся, который несет золотые яйца, и затем его зарезать».

Это будет качественно еще более высокая эксплоатация рабочей силы, еще большее давление на рабочий класс во всех областях социально-государственной жизни (уничтожение всякого вида социального страхования и т. д.), еще более резкое снижение жизненного уровня, чем это имело место до сих пор.

Рационализация являлась с самого начала орудием «промышленного мира» для буржуазии. На эту последнюю сторону капиталистической рационализации до сих пор мало обращали внимания. Социал-демократия и реформистские профсоюзы потому так приветствовали капиталистическую рационализацию, что они видели в ней именно этот инструмент сотрудничества классов. На состоявшемся недавно с'езде «научной организации труда» в Париже выступал председатель Американской федерации труда Грин, а затем французский министр Тардье, которые говорили о том, что рационализация

должна быть одновременно «усилием экономического порядка и усилием социальной солидарности». В июне прошлого года состоялся даже специальный конгресс, созванный Международным Бюро Труда при Лиге Наций (в Верхней Баварии), который главной задачей своей ставил осуществление классовой солидарности через капиталистическую рационализацию. Сам конгресс назывался—«Конгресс, посвященный научным методам, способным разрешить удовлетворительные человеческие отношения в научно-организованной промышленности». Даже в далекой колониальной Индии правительственная комиссия, обследовавшая текстильную промышленность, в связи с бомбейской забастовкой, возникшей, как известно, на почве рационализации (так называемая комиссия Фоусета), ставила перед предпринимателями задачу приспособления методов рационализации к проведению в жизнь «промышленного мира».

«Было бы трудно, — говорит доклад этой комиссии, — а может быть невозможно провести в жизнь новую схему стандартизации без полного сотрудничества рабочих лидеров... Наше обследование убедило нас, что многие фабрики могли бы снизить свои расходы, сокращая число рабочих и служащих. Есть однако, более важное соображение... помочь промышленности подняться на ноги может скорее всего «промышленный мир».

И именно на базе капиталистической рационализации происходило практическое сращивание социал-демократии и реформистских профсоюзов с монополистическим капиталом и их фашизация. Вторая волна рационализации не означает, что монополистический капитал перестает ее рассматривать как орудие «промышленного мира». Новое заключается сейчас в том, что вторую волну рационализации монополистический капитал пытается осуществить на основе безоговорочной своей диктатуры. Социал-фашизм к этому готов. В этом, собственно, и выражается степень фашизации социал-демократии и реформистских профсоюзов.

* * *

Каково же действительное положение рабочего класса на пороге 1930 г.? Каковы действительные итоги — и политические, и статистические — четырех лет капиталистической рационализации для рабочего класса? Что несет с собой назревающий мировой экономический кризис для рабочего класса? И каковы те формы классовой борьбы, которые на данном этапе характерны для рабочего движения?

Самым ярким выражением нового экономического кризиса является небывалая по своим размерам безработица. Этот неслыханный рост безработицы представляет собою наилучшую проверку результатов капиталистической рационализации для рабочего класса. С другой стороны, эта безработица ярче всего выявляет как характер, так и темп нового экономического кризиса. Если отличительная черта назревающего мирового экономического кризиса заключается сейчас в том, что этот кризис по своим размерам территориально шире даже, чем большой экономический кризис капитализма, следовавший непосредственно за окончанием империалистической войны 1920—21 году, поскольку в круг его действия вовлечены не только европейские капиталистические страны, но буквально весь капиталистический мир, включая колонии,— то, с другой стороны, и нынешняя безработица не только шире по территориальному охвату, но и глубже задевает интересы рабочих масс, чем это имело место в предыдущие кризисы. Ибо нынешняя кризисная безработица присоединяет миллионы выброшенных из производства кон'юнктурных безработных ко многим миллионам всерьез и надолго, а может и навсегда выброшенных из производства в результате капиталистической рационализации. К этому следует еще добавить, что кризис происходит зимой, в обстановке обычного роста, так называемой, сезонной безработицы. В результате — армия безработных, которая вместе

со своими семьями составляет не менее 60 миллионов человек. Как снежная лавина катится эта безработица, увеличиваясь в геометрической прогрессии, рынок до крайности суживается, и каждый безработный тянет за собою другого безработного.

В 1920—21 году безработица почти не коснулась, благодаря инфляции, стран Восточной и Центральной Европы. Теперь безработица сильнее всего задела как раз эти последние страны. Те черты, которые характерны были для всего послевоенного периода, а именно — взаимозависимость цен, экспорта и безработицы, — с особенной силой сказались в нынешнем кризисе. Чем ниже цены в золотом выражении, тем выше безработица. Рост и падение экспорта обратно-пропорциональны росту и падению безработицы. Если мы возьмем индекс цен по двум крупнейшим капиталистическим странам Европы — Англии и Германии, то мы увидим, как развивалось это соотношение цен и безработицы:

АНГЛИЯ

Год	Индекс цен. (1913—100)	% безработных в трэд-юнионах
1921	181,0	15,3
1922	159,5	15,4
1923	162,1	11,5
1924	17[illegible],9	8,1
1925	160,9	10,5
1926	140,4	11,3
1927	143,7	8,8 } % застрах. рабоч.
1928	140,9	8,9 }
1929	129,6 (октябрь)	10,4 }

ГЕРМАНИЯ

Год	Индекс цен. (1913—100)	% безработных в профсоюзах.
1921	инфляция	2,8
1922	до осени	1,5
1923	1923 г.	9,6
1924	137,3	13,5
1925	141,8	6,7
1926	134,4	18,0
1927	137,6	8,7
1928	140,0	8,6
1929	135,5	13,5 (приблиз.)

Нынешняя безработица значительно усугубляется еще тем обстоятельством, что внутри пролетариата, в результате рационализации, произошла очень крупная передвижка отдельных социальных слоев и деквалификация части основных его кадров. «Призрак безработицы, который угрожает каждому, кто не располагает особыми квалификациями,— пишет буржуазная «Франкфуртер Цейтунг»,— отравляет всю нашу общественную жизнь». Размеры и характер этой безработицы таковы, что она становится в прямом смысле этого слова делом всего рабочего класса. «Вся нация страдает», — пишет «Франкфуртер Цейтунг», подводя итог хозяйственному году германского капитализма. Безработица является в настоящий момент важнейшим выражением кризиса и загнивания капитализма.

Чтобы понять характер нынешней безработицы, лучше всего обратиться к показателям отдельных капиталистических стран. В Соединенных Штатах количество безработных составляет сейчас свыше пяти миллионов человек. Следует отметить, что в Соединенных Штатах количество безработных, вообще говоря, точному учету не поддается, ибо государственного страхования от безработицы не существует. Несомненно, указанная выше цифра, подтвержденная официальными инстанциями, преуменьшена, если принять во внимание, что за последнее пятилетие количество промышленных рабочих, вследствие замены живой рабочей силы механической, сократилось не меньше, чем на 1½—2 миллиона. Количество занятых промышленных рабочих, которое в 1919 году составляло 9.096 тыс., в 1928 году снизилось до 7.866 тыс. В штате Нью-Йорк, по данным министерства труда, безработица достигла уже размеров периода наибольшей депрессии 1920 г.

В Германии безработица за последние недели принимает совершенно исключительные размеры. Число безработных в январе составляет не менее 3—3½ миллионов человек. Здесь темп развития безработицы был иной, чем в других крупных капиталистических странах Европы, в частности — в Англии. Здесь рост и падение безработицы являлись процессами частыми и короткими. Если в Англии безработица, начиная с 1921 года, представляет собою явление хроническое и число безработных никогда почти не опускалось ниже миллиона, то в Германии происходили быстрые и резкие изменения кривой безработицы. Но и здесь со времени капиталистической рационализации имеется очень внушительная армия «структурной» безработицы, т.-е. тех безработных, которые выброшены из производства процессом капиталистической рационализации. Даже в наиболее благоприятные периоды, — как, например, в августе 1927 года, — было не менее 575 тыс. лиц, получающих пособие по безработице. В 1928 году количество получающих пособие было 889 тыс., в январе 1929 года — 2.246 тысяч, в июле 1929 года — 710 тыс., 31 декабря 1929 года — 1.750 тыс., 25 января 1930 г. — 2.500 тыс. В процентах к числу членов профсоюзов безработица со времени капиталистической рационализации в Германии развивалась следующим образом:

Время	% целиком безработных	% работающих сокращенную неделю
1926 год	18,0	15,9
1927 "	8,8	3,9
1928 "	8,6	5,7
1929 "		
Январь	19,4	8,7
Июль	8,6	6,9
Ноябрь	13,8	7,3
1930 год		
Январь	Свыше 20 %	—

В Англии, как было уже отмечено выше, движение безработицы со времени кризиса 1920—21 г. носит «плавный» характер, никогда, однако, не опускаясь ниже миллиона. Количество застрахованных безработных на 14 января 1930 г. составляло 1.478.771 чел. против 1.434.997 чел. того же числа в январе 1929 г. Англия пока меньше других крупных капиталистических стран задета новым экономическим кризисом (который, конечно, ее не минет). В Англии мы имеем только первоначальную ступень капиталистической рационализации, давно уже пройденную в Германии и Соединенных Штатах. Там идет сейчас процесс концентрации производства. Не случайно кризис захватил в первую очередь Соед. Штаты и Германию, которые в основном прошли уже эту фазу капиталистической рационализации (в смысле концентрации и технической реорганизации производства) и сейчас стоят перед второй волной капиталистической рационализации.

В Англии «рабочее» правительство, когда оно летом 1929 г. пришло к власти, обещало ликвидировать безработицу. Вместо этого — количественное увеличение безработных на сотни тысяч человек и другие сотни тысяч лишившихся права на пособие, благодаря реакционнейшему, антирабочему закону «рабочего» министра мисс Бонфильд.

Чрезвычайно остро дает себя чувствовать безработица в Польше и Чехо-Словакии. Число безработных, зарегистрированных на биржах труда в Польше, составляло в октябре 1928 года 83.340; а в середине января 1929 года, по заявлению министра торговли Квятковского, — 240 тыс. человек. В это число не входит частичная безработица. Сейчас в Польше почти каждый третий рабочий безработный. Это в данный момент страна самой высокой безработицы в Европе. Поразительным при этом является темп нарастания безработицы, который более, чем в два раза быстрее темпа периода жесточайшего кризиса 1925—26 г.

В Чехо-Словакии безработных, регистрируемых на биржах труда, в ноябре 1929 г. было 39,2 тыс. против 29,9 тыс. в ноябре 1928 г. Нужно отметить при этом, что на биржах труда зарегистрировано только 25—30% действительного числа безработных. В ноябре еще многие буржуазные экономисты думали, что кризис миновал Чехо-Словакию. Но уже через месяц число безработных перевалило за 200 тыс. человек, а в конце января 1930 г. достигло весьма внушительной цифры в 400 тыс. человек.

В Австрии, которая до недавнего времени (пока ее не перегнала Польша) занимала первое место по безработице в Европе, число безработных, составлявшее в августе 1929 г. 101 тыс. человек, поднялось в октябре до 125 тыс., а к 15 января 1930 г.—до 363 тыс. В январе 1929 г. число безработных было 245.984. В это время в Венгрии было 200 тыс. безработных, Болгарии — 180 тыс., Югославии — 200 тыс.

Чрезвычайно характерную картину представляет фашистская Италия. Согласно официальным данным, число безработных, составлявшее в конце сентября 1929 г. 228.831 человек, поднялось до 337 тыс. в ноябре 1929 года и 400 тыс. в январе 1930 года. Но фашистская регистрация охватывает только тех рабочих, которые работали не меньше шести месяцев на предприятии и совсем не охватывает сельскохозяйственных рабочих. Это число безработных нужно, по меньшей мере, увеличить в два раза. Не рискуя впасть в преувеличение, мы можем смело сказать, что число безработных в Италии составляет сейчас около миллиона. Это особенно важно отметить потому, что многие товарищи до сих пор склонны принимать даже фашистскую статистику на веру и дают совершенно ложный анализ положения рабочего класса. Тов. Варга, который уже однажды на X пленуме ИККИ слишком доверчиво отнесся к статистической «правде-истине» буржуазных экономистов, сделал вторую ошибку в своем последнем обзоре хозяйственного триместра в «Импрекоре»; он чересчур об'ективно отнесся к фашистской статистике и «доказал», что безработица в 1929 году в фашистской Италии ниже, чем в 1928 г.

Безработица очень мало задела пока еще Францию, в которой только зреют симптомы назревающего экономического кризиса. Но и здесь общий экономический кризис и, в первую очередь, кризис в Соединенных Штатах, уже нашел свое отражение на сокращении производства и росте безработицы в автомобильной промышленности и в производстве предметов роскоши. У Ситроэна, например, где работает 30 тыс. человек, уволено 4 тыс.; у Рэно из 25 тыс. сокращено свыше 5 тысяч человек.

Наконец, весьма симптоматичен чрезвычайный рост безработицы в колониях и на Востоке. В частности, в Индии благодаря рационализации происходят массовые увольнения рабочих в текстильной промышленности. В конце 1929 года вследствие кризиса в джутовой промышленности, в одном только Бенгале имелось свыше 60 тыс. безработных. Что касается Японии, то там, по данным Японского института исследования промышленности и труда, происходит вследствие рационализации, беспрерывное сокращение живой рабочей силы — особенно в текстильной промышленности, пищевой, производстве сельскохозяйственных орудий, на железных дорогах. Для определения темпа этого процесса достаточно указать на то, что за один только 1927 год количество промышленных рабочих, по сравнению с 1926 годом, уменьшилось на 10%.

Таким образом, безработица является сейчас центральным явлением мирового экономического кризиса. Пока она глубоко задевает, главным образом, производство готовых фабрикатов, текстильную промышленность, метал-

лическую, строительную и др. Новые отрасли производства — химическая, электротехническая и т. д. — менее затронуты. Но развертывание экономического кризиса капитализма все больше и больше будет вовлекать в орбиту своего движения и новые отрасли производства, а, следовательно, и новые отряды безработных. Это уже видно на кризисе автомобильной промышленности. В отличие от тех миллионов пролетариев, которые железными щупальцами конвейера и другими усовершенствованиями капиталистической рационализации были выброшены из рядов производства и, находясь в состоянии длительного отрыва от производства, легко могли впасть в депрессию и сделаться жертвами влияния фашистской демагогии, эти новые миллионы создаваемой экономическим кризисом армии безработных живут жизнью и борьбой предприятия, организованного классового действия. Это превращает миллионные кадры безработных в грозную революционную силу. Вот почему стержнем всей политики коммунистических партий и революционного профдвижения в нынешней обстановке, созданной назревающим мировым экономическим кризисом, является борьба с безработицей как борьба против капитализма и реализация единого революционного фронта безработных и оставшихся пока еще в производстве рабочих. Безработица, рожденная кризисом капиталистической стабилизации, сама является могучим фактором дальнейшего обострения этого кризиса.

Прежде чем перейти к динамике заработной платы за последние годы, мы остановимся еще на одном важнейшем факторе при определении жизненного уровня рабочего класса. Мы имеем в виду чудовищную интенсификацию труда. Капиталистическая рационализация представляет собою исключительный рост уплотнения труда, невероятную эксплоатацию рабочей силы. Выше мы уже указывали, какое значение имела рационализация в смысле сокращения рабочей силы. Например, орган предпринимателей Рурской горной промышленности «Глюкауф», считает, что новая техническая рационализация, которая задумана сейчас в Рурской горной промышленности и отнимет два года, выбросит из производства 130 тыс. горнорабочих, т.-е. одну треть всего состава. Мы остановимся только на фактах. По сравнению с 1913 годом, реальная заработная плата рурских горняков в первую четверть 1929 года понизилась на 10—14%, в то время как производительность труда на одного рабочего увеличилась с 1.161 кгр. в 1913 г. до 1.551 кгр. в 1929 г., т.-е. производительность труда увеличилась на 34% [1]). Насколько падает, как следствие рационализации, стоимость рабочей силы и уменьшается доля заработной платы рабочего в продукте труда, видно в той же каменноугольной промышленности Рура из того, что с 1927 года по 1929 год номинальные цены на уголь повысились на 14%, а стоимость рабочей силы меньше, чем на 2%.

В октябре 1929 года на генеральном собрании акционеров клекнеровских предприятий в Дюссельдорфе, Петер Клекнер в своем докладе о рационализации за последний год официально сообщил, что продукция сырой стали, которая в 1927—28 году составляла в среднем ежемесячно 149,6 тыс. тонн, в июле 1929 года достигла 151,1 тыс. тонн при количестве рабочих и служащих в 13.949 человек, вместо 15.207 в 1928 году.

На государственных железных дорогах Германии с 1925 г. по 1929 г., благодаря проведенной рационализации, производительность труда повышена на 25,5%. Железнодорожные мастерские в Оппельне в 1923 году имели 3.800 рабочих, а сейчас 1.200; заработная плата при этом не увеличилась.

Поразительную картину дает сопоставление двух бумажных фабрик — одной рационализированной, а другой — нерационализированной. На лучшей бумажной фабрике Германии, которая находится под Штеттином, благодаря рационализации, 100 рабочих производят ежедневно на одной бумажной машине 100 тыс. килограммов бумаги, а заработная плата здесь, так как эта фабрика находится в более низком тарифном поясе, значительно меньше, чем на маленькой фабрике в Силезии, где одна машина производит при 50 рабочих только 5 тыс. килограммов. Если до войны разница в отношении расходов на заработную плату и расходов на производство в различных предприятиях составляла максимально 1 : 3, то сейчас она достигает между рационализированными и нерационализированными предприятиями в некоторых случаях 1 : 10.

На недавнем с'езде революционной профсоюзной оппозиции в Германии делегаты - рабочие с мест рассказывали потрясающие картины о методах интенсификации труда. На текстильной фабрике Лоренца, где применяется голландская система Филиппа, работницы сидят за конвейером не рядом друг с другом, а одна за другой, — для того, чтобы они не могли между собой переговариваться. В мастерскую проведен громкоговоритель, и музыка оглушает рабочих. Перерыв у конвейера: каждые два часа — пять минут.

В Австрии процесс рационализации зашел особенно далеко в горной промышленности. В 1922 году в буроугольной промышленности было занято 21.103 рабочих, и об'ем всей продукции составлял 3,1 миллиона тонн; в 1928 году число рабочих сократилось до 10.735, а добыча выросла до 3,3 миллионов тонн. В каменноугольной промышленности в 1921 году 2.455 рабочих добывали 137.633 тонны, а в 1928 году добыча 1.065 рабочих составляла 210.000 тонн.

Огромная интенсификация труда происходит во Франции, которая сейчас как раз переживает период технической рационализации. В горной промышленности, например, количество рабочих с 1927 года по октябрь 1929 года сократилось с 331 тыс. до 297 тыс., т.-е. на 11%. В текстильной промышленности скорость вязальных спиц увеличилась с 800 в минуту до 2.000. У Ситроэна одну машину готовили раньше 150 человек, сейчас — 60. У Мишлэна в 1924 году 7 рабочих контролировали 400 шамбр а эр, а в 1929 году только двое рабочих контролируют 3.000.

В Англии, где происходит пока только процесс концентрации предприятий, в химической промышленности занято было два года назад 220 тыс. рабочих. В этой промышленности создан был знаменитый трест Монда, охвативший 77 фирм. За два года существования треста 9 заводов, с количеством рабочих в 15 тыс. человек, закрылись. Число рабочих в химической промышленности вообще за последние шесть лет уменьшилось на 27 тыс.— при громадном увеличении продукции.

В фашистской Италии (так же, как и во Франции) вводится система рафинированного хронометража инженера Бедо, «продолжателя» Тейлора. 240 крупных предприятий работает сейчас по системе Бедо. В пьемонтской металлургии, по сообщению «Лаворо Фашиста», до применения системы Бедо рабочие получали 2,25 лиры в час, а после — 1,70.

Таковы факты. Их вполне достаточно для того, чтобы наглядно показать значение такого фактора при оценке жизненного уровня рабочего класса, как интенсификация труда. Но это далеко еще не все. Капиталистическая рационализация увеличила в неслыханных размерах несчастные случаи в промышленности. Этот рост несчастных случаев и болезней находится в непосредственной зависимости от резко повысившегося темпа работы. В рурской каменноугольной промышленности в последние годы количество несчастных случаев и болезней увеличилось почти на 100%. В то время, когда число застрахованных рабочих с 1925 г. по 1927 год в Германии увеличилось с 10.854 тыс. до 11.391 тыс., число зарегистрированных несчастных случаев увеличилось с 653 тыс. до 1.010 тыс., т.-е. на 75%. В химической

[1]) Конечно, увеличение производительности труда происходит и за счет технических усовершенствований, но особенность нынешней капиталистической рационализации, — исключительная роль интенсификации труда.

промышленности Англии на каждых двух рабочих приходится за последние годы 1 несчастный случай. Невероятный рост несчастных случаев отмечается и в рационализированных предприятиях Франции. Немецкий буржуазный проф. Дюринг, по поводу влияния конвейера на здоровье рабочих, пишет:

«Производительность труда при большей усталости рабочего у конвейера остается неизменной — состояние утомления не доходит даже до сознания рабочего... Постепенное увеличение тяжести работы не осознается даже рабочим, потому что оно приходит постепенно... Какое-нибудь легкое заболевание может сразу раскрыть рабочему его истинное состояние, или рабочий с течением времени вдруг начинает ощущать, что работа больше не идет... Эта невозможность для рабочего осознать постепенное усиление утомления есть одно из печальнейших обстоятельств, о которое разбивается всякое научное ограничение допустимой интенсификации труда».

Но это тоже еще не все. При определении жизненного уровня рабочего класса следует иметь в виду те громадные структурные изменения внутри рабочего класса, которые произошли в результате капиталистической рационализации. Поскольку квалифицированный рабочий не может, как квалифицированный, больше найти себе работу, он вынужден продавать свою рабочую силу, как неквалифицированный рабочий. Количество неквалифицированных рабочих в производстве и, в особенности, женщин и молодежи необычайно возросло, а разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда не уменьшается. Какие громадные изменения произошли за годы рационализации в структуре рабочего класса видно, хотя бы, из изменившегося удельного веса в производстве женщин и молодежи. Центральный Комитет христианского союза кожевников в Германии приводит следующую характерную анкету. В 1913 году процент мужчин - рабочих в кожевенной промышленности составлял 79,8%, женщин — 14,8%, молодежи (до 21 года) — 5,4%. В 1928 году эти цифры соответственно составляли: 26,4%—64,7%—8,7%. Количество рабочих-мужчин понизилось на 60,7%, количество женщин повысилось на 418,1%, количество молодежи повысилось на 82,9%.

Другая анкета союза маляров в Германии, относящаяся к возрасту работающих в малярном производстве, показывает, что в то время как в возрасте до 18 лет в 1912 году работало среди обследованных союзом 1,3%, в 1927 году этот процент повысился до 10,4. Для состояния жизненного уровня масс характерно то, как увеличился после войны процент работающих старше 50-летнего возраста. В то время как до войны число рабочих-маляров старше 50 лет никогда не составляло больше 4,9%, в 1927 году этот процент увеличился до 16 (т.-е. почти в 4 раза).

О том, с каким темпом благодаря механизации труда идет процесс замещения рабочих-мужчин женщинами в Англии, мы находим официальные данные в органе английского министерства труда — «Министри оф Лэйбор Газетт». В гончарной промышленности число рабочих-мужчин составляло в 1924 году 38 тыс., а в 1929 году — 34 тыс.; соответствующие цифры для женщин — 35,3 тыс. и 39 тыс. В машиностроительной промышленности за те же годы число рабочих мужчин составляло 588,5 тыс. и 539,3 тыс.; соответственное число женщин — 38,9 тыс. и 47,4 тыс. В швейной промышленности: мужчины — 202,3 тыс. и 195,7 тыс.; женщины — 371,4 тыс. и 385,6 тыс.

Число застрахованных мужчин в Англии за 1924—1929 гг. увеличилось на 3,2%, а женщин — на 11%. Женщины составляют сейчас в производстве 27% (в тред-юнионах — 16,5%).

* * *

Мы видим таким образом, какое значение, при оценке динамики жизненного уровня рабочего класса, имеют такие «не экономические», по терминологии тов. Варга, факторы, как безработица и интенсификация труда. Но

если мы возьмем и развитие денежной зарплаты за последние годы, то также весьма нетрудно будет убедиться, насколько не прав оказался здесь тов. Варга и теоретически, и политически, и фактически. Мы не будем останавливаться на том священном походе против нынешнего уровня заработной платы, который об'явлен почти повсеместно предпринимателями в связи с экономическим кризисом. Достаточно указать, что в Соединенных Штатах со времени кризиса Стальной трест понизил заработную плату в Юнгстоне на 20%, а в автомобильной промышленности для некоторых категорий рабочих зарплата понижена даже на 30—40%. В Европе, в Чехо-Словакии, в связи с кризисом, уже проведено снижение зарплаты в текстильной промышленности на 10%. Боевой клич буржуазии во всех капиталистических странах, охваченных кризисом, повсюду один: «высокая зарплата — вот причина кризиса и всех зол!».

«Увеличение зарплаты, — пишет «Франкфуртер Цейтунг» в годичном хозяйственном обзоре, — «до тех пор экономически оправдывалось, покуда с ним было связано падение безработицы... Если 1929 год, несмотря на наступление кон'юнктурного застоя, не только не принес уменьшения заработной платы, а, наоборот, даже дальнейшее ее увеличение (? — *Г. С.*), то это не что иное, как механическое перенесение обычаев периода под'ема в такое время, когда требуется совсем другое отношение к проблеме заработной платы».

Перед нами, таким образом, открытая попытка капиталистов переложить тяжести назревающего экономического кризиса на плечи рабочего класса через прямое уменьшение денежной зарплаты.

Но тов. Варга мог бы указать, что его выступление на X пленуме ИККИ относилось к другому периоду, к периоду «нормального» развития капиталистической рационализации и частичной капиталистической стабилизации. Обратимся, поэтому, к непосредственному развитию реальной зарплаты в условиях капиталистической рационализации.

Нужно сказать, что поход на уровень денежной зарплаты во всех почти европейских капиталистических странах, где рационализация нашла широкое применение в течение последних двух лет, вообще не прекращался. В вышедшей недавно в Германии книге одного из «идеологов» германской капиталистической рационализации — Георга Готтейна («Великое заблуждение германской политики зарплаты»), мы находим на этот счет классические места:

«Политика заработной платы, которая при каждом пересмотре тарифного договора увеличивает ставки, не обращая внимания на то, может ли это повышение быть перенесено промышленностью без уменьшения доходности, должна неизбежно... вести к задолженности предприятий, к уменьшению способности конкуренции с заграницей, к увеличению, благодаря неиспользованным производственным возможностям, себестоимости... ведет к безработице. Последняя становится тем сильнее, чем больше предприниматель пытается выравнить машинизацией увеличение расходов по заработной плате. Но рационализация, вследствие продолжающегося повышения заработной платы, не позволяет снижать цен, т.-е. не увеличивает возможности расширения сбыта. Она увеличивает нужду в капитале, задолженность и создает безработицу».

Интересно отметить, что социал-фашистский орган профсоюза металлистов («Заводский журнал для функционеров металлопромышленности», август 1929 г., № 17), критикуя эту книгу Готтейна, обвиняет его в том, что он видит причины кризиса «только» в повышении зарплаты.

Глубокая ошибка тов. Варга заключается еще в том, что он «отвлекся» также от того обстоятельства, что при капиталистической рационализации произошло вымывание из производства больших групп квалифицированных рабочих и замена их неквалифицированным трудом, точно так же, как замена взрослых рабочих-мужчин — женщинами и рабочей молодежью, труд которых оплачивается значительно ниже. Товарища Варга «поразила» официальная германская статистика о превы-

шении ставок неквалифицированных рабочих (кстати, даже по данным официальной статистики, совершенно мизерном) довоенного уровня. Между тем, секрет заключается в том, что германские статистические данные составляются только для взрослых рабочих-мужчин,— для женщин только в традиционных отраслях производства,— работающих непрерывно (т.-е. сюда не входят работающие сокращенную неделю). Вот от каких мелочей «абстрагировался» тов. Варга. Даже буржуазная «Франкфуртер Цейтунг» нашла нужным — правда, до кризиса (в начале октября прошлого года) — критиковать слишком розовые данные германской официальной статистики о зарплате немецких рабочих.

Реальная зарплата в Германии после стремительного падения ее во время инфляции, с 1924 г., росла. В первые два года этот рост был довольно значительный, но с середины 1928 г., когда зарплата стала ближе к довоенному размеру, он стал крайне невысок и даже почти остановился. Весьма важно отметить, что с этого времени всякое повышение зарплаты достигалось в упорной экономической борьбе. Статистика социал-фашистского АДГБ, охватывающая 48 городов — 10 женских и 42 мужских профессии, показывает, что средняя номинальная тарифная зарплата для мужчин-рабочих в 1927 г. возросла на 8,5%, в 1928 г.—на 8,3% и в первую половину 1929 г.—на 3%. Если принять во внимание фальшивый официальный индекс дороговизны, то реальная зарплата в эти годы повысилась: в 1927 г.—на 3,6%, в 1928 г.—7,3% и 1929 г.—2%.

Средняя тарифная зарплата в Германии за эти годы развивалась следующим образом:

Время	Почасовая оплата	Недельная зарплата	Почасовая оплата	Недельная зарплата	Индекс дороговизны
	квалифицированные раб.		неквалиф. рабочие		
Апрель 1924 г.	63,8 пф.	31,11 мар.	44,8 пф.	23,23 м.	127,6 р. за год.
„ 1925 г.	82,9	40,54	58,3	30,11	139,8 „
„ 1926 г.	92,6	45,21	65,2	33,69	141,2 „
Январь 1927 г.	93,5	45,68	67,1	34,35	150,0 июль
„ 1928 г.	101,6	49,20	75,2	37,56	152,6 „
„ 1929 г.	108,1	52,25	81,0	40,50	153,1 янв.
Сент. „	111,1	53,81	83,7	41,69	153,6 сент.
Декаб. „	—	53,91	—	41,78	153 дек.

Следует еще отметить, что эти ставки ни коим образом не доказывают повышения аккордных ставок. Эти последние могут даже при повышении тарифных ставок падать.

Необходимо иметь также в виду, что, благодаря социал-фашистской политике длительных тарифных договоров, заключаемых обыкновенно на полтора-два года, происходит зачастую абсолютное падение реальной зарплаты. Если взять при этом не официальные рыночные цены, а действительные, то станет понятным, какое произошло за годы капиталистической рационализации «повышение» жизненного уровня германского пролетариата. Недаром даже известный буржуазный статистик Кучинский пришел к заключению, на основании обследования 17-ти крупнейших городов Германии с 9 миллионным населением, что заработок германских рабочих в 1929 г. составлял в среднем, принимая во внимание безработицу (но не интенсификацию труда), лишь 85% установленного им голодного бюджета.

Во Франции, даже по официальным данным — если взять цифры 1914 г. за 100 — индекс реальной заработной платы в Париже составлял в 1928 г.— 94, в департаменте Луара — 97, в бассейне Роны — 91 Нижней

Сены — 65. В Парижском районе в 1928 г., по сравнению с 1927 г., реальная зарплата понизилась на 3%, в бассейне Роны — на 4%, Нижней Сены — на 7,5%.

Все это — принимая во внимание лишь официальный индекс дороговизны, который в октябре 1929 г. составлял 621. Унитарные профсоюзы имеют свой собственный индекс, который гораздо ближе к действительности и в октябре 1929 г. был почти на 25% выше — 785. Характерно (к сведению тов. Варга), что зарплата женщин в два раза ниже мужчин; в то время как реальная зарплата мужчин понизилась, по сравнению с довоенным временем, реальная зарплата женщин, благодаря рационализации, втянувшей в производство крупные массы женского труда — повысилась на 7—8%.

В Англии и до, и после правительства Макдональда идет беспрерывное снижение зарплаты. Еще в 1925 г. руководитель консервативного правительства Болдуин заявил: «Все рабочие нашей страны должны принять снижение зарплаты, дабы промышленность снова стала на-ноги» В Англии, как известно, с того времени «просперити» все же не наступило. А процесс снижения зарплаты продолжается резким темпом. В 1925 г. еженедельное сокращение заработной платы составляло 78 тыс. ф. ст.; в 1927 г.—357,8 тыс. (после разгрома горняков), в 1928 г.—141,8 тыс., в 1929 г.—чистое еженедельное сокращение зарплаты составляло 79,65 тыс. ф. ст.

Что касается уровня реальной заработной платы, то она далеко не достигла еще довоенной. В то время как индекс стоимости жизни в конце 1928 г. составлял 166, индекс зарплаты в это время равнялся: в горной промышленности—143, машиностроительной—102, железо- и стале-литейной—120—170, хлопчатобумажной — 161. С того времени изменения произошли весьма незначительные.

В фашистской Италии заработная плата за последние два года понизилась на 30—40%, а по официальным данным фашистской статистики стоимость жизни уменьшилась на 14—16%. Фашистами установлен «твердый» прожиточный минимум, но ни у одной категории рабочих зарплата не достигает этого минимума. По данным фашистских профсоюзов наиболее высокая оплата в Турине составляет 3½ лиры в час. Считая в среднем 52 часа в неделю, это составляет 182 лиры в неделю. Между тем, «прожиточный минимум» установленный для Турина — 272,1 лиры.

На деле средняя зарплата итальянского рабочего значительно меньше названной выше цифры. Фашистская Ассоциация промышленности, охватывающая около миллиона рабочих, указывает среднюю почасовую зарплату в 2,02 лиры. Есть отдельные отрасли производства (напр., текстильная промышленность), где месячная зарплата составляет всего лишь 170—180 лир, т.-е. меньше одной лиры в час.

Даже в обетованной стране высокой зарплаты, в Соединенных Штатах Сев. Америки, где, по категорическому заявлению тов. Варга, «уровень жизни рабочего класса продолжает повышаться, и в период развития органической безработицы» — за последние три года реальная зарплата почти не повысилась. В 1926 г. индекс реальной зарплаты составлял 120,2; в 1928 г.— 123,6.

Доля зарплаты в продукте труда в 1928 г. составляла 70% того, что она составляла в 1899 г., 700 тыс. рабочих, т.-е. 9% всего состава промышленного пролетариата, получают заработную плату ниже, чем в начале столетия: это, главным образом, деревообделочники, стекольщики, табачники,— все такие профессии, которые раньше оплачивались лучше других.

О ряде других стран капиталистической Европы и Америки можно судить по сравнительной статистике Международного Бюро Труда при

Лиге Наций. Эта статистика основана на весьма неточных показателях, но *тенденцию* развития по ней все же можно уловить.

Сравнительный индекс зарплаты в июне—июле 1929 г. (в больших городах)
(Великобритания = 100)

1) Великобритания . . . . 100 (7 городов)
2) САСШ . . . . 187 (10 городов)
3) Германия . . . . 71 (6 городов)
4) Австрия . . . . 46 (3 города)
5) Франция . . . . 54 (4 города)
6) Португалия . . . . 35 (1 город)
7) Швеция . . . . 102 (3 города)
8) Австралия . . . . 146 (2 города)

Наконец, о странах Востока. И здесь проводится капиталистическая рационализация. И влияние ее на жизненный уровень рабочего класса, конечно, еще гораздо губительнее, чем в «цивилизованных» метрополиях. По данным *шанхайского* «Социального Бюро», хлочатобумажные прядильщики — мужчины, средней квалификации, получали в 1929 г.— 44,5 центов в день, женщины — 41 цент, дети — 26,5 центов; средний заработок всех рабочих в текстильной промышленности Шанхая в 1926—27 г. составлял 45 центов в день.

В *Индии* заработная плата в бенгальской джутовой промышленности составляет $^1/_6$ — $^1/_8$ зарплаты в Англии. Бомбейская забастовка текстильщиков произошла на почве рационализации. С первого июля 1929 г. предприниматели пытались перейти на 60-часовую неделю, вместо прежних 54-х часов,— без увеличения заработной платы.

В *Японии*, по данным Ланкаширской текстильной ассоциации, с 1925 по 1927 гг., в результате рационализации, средний дневной заработок уменьшился с 207 сен до 150,8 сен в день, женщин — со 100,1 до 87,3; это, приблизительно, $^1/_3$ европейской зарплаты.

Таково «повышение» жизненного уровня рабочего класса в результате капиталистической рационализации. Когда-то Каутский, в разгар борьбы «марксистского центра» с бернштейнианцами, анализируя экономическое положение германского пролетариата на пороге XX века (т.-е. когда мощно стал развиваться в Германии монополистический капитализм), писал против «практиков» германского профдвижения:

> «Для рабочего класса наступает период, который угрожает если не прямым падением, то приостановкой роста жизненного уровня, период, длительность которого зависит от *революционной энергии* пролетариата; ибо условия, которые препятствуют дальнейшему под'ему жизненного уровня таковы, что они могут быть устранены... только путем больших политических переворотов».

Профсоюзные вожди, которые вместе с ревизионистами вообще отрицали теорию обнищания, делали возможность повышения доли зарплаты в продукте труда исходным моментом своей теории «мирного внедрения» капитализма в социализм, тогда обвиняли Каутского в том, что он «с мешком фраз хочет завоевать мир». Они прямо и резко ставили вопрос: *или* профсоюзы (в трэд-юнионистском понимании этого слова, а не как «школа коммунизма») — *или* теория обнищания. Сейчас так ставится вопрос *всей* социал-демократией, поскольку ее официальной программой является так называемая «хозяйственная демократия». Но *и тогдашний центризм*, представителем которого был Каутский, имел в виду только *относительное*, а не *абсолютное* обнищание. Отсюда и теория Каутского о «границах профессионального движения» в период монополистического капитала, поскольку под профсоюзной борьбой он подразумевал лишь борьбу *в рамках* капиталистического строя — вне связи с революционными задачами рабочего.

Постановка вопроса тов. Варга по существу является отрыжкой этого старого центризма. Характерным для реформизма всегда было то, что он связывал экономические конфликты лишь с высокой кон'юнктурой. Упомянутый уже выше «лево»-реформистский орган союза германских металлистов заявляет сейчас, что причиной кризиса является «и» высокая зарплата. Для них нынешний кризис — и все послевоенные кризисы — являются «нормальными» кризисами здорового капитализма. Тов. Варга, рисуя на X пленуме ИККИ картину повышения жизненного уровня пролетариата (что должно было бы явиться результатом известного «просперити» капитализма), не может увязать концов с концами, признавая *одновременно* и несомненность революционного *под'ема* рабочего движения.

Брандлерианцы уже гораздо последовательнее. Переоценивая капиталистическую стабилизацию и рационализацию, они отрицают и *революционный под'ем*. «Где под'ем экономических боев, провозглашенный X пленумом ИККИ?» — спрашивает орган брандлерианцев, указывая на сокращение стачек в Германии в 1929 г. И чем об'яснит тов. Варга это явление, если исходить из его теории благотворного влияния капиталистической рационализации на жизненный уровень рабочего класса?

Между тем, анализ *характера* экономических боев 1929 г. ясно показывает переход на более высокий *революционный уровень*.

При анализе характера стачечного движения за 1929 г. не приходится брать во внимание экономические бои за *весь* год. Есть определенная грань между периодом *до* и *после* экономического кризиса, что совпадает приблизительно со временем X пленума ИККИ. До X пленума ИККИ нарастание количества стачек, бастующих и потерянных рабочих дней, было почти явлением *всеобщим*. Во второе полугодие началась *дифференциация*. В одних странах — менее подверженных кризису, как Англия и Франция, где первая волна рационализации себя еще не исчерпала и даже еще только лишь начинается (Англия), продолжается и во вторую половину 1929 года количественный рост стачечного движения. Это *начало* под'ема, первый протест против капиталистической рационализации. В других странах, где кризис и массовая безработица (Германия, Чехо-Словакия, Польша, Соед. Штаты, Индия), количество стачек и потерянных рабочих дней не только не растет, но даже падает. Это видно по следующей таблице, составленной социально-экономическим отделом Профинтерна.

Стачки и локауты в 1928—29 гг.

По официальным данным. За соответ периоды.

Страны	За какой период с начала года	1928 год: Стачки и локауты	1928 год: Участники (в тысячах)	1928 год: Потерян. рабочих дней (в тысячах)	1929 год: Стачки и локауты	1929 год: Участники (в тысячах)	1929 год: Потерян. рабочих дней (в тысячах)
Германия . . .	9 мес.	621	389,8	8.580,6	385	266,7	4.019,6
Англия	12 „	302	124,4	1.388,0	420	532,1	8.283,0
Франция . . .	12 „	922	222,4	—	1.120	431,4	—
САСШ	10 „	562	314,1	29.267,3	729	220,5	9.532,3
Чехо-Славакия.	10 „	385	163,2	1.730,0	269	75,5	—
Япония	11 „	689	74,5	—	1.134	126,8	—

Отличительная черта этих стачек — это втягивание самых *отсталых слоев* пролетариата, самых *отсталых районов*. Чрезвычайно показательным в этом отношении является огромное стачечное движение в 1929 г. *сельскохозяйственных* рабочих (Польша, Чехо-Слова-

кия, Франция и др.), в котором участвуют десятки тысяч батраков и которое носит остро политический характер. Во Франции впервые за многие годы в движении участвует ряд районов и отраслей, которые до того целиком находились под влиянием реформистов.

В Соед. Штатах, совершенно исключительную картину представляют стачки на Юге,— там, где никогда до сих пор не бывало стачечного движения вообще и где стачки считались невозможными,—при чем эти стачки (Гастония и др.) носили очень ожесточенный характер.

Формально-статистический подход к анализу нынешних экономических боев (как это делают, например, правые ренегаты) не только не может дать точного представления о характере нынешних классовых боев, но, наоборот, только искажает перспективу. Конечно, массовые увольнения с заводов заставляют рабочих на первых порах несколько сдержаннее относиться к использованию орудия стачечной борьбы. Но эти бои носят сейчас более наступательный характер со стороны пролетариата. Они гораздо упорнее и жестче. Развивается массовая политическая забастовка и революционная демонстрация, как более высокие формы классовой борьбы. Происходит перегруппировка сил. И в связи с этим происходит временное, переходное сокращение числа бастующих.

«Экономические бои»,— пишет буржуазная «Прагер Прессе»,— отличаются сейчас... тем, что теперь каждый раз на карте стоит все: (курсив наш.— *Г. С.*) как государство, так и отдельные отрасли промышленности просто-напросто борится за свое существование».

Вот почему сейчас, более чем когда бы то ни было, важно для компартий завоевание твердых позиций непосредственно на предприятиях. Это возможно только при том условии, если коммунистический авангард будет смело развертывать и возглавлять экономические бои пролетариата — на основе единого фронта снизу, и, в первую очередь, единого фронта безработных и работающих в предприятиях. Только идя к массам для возглавления нынешней перегруппировки сил, компартии сумеют постепенно подводить их к решающим революционным боям за власть, за мировую диктатуру пролетариата.

Ан. Сенченко.

Против правооппортунистической ревизии программы Коминтерна.

Коммунистический Интернационал является организатором международной революции пролетариата, борцом за мировую пролетарскую диктатуру, за коммунизм. Его программа, это — могучий призыв революционного авангарда к широчайшим массам трудящихся на смертельную борьбу против всемирного империализма; это — боевое знамя, вокруг которого собираются и организуются революционные отряды во всех частях света для борьбы против всемирного капитала; это — боевой закон для миллионов организованных пролетариев, которые ведут систематическую подготовку к революционному штурму твердынь капитализма.

Являясь замечательным документом марксизма-ленинизма, программа Коммунистического Интернационала всей своей силой направлена против всех видов буржуазного мировоззрения, против всех и всяческих разновидностей теоретического и практического оппортунизма.

Программа КИ заострена против контрреволюционного троцкизма, который капитулировал перед империалистической буржуазией и выброшен революционным пролетариатом из рядов мирового коммунистического движения. Заостренный удар против контрреволюционного троцкизма является в то же время и сокрушающим ударом против всяких рецидивов троцкизма в коммунистическом движении, против всяких «левых» загибов и заскоков в большевистских рядах.

Но было бы неправильно видеть только это направление удара программы: по контрреволюционному троцкизму и «левому» оппортунизму. Нужно отметить и другую сторону удара, которая в данный момент имеет громаднейшее значение и актуальность,— это сокрушающий удар программы по правому оппортунизму.

Программа Коммунистического Интернационала заострена и против правого оппортунизма. Не случайно же программная комиссия отбросила те поправки, которые вносил правый оппортунист Тальгеймер и подобные ему. Не случайно же проект тов. Бухарина, в котором, помимо прочего, не был заострен удар против правого оппортунизма, был радикально переработан и представлен конгрессу, как проект тт. Бухарина и Сталина.

Такова основная установка программы КИ, целиком совпадающая с генеральной линии Коминтерна в его борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории, в его борьбе за укрепление и расширение позиций социализма во всем мире, в его борьбе за окончательную победу мирового коммунизма.

Задача каждого коммуниста именно так пропагандировать и популяризировать программу КИ. В настоящее время эта раз'яснительная работа должна обязательно фиксировать главное внимание на борьбе с правым

оппортунизмом. Нужно решительно бороться с замалчиванием тех элементов программы, которые особенно ярко бьют по правому уклону. Еще решительней надо вести борьбу с попытками ревизовать основные принципы программы, с попытками толковать ее в духе правого оппортунизма. А попытки правооппортунистической ревизии программы есть. По этим попыткам нужно открыть ураганный огонь. Эта борьба чрезвычайно важная и серьезная усложняется тем, что до сего времени еще нет таких комментариев к программе, которые были бы санкционированы руководящими органами партии и Коминтерна и являлись обязательным пособием к изучению программы. Отсутствие таких комментариев приводит к тому, что не везде в основу проработки программы КИ кладется текст ее и работы Маркса, Ленина и Сталина. В основу проработки до сих пор нередко кладется доклад т. Бухарина о программе на VI конгрессе, в котором он тщательно обходит те места в ней, где удар заостряется против правого оппортунизма, а в ряде вопросов прямо по-иному, по-своему трактует прóграмму.

Однако, есть и такие случаи, когда «проработка» программы проводится под углом зрения развернутой критики ее справа, под углом зрения ее ревизии и пропаганды правой идеологии.

Мы располагаем пока что только одним подобным документом. Это — «Методические указания и комментарии к программе Коммунистического Интернационала», изданные в количестве 6.000 экз. областным издательством «Средне-Волжская Коммуна» в Самаре в 1928 г. и по сей день распространяющие яд оппортунизма.

«Комментарии» эти заслуживают самого серьезного рассмотрения [1].

I.

«Комментарии» обходят ряд важнейших моментов первого раздела программы, беря под ревизионистское сомнение некоторые бесспорные для марксистов-ленинцев проблемы. В первом разделе программы дается анализ мировой системы капитализма, ее развития и неизбежной гибели. При разборе этого раздела программы очевидно, что основное внимание «Комментарии» должны были фиксировать на таких моментах:

1) Развитие капиталистического общества с неумолимой силой ведет к неизбежной его гибели, о приближении которой сигнализирует целый ряд явлений в капиталистической системе. Именно в этом аспекте рассматриваются в программе система капитализма, его противоречия, классовая борьба, кризисы, революции, войны и т. под.; об этой приближающейся гибели капитализма свидетельствует целый ряд глубоких процессов в области техники, экономики, классовой борьбы, в области бытового и культурного уклада капиталистического общества.

2) Финансовый капитализм, пришедший к началу XX века на смену промышленному капитализму, в неслыханной степени обострил проявление всех основных тенденций и законов движения капитализма и все в более грандиозных масштабах воспроизводит все его основные противоречия и антагонизмы, в результате чего империалистический период капитализма становится последним периодом его развития. Об этом свидетельствуют такие факты, как: обострившаяся неравномерность развития капитализма

---

[1]) От редакции. Интересно отметить, что «Комментарии» эти перепечатаны самарцами из «Пропагандиста», № 18—июль 1928 г., в котором были помещены «Комментарии к проекту» программы КИ, «прорабатывавшие» проект в духе правого оппортунизма.

Самарцы ограничились лишь тем изменением этих правооппортунистических комментариев, что вместо слова «проект» написали везде «программа», не изменив оппортунистической сути «Комментариев».

в эпоху империализма, противоречия, вытекающие из сосуществования и борьбы монополии и свободной конкуренции, кризисы, охватывающие целые группы стран и все мировое капиталистическое хозяйство, класссовая борьба, обострившаяся и принявшая размах грандиозных революционных потрясений капитализма, войны, превратившиеся в мировые схватки между империалистическими хищниками за передел колоний, сфер влияний и т. п. Именно в таком разрезе рассматриваются в программе основные процессы, происходящие в капитализме в связи с переходом его в фазу империализма.

3) Империализм воспроизводит и обостряет такие классовые противоречия, которые ведут к пролетарской революции: империализм поэтому есть канун мировой социалистической революции. Именно, исходя из этого, в программе дана уничтожающая критика социал-демократической теории «организованного капитализма» (ультраимпериализма).

4) Развитие капитализма, и в особенности империализма, в то же время подготовляет и те силы, которые призваны революционным путем свергнуть капитализм и создать пролетарскую диктатуру. Эти пролетарские силы капиталистических центров и народные массы колоний, идущие под руководством и гегемонией международного революционного пролетарского движения, противостоят, растут и закаляются в борьбе с силами империализма, в борьбе, которая ведет неизбежно к победе пролетарской революции. Именно под этим углом зрения рассматриваются в программе расстановка сил революции и империализма и основные тенденции их развития; именно в таком разрезе рассматривается государственная власть капитала, которая в эпоху империализма, в эпоху многонациональных империалистических государств и угнетения так называемых малых наций и колоний приобретает особое значение: именно в таком аспекте рассматриваются и оцениваются силы ставленников буржуазии в рабочем движении (подкуп рабочей аристократии, реформизм) и силы агентов империализма в колониальном движении (подкуп туземной буржуазии).

Из сказанного уже видно, что капитализм и порождаемые им пролетарские революции программа рассматривает не только в границах какой-либо отдельной страны, и даже не только в рамках передовых капиталистических стран, а в пределах всей мировой системы капитализма. Однако выведение общих законов движения мировой капиталистической системы, ведущих ее к неизбежной гибели, не означает, что в программе Коминтерна упускается тот факт, что капитализм в отдельных странах находится на различном уровне развития и движется различными темпами к революции. На основе ленинского закона неравномерного развития капитализма в программе, на ряду с характеристикой общих законов развития мировой капиталистической системы, дается подробный анализ и особенностей отдельных частей ее. В связи с этим в программе мирового пролетарского движения впервые выдвигается подразделение основных стран капитализма на три типа: страны высоко-развитого капитализма, страны средне-развитого капитализма, страны колониальные и полуколониальные.

Из сказанного видно, что с особой силой программа Коминтерна направлена против социал-демократии, которая проповедует, что развитие капитализма ведет не к обострению, а к ослаблению противоречий, не к росту классовой борьбы и неизбежности революции, а к потуханию классовой борьбы, к мирному сотрудничеству с буржуазией, не к обострению, учащению и укрупнению военных столкновений, а к отмиранию войн, не к краху капитализма, а к перерастанию империализма в ультраимпериализм, в стадию «организованного капитализма» и т. п.

Из сказанного видно, что с особой силой программа КИ бьет и по правому оппортунизму, который в решающих пунктах скатился на позиции «организованного капитализма» социал-демократии.

Таковы главнейшие моменты первого раздела программы. Посмотрим, как же раз'ясняют этот раздел авторы «Комментариев».

Прежде всего надо сказать, что комментарии к первому разделу отличаются тем, что в них не заострено внимание на самых решающих его пунктах, приведенных выше. В «Комментариях» говорится и о «месте первого раздела в программе КИ», и «о методе диалектического материализма в программе», н об «анализе промышленного капитализма» и об «анализе империализма», и о «критике ультраимпериализма». Но обо всем этом сказано таким образом, что такое положение, как неизбежность гибели капитализма отмечено лишь вскользь, а о таких решающих моментах, как загнивание капитализма и его умирание, анализ сил революции и империализма в «Комментариях» совсем ничего не говорится.

Это уже характеризует ценность «Комментариев». Но если в «Комментариях» не сказано самого главного, то о чем же там идет речь?

«Комментарии» фиксируют наше внимание на том, «насколько правильно и удачно» составлен первый раздел программы, на том, что «должно» быть в программе, на том, что программа бьет по троцкизму и т. п. «Комментарии» оппортунистически раз'ясняют программу, раз'ясняют ее путано, беря под ревизионистское сомнение некоторые бесспорные для марксистов-ленинцев проблемы.

Для иллюстрации этих ревизионистских, путанных приемов «Комментариев» достаточно остановиться хотя бы на их пояснении кризисов и на подходе к той критике, которой подвергнут в программе ультраимпериализм.

Известно, что в программной комиссии конгресса была довольно оживленна дискуссия по вопросу о кризисах. Во время этой дискуссии были наскоки на марксову теорию кризисов. Вслед за туган-барановщиной и люксембургианством были попытки об'яснить причины кризисов или исходя только из диспропорций между различными отраслями производства, или исходя только из противоречий между производством и потреблением.

Конгресс отбросил эти ревизионистские попытки и, вслед за Марксом и Лениным, выводит кризисы из господства частной собственности на средства производства и из общей анархии капиталистического производства. Исходя из этого в программе говорится о диспропорции между отраслями производства «в связи с развитием противоречия между тенденцией к безграничному расширению производства и ограниченным потреблением пролетарских масс». В программе четко показана увязка этих двух моментов, обусловленных общей анархией капиталистического производства.

Посмотрим, как поясняется этот момент в «Комментариях».

Там сказано:

> «Интересно отметить формулировку проблемы кризисов, самую неизбежность которых отрицают современные социал-демократы. В то время как одни признавали причиной кризисов лишь одну диспропорциональность между отраслями производства (Гильфердинг вслед за Туган-Барановским), а другие, как Каутский, считали причиной кризисов лишь недопотребление рабочего класса,—программа рассматривает противоречия между производством и потреблением, как составную часть анархии капиталистического производства». («Комментарии», стр. 144, подчеркнуто мной. *Ан. С.*).

И это все, что сказано в «Комментариях» о кризисах. Значит, программа выводит кризисы, по мнению комментаторов, только из противоречия между производством и потреблением? Вместо четкого об'яснения программы здесь дан такой комментарий, который в лучшем случае запутывает вопрос. Вместо того, чтобы просто и ясно сказать о ревизионистских наскоках на марксову теорию кризисов, которые были во время дискуссии на конгрессе, комментаторы пытаются дать исторический разрез в постановке вопроса. С чего же они начинают? С Маркса? Нет, о нем у них ни слова. Они начинают с Тугана, говорят о Каутском, забывают о Розе Люксембург и... говорят так, что не поймешь, как же об'яснила программа причины кризисов. К чему этот туман, почему разговоры о Тугане и проч. и ничего о Марксе и Ленине?

Такие комментарии в лучшем случае запутывают вопрос. Однако от запутывания маленький шажок до ревизии.

Прозрачные ревизионистские намеки проскальзывают у комментаторов в вопросе об ультраимпериализме.

Они говорят:

> «Но особенно важно обратить внимание, насколько удачно дана в программе критика теории ультраимпериализма...».

Сразу же возникает сомнение, насколько же действительно удачно в программе дана критика ультраимпериализма. Смотрим в программу. Там четко ставится вопрос о том, что такие факторы, как закон неравномерного развития капитализма и обострение классовой борьбы делают невозможным ультраимпериализм. Об'яснение правильное, ленинское, удачное. Но... такое об'яснение совсем неудачно с другой точки зрения. Именно с той точки зрения, которой придерживается тов. Бухарин, вот уже на протяжении многих лет, «по-своему» об'ясняя невозможность ультраимпериализма. Известно, что еще в 1917 г. т. Бухарин в брошюре «Мировое хозяйство и империализм» выдвинул тезис, что ультраимпериализм, абстрактно говоря, возможен, но в действительности невозможен, в силу «социально-политических тенденций», т.-е. в силу классовой борьбы, которая ведет к революции. О неравномерности развития капитализма, которая на ряду с классовой борьбой является основным экономическим и политическим фактором, делающим невозможным ультраимпериализм, у Бухарина не говорилось ни слова.

Известно, что после 1917 года т. Бухарин неоднократно повторял свое об'яснение невозможности ультраимпериализма. Известно, что это об'яснение он пытался было протащить и на VII пленуме ИККИ, но его попытка была отброшена пленумом, который в резолюции, в противовес докладу Бухарина, зафиксировал правильное, ленинское об'яснение невозможности ультраимпериализма.

Известно, наконец, что на VI конгрессе КИ, после дискуссии (в связи с проектом программы), во время которой отдельными делегациями и товарищами указывалось на необходимость включения в об'яснение невозможности ультраимпериализма, закона неравномерного развития капитализма, тов. Бухарин в своем заключительном слове по вопросу о программе вновь обошел закон неравномерного развития капитализма, «по-своему», неверно об'ясняя невозможность ультраимпериализма. Неверно потому, что бухаринская постановка вопроса, которую он позаимствовал из «Финансового капитала» Гильфердинга, не в состоянии обосновать невозможность ультраимпериализма. Его позиция ведет к капитуляции перед социал-демократической идеологией, к чему в конечном счете и докатился тов. Бухарин с своей теорией «организованного капитализма».

Все это хорошо нам известно. Все это — иное, неверное об'яснение невозможности ультраимпериализма. С этой, иной позиции формулировка в программе действительно является неудачной. И что же делают комментаторы, зная все это? Вместо того, чтобы сказать, что закон неравномерного развития капитализма бьет не только по социал-демократии и троцкистам, о чем говорят комментаторы, но и по правым уклонистам во главе с тов.

Бухариным, комментаторы ограничились приведенной выше двусмысленной формулировкой, сеющей сомнение в том, «насколько удачно» дана в программе критика теории ультраимпериализма. Вместо того, чтобы пропагандировать правильную формулу программы, комментаторы взяли ее под ревизионисткое сомнение. Прок от таких комментариев более чем гадателен.

Но если, комментируя первый раздел программы, авторы обошли полным молчанием такие решающие моменты программы, как загнивание и умирание капитализма, как анализ сил революции и сил империализма, если о такой кардинальной проблеме, как неизбежность гибели капитализма авторы говорят лишь вскользь, если некоторые важнейшие и бесспорные моменты первого раздела берутся авторами лишь под ревизионистское сомнение,—то в «Комментариях» ко второму разделу программы явно ревизуют они основные проблемы, всячески, конечно, прикрываясь ленинскими цитатами, ссылками на Ленина.

II.

«Комментарии» ревизуют основные проблемы второго раздела программы, пропагандируя правую идеологию. Во втором разделе программы Коммунистического Интернационала дается анализ общего кризиса капитализма и первой фазы мировой революции.

Исключив такие, видимо, не существенные с их точки зрения положения раздела, как то, что: а) Октябрьская революция положила начало международной пролетарской революции, б) вслед за революцией в СССР и под ее непосредственным влиянием развернулась мощная волна революционных боев за власть во всем мире, в) на ряду с частичной, шаткой, гнилой стабилизацией капитализма, которая раздирается глубочайшими противоречиями, развертывается и все больше крепнет «стабилизация социалистическая», г) неуклонно нарастает новый революционный под'ем и пролетариат от обороны переходит в наступление,— комментаторы говорят почти обо всем. Но в одних случаях упор делается не на том, на чем это делает программа, а в других — главнейшие положения раздела открыто ревизуются. Для иллюстрации ревизионистских наскоков «Комментариев» достаточно остановиться на таких моментах: 1) оценка общего кризиса капитализма, 2) оценка роли и сути социал-демократии, 3) оценка значения внешних и внутренних противоречий, ведущих к революции.

После характеристики основных положений раздела, в «Комментариях» в специальном отделе под названием «Важнейшие черты общего кризиса капитализма и эпохи социалистической революции» ревизуется основной его принцип, авторы по сути дела утверждают, что общий кризис ликвидируется. И делают это, прикрываясь выхваченными из сочинений Ленина словами, сказанными совсем в иной связи и по другому случаю.

В «Комментариях» говорится:

> «Никто другой как Ленин рассматривал эпоху социалистической революции, как длительный и трудный период, включающий в себя различные полосы, и отнюдь не равносильный беспрерывному автоматическому упадку капитализма и прямолинейному росту революции. Устанавливая и разбирая главнейшие черты послевоенного кризиса капитализма и указывая, что этот кризис означает собой начало краха всей империалистической системы, Ленин, однако, предостерегал товарищей от мысли, что этот кризис является «абсолютно безвыходным»... («Комментарии», стр. 151—52. Подчеркнуто мной. *Ан. С.*)

Следовательно, здесь мы имеем совершенно ясную и четкую установку на то, что кризис капитализма не является безвыходным, что капитализм из

него выйти может. Какой же процесс происходит — выходит капитализм из кризиса или нет? «Комментарии» отвечают: да, выходит.

Приведя цитату из доклада Ленина II конгрессу «О международном положении», в которой Ленин говорит о мощном, бурном, революционном под'еме, революционной атаке на капитализм и характеризует этот кризис, как величайший революционный кризис, авторы «Комментариев» пытаются эту оценку Ленина, относящуюся к характеристике непосредственно революционной ситуации, распространить и на весь последующий период. Они пытаются ленинскую оценку эпохи 1918—20 гг., эпохи бури и натиска пролетарской революции, оценку, совершенно правильную, подставить для характеристики всего последующего кризиса капитализма. Это явно ревизионистский прием. Мы знаем, что в других странах буржуазии действительно удалось отсрочить час своей гибели, она из революционного кризиса 1918 — 20 гг. вышла. Но значит ли это, что тем самым ликвидирован общий кризис капитализма? Ни в коей мере. Комментаторы же после приведенной цитаты, оборванной, к слову сказать, как раз на том месте, откуда ясно видно, что речь идет именно о непосредственно революционной ситуации, торжественно заявляют: Ленин сказал, что безвыходного положения у буржуазии не может быть, значит... она может выйти из общего кризиса капитализма. И они прямо и говорят дальше:

> «Эти слова Ленина предсказывают по сути дела возможность того поворота в послевоенном развитии, который теперь уже устанавливается программой с фактической точностью».

И дальше приводится цитата из программы, в которой говорится о наступлении частичной стабилизации капиталистических отношений. Можно было бы возразить, что все сказанное авторами относится именно к их оценке 1918—20 гг. Извините, все сказанное ими исчерпывает тот отдел, который у них называется «Важнейшие черты общего кризиса капитализма». Такой важнейшей чертой у них оказался поворот капитализма к выходу из общего кризиса. Это ли не ревизия положений программы?

В прямой связи с такой оценкой кризиса капитализма находится и их определение признаков кризиса. Оказывается, что признаками этого кризиса являются только особые социально-политические методы управления буржуазии. В «Комментариях» сказано:

> «Второе положение (это второе положение второго раздела программы.—*Ан. С.*), состоит в том, что «признаками общего капиталистического кризиса» являются особые социально-политические методы, при помощи которых империализм борется с революцией и старается подпереть и укрепить свое господство. Двумя такими методами являются социал-демократия и фашизм». («Комментарии», стр. 150—151).

И это все. Оказывается, такие факты, как существование и рост СССР, резкое обострение классовой борьбы в капиталистических центрах, колоссальное обострение противоречий между империалистическими странами, громадное движение многомиллионных масс Востока, — все это по мнению комментаторов не является признаками общего кризиса капитализма. Конечно, если отбросить эти признаки, тогда не трудно договориться и до ликвидации общего кризиса капитализма.

Так ревизуют «Комментарии» одно из решающих положений программы.

Такой же ревизионизм сквозит и в их оценке социал-демократии. Мы знаем, в программе о социал-демократии говорится, что она является

крупнейшей контрреволюционной силой, что она является резервом буржуазного общества, его наиболее верным оплотом. Нигде в «Комментариях», ни ко второму, ни к шестому разделу программы, мы не найдем подобной оценки социал-демократии. Авторы всячески обходят этот момент, всячески сглаживают оценки программы, всячески уклоняются от оценки контрреволюционной сути «левого» крыла социал-демократии. Самым сильным выпадом у авторов против социал-демократии является утверждение, что она используывается буржуазией, что она играет предательскую роль. О ее контрреволюционной роли, о ее фашизации, о ее активной борьбе против революционных движений и СССР, о ее активной поддержке буржуазного общества,— об этом ни слова.

Однако, авторы «Комментариев» не ограничились лишь тем, что извращали и ревизовали программу. Они проявили к тому же и некоторую «самодеятельность» в вопросе о перспективе новых революций. По их мнению получается, что революция возможна только в результате войны. В «Комментариях» сказано:

> «Именно Ленин далее в своих последних речах и статьях указывал на обострснную противоречивость послевоенного международного положения и на неизбежность того, что эти противоречия будут толкать к новой аойне и к новым реаолюциям».

И дальше:

> «Обостренне борьбы между империалистическими странами отражается и будет отражаться внутри каждой из них наступлением буржуазии на рабочий класс, на его жизненный уровень, и его классоаые организации.. Таким образом, обострение внешних противоречий переходит в обострение противоречий внутренних и путь к новой войне оказывается дорогой к новым боям между классами». («Комментарии», стр. 156, 160. Подчеркн. мною. *Ан. С.).*

Позиция комментаторов, прикрывающихся именем Ленина, чтобы его же ревизовать, совершенно ясна. Она означает разрыв с марксизмом-ленинизмом. Комментаторы производное принимают за основное и основное за производное. Достаточно ограничиться лишь приведением некоторых цитат из Ленина, чтобы ясно увидеть, как безнадежно запутались авторы «Комментариев», утверждая, что революция может быть в результате только войны.

Ленин утверждает, что политика капиталистических стран во внешних взаимоотношениях есть продолжение той политики, которую ведут господствующие классы внутри каждой страны.

> «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, ту самую политику неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает и во время аойны, переменив только форму действия».

И затем Ленин еще раз подчеркивает:

> «На каждом шагу забывают теперь публицисты буржуазных газет, играя на предрассудках и на обывательском невежестве совершенно неразвитых народных масс, не понимающих этой неразрывной экономической и исторической связи всякой войны с предшествовавшей политикой каждой страны, каждого класса, который господствовал перед войной и обеспечивал свои цели так называемыми мирными средствами». («Правда», № 93, за 1928 г. Запись лекций Ленина «Война и революция». Подчеркн. мной. *Ан. С.).*

Здесь с точностью, не допускающей кривотолков, Ленин говорит о том, что не внешние взаимоотношения держав определяют внутреннюю политику,

как это утверждают комментаторы, а, наоборот, внешняя политика определяется внутренней политикой, классовой борьбой внутри страны. Отсюда уже вытекает и тот вывод, что, очевидно, в результате определенных классовых сдвигов внутри той или иной страны может произойти революция и без войны. Ленин совершенно точно говорил, что:

> «Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного аосстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса в роде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.». (Ленин, т. XIX, стр. 170).

Эти положения ленинизма ничего общего не имеют с той ревизионистской болтовней, которой занимаются авторы «Комментариев» и которая вытекает из недооценки нового революционного под'ема, и недооценки назревания новых революционных боев за власть.

Так обстоит дело с комментариями ко второму разделу программы.

III.

Правооппортунистическая ревизия основ четвертого раздела программы. Прежде чем остановиться на основном вопросе — куда устремился правооппортунистический ревизионизм авторов «Комментариев» (политика пролетариата по отношению к крестьянству), перечислим те главнейшие моменты, которые не затронуты или не подчеркнуты в «Комментариях».

В «Комментариях» совсем ничего не говорится о том, что без диктатуры пролетариата не может начаться переходный период от капитализма к социализму; что программа рассматривает переходный период не для одной страны, а для всего мира, выдвигая лозунг мировой диктатуры пролетариата и мирового союза советских социалистических республик; что неравномерность политического и экономического развития капитализма ведет к возможности победы социализма в немногих, и даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Ничего не сказано в «Комментариях» также о том, что диктатура пролетариата есть диктатура одного класса — пролетариата, что прочный союз с середняцкими массами крестьянства совсем не означает какого бы то ни было раздела власти. Не подчеркнут тот момент, что завоевание власти пролетариатом не может произойти мирным путем, без насильственного свержения буржуазии, без разгрома государственного буржуазного аппарата и замены его новым пролетарским. Не поставлен во главу угла тот момент, что диктатура пролетариата есть продолжение его классовой борьбы в новых условиях. В «Комментариях» ничего не говорится и о политике диктатуры пролетариата по отношению к другим классам и общественным группам, не сказано о постановке в программе вопросов о трех типах стран и основных типах революции; ничего не сказано о колониальных революциях и т. д.

Словом, главнейшие моменты четвертого раздела не нашли своего места в «Комментариях». Уже этого достаточно, чтобы видеть их весьма сомнительную пользу. Но мало того, они прямо вредны, если учесть, что в них, на ряду с отсутствием этих главнейших моментов, пояснения к некоторым основным вопросам даются явно в правооппортунистическом духе. Это в первую очередь касается комментариев в вопросах «о политике пролетарской диктатуры к мелкому производству», «о рыночных отношениях» и о «переходе крестьянства на кооперативно-социалистические рельсы».

На этих вопросах надо остановиться более подробно.

В чем заключается генеральная линия партии и диктатуры пролетариата по отношению к бедняцко-середняцкому крестьянству?

Она заключается не в том, чтобы приспосабливаться к мелкобуржуазной природе крестьянства, и мелкого производителя вообще, а в том, чтобы вести его за собой, систематически переделывая его природу, превращая простого товаропроизводителя в производителя социалистического.

Эта генеральная линия партии нашла свое четкое и ясное отражение в программе Коминтерна. Мы ожидали поэтому, что авторы «Комментариев» именно этот момент подчеркнут и его будут комментировать. Однако, наши ожидания не оправдались: в «Комментариях» ни слова не говорится об этой генеральной установке программы. Авторы комментируют не программу Коминтерна, а оппортунистическую платформу правого уклона. Достаточно привести лишь одну цитату, чтобы убедиться в этом, например: «совершенно очевидно, что одна из основных и решающих задач, встающих перед победившим пролетариатом,— это ужиться (?!!) с крестьянством (со всем! *Ан. С.*) ужиться (?!?) с мелким товаропроизводителем» («Комментарии», стр. 177. Подчеркнуто мной. *Ан. С.*).

Ужиться с мелким товаропроизводителем, ужиться во что бы то ни стало с мелкобуржуазным крестьянством, ужиться с кулаком, итти на все новые и новые уступки (перманентные), плестись в хвосте у него, сдать в архив идею гегемонии пролетариата, держать курс на увековечение классов, а не на их переделку и уничтожение — таковы те выводы, которые вытекают из этих правооппортунистических комментариев. Такие же комментарии, в полной увязке с предыдущим, даются и к рыночным отношениям.

В программе Коминтерна рыночные отношения рассматриваются не как нечто самодовлеющее, ни от чего не зависимое, а, наоборот, как подчиненное системе диктатуры пролетариата, интересам его классовой борьбы, и вытеснения капиталистических элементов, подчиненное задачам укрепления и расширения позиций социализма в переходной экономике. Поэтому рыночные отношения в условиях диктатуры пролетариата резко отличаются от рыночных отношений при капитализме. Стихия рыночных отношений, ограниченная пролетарской диктатурой с самого начала их введения, с дальнейшим ростом ведущей роли социалистических командных высот все больше подчиняется регулирующей силе пролетарской диктатуры. В связи с этим и сами формы рыночных отношений претерпевают изменения, переходя от простейших, неорганизованных, стихийных сделок к системе контрактации и т. д. С другой стороны, с ростом социалистической индустрии рыночные формы связи все больше вытесняются производственными формами связи (колхозы), которые являются гигантским рычагом социалистической переделки крестьянства.

Таким образом, в программе Коминтерна рыночные отношения рассматриваются не в статике, а в динамике, не изолированно от других форм связи промышленности с сельским хозяйством, а именно в этой связи. В программе прямо сказано:

> «Чем больше удельный вес раздробленного крестьянского труда в общей экономике страны, тем больше об'ем рыночных отношений, тем меньше значение непосредственного планового руководства, тем в большей степени общехозяйственный план основывается на предвидении стихийно складывающихся хозяйственных отношений. Наоборот, чем меньше удельный вес мелкого хозяйства, чем значительнее доля обобществленного труда, чем могущественней концентрированные и социализированные массы средств производства,— тем меньше об'ем рыночных отношений, тем больше значение плана в сравнении со стихией, тем значительнее и универсальнее методы непосредственного планового руководства и в области производства и в области распределения».

А в другом месте это положение программы конкретизируется, показывается, как с ростом социалистических командных высот все большее значение приобретают производственные формы смычки, переходная ступень к полному обобществлению в сельском хозяйстве. В программе сказано:

> «Пролетариат выдвигает, наряду с дальнейшим развитием сбытовой, закупочной и кредитной кооперации, задачу непосредственного производственного и притом все более массового кооперирования крестьянства на базе коллективизма...»

Из сказанного видно, что рост социалистической индустрии и всей системы командных высот пролетарской диктатуры ведет не только к тому, что меняются об'ем и формы самих рыночных отношений, а и к тому, что наряду с рыночными отношениями начинают играть важнейшую роль производственные формы смычки, что все это в свою очередь ведет к все большему распространению организованного производства и распределения. В связи с этим в программе говорится, что рыночные отношения временны, что они в своем развитии несут собственную гибель:

> «Таким образом, рыночные отношения в условиях пролетарской диктатуры, при правильной политике со стороны советского государства, несут в своем развитии собственную гибель; способствуя вытеснению частного капитала, переделки крестьянского хозяйства, дальнейшей централизации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства, они способствуют тем самым преодолению рыночных отношений вообще». (Программа КИ).

Так ставится вопрос о рыночных отношениях в программе Коминтерна. Совсем иначе трактуется он в «Комментариях». Авторы так озаглавили этот отдел: «Рынок и рыночные отношения в переходный период». Что же они говорят в этом отделе? Вот краткий конспект того, о чем в нем идет речь: 1) Рыночные отношения «немедленно ликвидировать невозможно», потому что а) другой формы хозяйственной связи нет и б) потому что эта ликвидация привела бы к хозяйственной размычке и разрыву между пролетариатом и бедняцким и середняцким крестьянством. 2) «Ликвидация рыночных отношений возможна лишь как результат овладения рынком со стороны социалистического сектора». 3) «Ликвидация рыночных отношений без предварительного овладевания ими может привести к хозяйственной размычке». 4) Чем более отсталая страна, «тем длительнее будет срок, которого потребует овладение рынком и ликвидация его». 5) Отказываясь от «немедленной ликвидации рыночных отношений» — нужно заставить их служить себе.

Вот самые главные из их рассуждений о рыночных отношениях в переходный период. Оказывается, что основной проблемой в переходный период по линии рыночных отношений является проблема предостережения от ликвидации рыночных отношений. Авторы, увлекшиеся пропагандой правой идеологии, перевернули все вверх ногами. Не сказав ни слова о том, каков характер развития рыночных отношений в переходный период, в чем их своеобразие, какова основная тенденция их развития,— они закатили истерику о хозяйственной размычке и политическом разрыве между пролетариатом и бедняцко-середняцким крестьянством. Забыв

о том, что речь идет о рыночных отношениях в *переходный период*, они договорились до того, что исключают *производственные формы смычки*. Увлекшись фетишизацией рыночных отношений, их стихии, они забыли о регулирующей роли пролетарской диктатуры, о классовой борьбе, о классовом содержании проблемы рыночных отношений.

Нет необходимости долго останавливаться на этом паническом оппортунизме. Успехи социалистического строительства, колоссальные сдвиги в основной крестьянской массе в сторону коллективизации, невиданно бурный темп колхозного строительства, досрочное выполнение хлебозаготовок и т. д.,—все это оказалось возможным лишь благодаря разгрому правой оппозиции, дальнейшему укреплению союза пролетариата с основными массами крестьянства, значительному повышению руководящей роли пролетариата в этом союзе, решительному наступлению на капиталистические элементы, мощному развитию позиций социализма в стране.

Нет надобности также долго останавливаться и на классовой подоснове этих оппортунистических рассуждений. Они с особой яркостью отразили чаяния и интересы мелкобуржуазной стихии и кулацко-нэпманских элементов, которые прямо противоположны интересам пролетариата. Кулацко-нэпманские элементы против коллективизации, против наступления на капиталистическую стихию, против регулирования рыночных отношений и перевода последних на высшие ступени, против производственной формы смычки и т. д. и т. п. Они за то, о чем пишут в своих «Комментариях» правые уклонисты, и они, прежде всего, за сохранение рыночных отношений в таких формах, какие выгодны капиталистическим элементам. Авторы «Комментариев» невольно выполнили этот социальный заказ капиталистической стихии нашей страны. Не менее ярко агитируют они за кулака и в следующем вопросе, где речь идет о путях развития крестьянства к социализму. Авторы намечают такие пути дальнейшего развития крестьянства к социализму, которые, с одной стороны, *не включают* в себя *колхозов* и вообще коллективизации, а с другой стороны, *включают* в себя *кулака*, врастающего в социализм.

В противовес программе Коминтерна, в которой заключена та мысль, что столбовой дорогой социалистического развития деревни является кооперативный план Ленина, охватывающий не только низшую форму сельскохозяйственной кооперации (снабженческо-сбытовая), но и высшую (производственно-колхозная),— авторы «Комментариев» выдвигают такой путь, в котором *нет места производственно-колхозным формам кооперации*.

В противовес программе Коминтерна, в которой подчеркивается необходимость все усиливающейся борьбы с капиталистическими элементами, авторы целиком стоят на платформе врастания кулака в социализм. Они заканчивают свой раздел такими красноречивыми указаниями:

«при проработке этого раздела *полезно также перечитать книгу Бухарина «Путь к социализму»*.

Очень полезно... для кулака подобное методическое указание авторов «Комментариев».

IV.

«Комментарии», ревизуя программу КИ, защищают платформу реставрации капитализма в СССР. В пятом разделе программы с особой силой и четкостью заострен удар и против контрреволюционного троцкизма и, главным образом, против правого оппортунизма, которые, в конечном счете, одинаково ведут к реставрации капитализма. На ряду с тем утверждением, что в нашей стране есть все необходимое для построения социализма, утверждением, направленным против самого

главного и решающего тезиса троцкизма,—в программе выдвигают такие положения, которые бьют всей своей силой и по правой опасности. Во-первых, в программе говорится о необходимости быстрого темпа индустриализации. Во-вторых, в программе говорится о *под'еме* производительных сил сельского хозяйства, а не о его деградации. В-третьих, в программе говорится о *заострении* классовой борьбы в СССР и об усилении наступления на капиталистические элементы города и села. В-четвертых, в программе говорится о необходимости *максимального* развития колхозов и совхозов. Уже из сказанного видно, что основной огонь в программе направлен против правой опасности. Комментаторы всячески обходят эти места или по-своему трактуют их, завершая свою программу реставрации капитализма в СССР. Достаточно остановиться только на двух моментах, чтобы убедиться в этом: на об'яснении комментаторами трудностей социалистического строительства и на том, что говорится в «Комментариях» об индустриализации. Трудности нашего социалистического строительства сводятся в «Комментариях» исключительно *к товарному* голоду, к недостатку *промтоваров*. При чем вопрос так ставится, чтобы подвести читателя к правооппортунистическому требованию увеличения темпа легкой индустрии за счет снижения темпа тяжелой. Именно в таком духе дается и об'яснение причин этих трудностей. В то время как в программе трудности социалистического строительства об'ясняются, в основном, технико-экономической отсталостью страны, обострением классовой борьбы, капиталистическим окружением,— в «Комментариях» они об'ясняются *«быстрым темпом нашего роста»*. Уже отсюда следует вывод о необходимости свертывания темпа индустриализации, свертывания социалистического строительства. Не трудно заключить, с какой неумолимостью вытекает из правых программных комментариев реставрация капитализма.

Еще очевиднее эта реставрация вытекает из того факта, что в «Комментариях» не нашла места идея... индустриализации нашей страны.

В «Комментариях» ничего не сказано о задачах индустриализации. Индустриализация оказалась забытой. И это не случайно. Это не недосмотр, а составное звено правого оппортунизма.

Начав с пересмотра основных положений программы Коминтерна в области анализа мирового капитализма и международного революционного движения, который привел правых комментаторов к капитуляции перед социал-демократической идеологией,— авторы «Комментариев» в ревизии основных проблем переходного периода и социалистического строительства в СССР скатились в об'ятия кулацко-нэпманской стихии, скатились к капитуляции перед капитализмом, выдвинув платформу его реставрации.

V.

Остановимся, в заключение, на ликвидаторстве правых в вопросах революционной стратегии и тактики, которое вытекает и органически увязано со всей платформой правого уклона, изложенной в «Комментариях». Шестой раздел программы имеет крупнейшее значение. Если первый и второй разделы дают общую оценку капитализма и основных тенденций его развития в настоящее время, то в шестом разделе говорится о том, что Коминтерн и компартии, учитывая положение капитализма, должны руководить революционной борьбой рабочего класса.

В соответствии с такой оценкой капитализма, который вступил в общий кризис своего существования, шестой раздел основное внимание уделяет тому, как готовить массы к революции. Эта задача и разрешена блестяще в шестом разделе. В нем нашли место основные мысли Ленина, посвященные стратегическим и тактическим вопросам борьбы за власть.

Начиная с борьбы с враждебными идеологиями в рабочем движении и среди колониальных народов, которая своей основной целью имеет преодоление этих идеологий, устранение этого тормоза революционизирования масс, — программа под углом зрения борьбы за власть рассматривает и стратегические, и тактические задачи. В этом же общем контексте рассматривает программа и работу компартий в момент отсутствия революционного под'ема, которая своей основной целью имеет постепенную подготовку масс к боям за власть. Таков решающий стержень шестого раздела программы.

Однако этот основной стержень не нашел места в «Комментариях».

В «Комментариях» совсем ничего не говорится о партии, как «революционной организации», как пролетарском авангарде, целиком преданном революции, как организации «пролетарско-революционного действия» и т. п.

В «Комментариях» ничего не говорится об основных стратегических задачах Коминтерна и, в частности, об «осуществлении гегемонии пролетариата над широкими кругами трудящихся масс».

В «Комментариях» ничего не говорится о тактической линии компартий и, в частности, не приведены те замечательные места, которые характеризуют тактические задачи в момент наличия революционного под'ема.

В «Комментариях» ничего не говорится о том, как в связи с изменением ситуации переходить от одних форм работы к другим.

В «Комментариях» ничего не говорится о борьбе с уклонами в коммунистическом движении и особенно о борьбе с правым уклоном и примиренчеством.

В «Комментариях», наконец, ничего не сказано о координации и руководстве Коммунистическим Интернационалом революционной борьбой всех компартий. Об этом самом главном в «Комментариях» ни слова.

О чем же тогда идет речь в «Комментариях»? Рассказав путанно о месте раздела в программе, сказав о враждебных идеологиях в рабочем движении, — «Комментарии» неправильно охарактеризовали суть социал-демократии, совсем не указав ее контрреволюционной сути, не разоблачив особенно вредной предательской роли «левого» крыла социал-демократии. Рассказав о задачах компартии в колониях и полуколониях, «Комментарии» говорят несколько фраз (и то путанных) о завоевании масс, о борьбе с военной опасностью и более подробно останавливаются на частичных требованиях.

В «Комментариях», таким образом, говорится исключительно о задачах, связанных с отсутствием революционного под'ема. Основные революционные принципы большевистской стратегии и тактики оказались выхолощенными в «Комментариях».

Это не случайно. Здесь завершается ликвидаторская установка авторов в вопросах общего кризиса капитализма. В полном соответствии со своим утверждением о ликвидации общего кризиса капитализма, правые комментаторы ликвидировали в своих «Комментариях» и те революционные задачи, которые зафиксированы в шестом разделе программы и являются особенно актуальными сейчас, в связи с нарастанием нового революционного под'ема.

Таковы главнейшие черты правооппортунистических «Комментариев». Это не комментарии к программе Коминтерна, а принаряженная под программу КИ платформа правой оппозиции. Это — генеральная ревизия программы Коминтерна, это — пропаганда правого оппортунизма.

И. Минц.

Год великого перелома и русская эмиграция.

Давно стало общеизвестным, что каждый новый успех в социалистическом строительстве есть в то же время новый шаг в развитии мировой революции. Империалистская буржуазия великолепно понимает, что в числе факторов, ускоряющих подготовку суб'ективных предпосылок мировой революции—революционное сознание и боевая активность пролетариата—победоносное строительство социализма играет важнейшую роль.

Недаром всякий раз, когда волна социалистического строительства вздымается все выше, раздаются громче и чаще призывы к интервенции: гибнущий класс остро чувствует, насколько быстро и глубоко вдохновляется революционной страстью мировой пролетариат, в частности под влиянием успехов социалистического строительства в СССР. Налет на Китайско-Восточную ж. д., несомненно, был если не генеральной, то во всяком случае серьезной репетицией интервенции, а попытка сколотить 50 государств вокруг вмешательства в советско-китайский конфликт уже очень напоминала союз 14 государств, организованный Черчиллем в 1919 г.

Конечно, дипломатическая интервенция еще далеко не военная, но ведущаяся сейчас антисоветская кампания отнюдь не носит характера очередного всплеска,—напротив, это давно рассчитанный и подготовленный поход. Чего стоит один факт открытого посещения Керенским и Милюковым фракций социалистов и радикал-социалистов французского парламента, где оба экс-лидера сделали политические доклады с призывом к интервенции. Когда политический представитель Деникина генерал Головин в 1919 г. в разгар гражданской войны делал доклад в английском парламенте, то самое заседание носило сугубо секретный характер. Теперь же в Париже присутствует посол «дружественной державы», а антисоветские доклады произносятся открыто в здании французского парламента. Не случайно в Польше и Румынии так часто появляются англо-французские инструктора, а Межсоюзническая комиссия подкармливает до 2 млн. русских белогвардейцев, из которых большая часть до сих пор организована на полувоенный образец. Не случайно оправдание парижским и берлинским судами активных белогвардейцев и фальшивомонетчиков, открыто выступавших против СССР. Не случайна и та наглая антисоветская кампания, которая ведется вокруг исчезновения генерала Кутепова и т. д.

С этой стороны процессы, происходящие в белой эмиграции, имеют не только курьезный характер, и дают материал не только для фельетона и литературных пустячков, но и носят актуально политический характер.

Года три назад, как только выяснились крупнейшие успехи восстановительного периода, а вместе с тем, и более быстрое революционизирование западно-европейского рабочего класса, раньше всех зашевелились те, которые загодя чуют добычу: белая эмиграция заговорила об интервенции. Однако,

не все слои одинаково отозвались на процессы, происходившие в Советском Союзе [1]).

Правые группы, отражавшие в основном интересы крепостников-помещиков, безоговорочно стали на путь интервенции, при том сохранив свою старую программу: «за веру, царя и отечество». Единственное изменение в этой программе состояло в том, что они глухо обещали разрешение национального вопроса, главным образом, для Польши и Кавказа (хозяева, ведь, давно решили его не в пользу «единой, неделимой России»), да признали землю за крестьянами, правда, за выкуп, по крайней мере, по 30 копеек за рубль. Во всем остальном программа осталась старой; борьба за «престол-отечество», как в свое время язвительно характеризовал трехчленную формулу Козьма Прутков.

Буржуазные круги, политически представляемые Милюковым, незадолго перед этим попытались отгородиться от генеральной контрреволюции. Опыт гражданской войны в результате поражения контрреволюции показал, что гегемония крепостника-помещика ведет к реставрации старых общественных отношений, а вместе с ними к возврвщению и всех старых противоречий между помещиками и крестьянами. Во всех контрреволюционных образованиях решающая сила революции (решающая не в смысле определения характера революции, а в смысле исхода борьбы)—крестьянство в подавляющей своей массе пошло за пролетвриатом в его борьбе против контрреволюции и тем определило победу пролетарской революции. Оставить гегемонию в грядущей интервенции за старым классом крепостников-помещиков означало для буржуазных групп повторение грвжданской войны со всей ее классовой расстановкой, а значит и ее печальным успехом. Именно во избежание этого повторения Милюков, подводя итог революции, которая совсем недавно подвела итог контрреволюции, организовал республиканско-демократический союз, направленный против монархического крыла контрреволюции.

Первые же звуки интервенции, однако, показали, насколько шатки позиции нового союза и на что, собственно, рассчитан был новый маневр. «Формулы: ни Колчак, ни Ленин—я никогда не раздвлял»,—заявил Милюков, подчеркнув вместе с тем, что в случае новой интервенции, он повторил бы свою тактику 1918 г., т.-е. антисоветскую борьбу под гегемонией крепостников-помещиков.

Мелкобуржуазная контрреволюция, на консолидацию сил которой и рассчитывал Милюков своим маневром, как и во всякий критический момент заколебалась. Некоторая часть ее безоговорочно присоединилась к лозунгу активной интервенции, основная же масса выступила против старого лозунга и старой тактики.

Успехи восстановительного периода нашего строительства внесли раскол в русскую эмиграцию и об'яснение этого раскола надо искать в оценке характера и перспектив экономического строительства Советского Союза.

В 1927 г. в эмиграции вышла книга кадетского экономиста под громким названием: «К социализму или капитализму?» [2]). Анализируя успехи восстановительного периода, автор ее С. О. Загорский приходит к следующему выводу:

«За последние 5 лет вновь восстановлены все старые общественные классы, составляющие характерную черту и основу буржуазно-капиталистического строя» (стр. 292); «под прикрытием планового хозяйства происходит усиление и укрепление частно-капиталистических форм хозяйства» (стр. 287).

Во всем бурном процессе первого периода новой экономической политики кадетский экономист видел только один результат—абсолютный рост

[1]) См. нашу статью: «В белой эмиграции», «Большевик» № 6 за 1927 г.
[2]) Издание Республиканско-демократического союза. Б-ка «Свободной России». (Неоговоренный курсив всюду принадлежит мне. *И. М.*).

капиталистического сектора нашего хозяйства. В каком отношении находится этот рост к общему росту хозяйства, как развивается «плановое хозяйство», каковы перспективы борьбы этих двух начал,—все эти вопросы не существуют для белогвардейского экономиста. «В России все есть по-старому, только чуть похуже»,—так сформулировал его вывод известный белогвардеец Шульгин, попавший в СССР и успевший пару раз пообедать в киевской харчевне.

«Советская власть,—кончил свою работу Загорский,—выполнила свою об'ективную миссию,—она завершила социальную революцию в России. Не ту, которую она демагогически обещала массам, а ту, которая нужна была России для ее дальнейшего экономического и политического развития. Она вызвала к жизни новую буржуазию, она создала в лице прежде всего крестьянства, а затем советской интеллигенции, чиновничества, частного хозяйственника, ту мелкую буржуазию в подлинном смысле, те средние классы, отсутствие которых составляло раньше слабость общественного, экономического и политического уклада России...» (стр. 304).

Оставим в стороне крайне интересное, но запоздалое признание необходимости революционного «очищения» России. Краткая суть рассуждений Загорского: советская власть выполнила то, что не по плечу было буржуазии: она расчистила «Авгиевы конюшни» старого порядка, уничтожила все препятствия и препоны для свободного капиталистического развития. Но советская власть сделала свое дело, советская власть может уйти,—таково то общее признание, на котором сошлась вся контрреволюция.

Но как уйти?—вот вопрос, вызвавший раскол в ее среде. Помещичьи-буржуазные группы ответили на вопрос призывом к активной интервенции, мелкобуржуазная контрреволюция ответила предложением ждать логического завершения капиталистического развития России и даже вызвалась помогать советской власти в этом процессе восстановления капиталистической России.

Но вот прошло три года. Восстановительный период, в котором рост капиталистических элементов являлся, хоть и неизбежным, но побочным продуктом, подвел к необходимости коренной реконструкции всего хозяйства: страна вступила в новый период, когда в качестве главного лозунга, главной задачи, выдвигается задача ликвидации самой почвы, рождающей капитализм, т.-е. задача ликвидация кулака как класса. Бурный рост социалистических элементов сразу показал, куда идет развитие страны под руководством советской власти. Исчезли всякие разговоры о капиталистическом развитии России и растаяли, как тает снег на солнце, все надежды на «усиление и укрепление частно-капиталистических форм хозяйства под прикрытием планового начала».

«Ростки капитализма,—уныло подводит итог анализу нового этапа хозяйственного строительства экономист Б. Бруцкус [1]), появившиеся в период нэпа не развились. Они и не могли развиться, ибо капитализм совсем не есть бурьян, который растет в каждом грязном углу. Это очень сложная и нежная организация, и необходимой ее предпосылкой является правовое государство. Только западно-европейская цивилизация создала правовое государство, и потому только в ее рамках мог развиться капитализм. Но последний не имеет почвы под диктатурой коммунистической партии, как он не имел почвы под режимом турецких султанов. Пришел момент, власть выполола ясе ростки капитализма,—«своя рука владыка».

Совсем недавно тот же Бруцкус доказывал, что советская власть собственными руками восстанавливает капиталистические элементы, что капитализм быстро развивается под покровом «диктатуры коммунистической партии», в данном случае об'ективно выполняющей те задачи, какие не могла выполнить буржуазия. А сейчас все эти рассуждения об'ясняются каким-то странным наваждением, ибо при режиме диктатуры вообще невозможно произрастание нежного капиталистического растения.

[1]) «Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы». «Современные записки», XXXVIII, 1929 г., Париж.

Мало того. Оказывается, что самые надежды на возможность капиталистического развития России основаны были на недоразумении.

«Кто кого»,— продолжает Бруцкус,— этот вопрос Ленин поставил в начале нэпа. Победят ли «социалистические» элементы ростки капитализма, или последние одолеют «социализм»? Сохранив незыблемой диктатуру пролетариата, Ленин предрешил ответ. Решение вопроса пришло, может быть, скорее, чем Ленин себе это представлял и считал целесообразным» [1]).

Увы! В своем ретивом рвении разделаться с обманутыми надеждами, экономист не у дел обогнал самые радужные оценки. Пока еще ни один коммунист, если не считать несогласных с партийной линией, не утверждал, что вопрос «кто кого?» уже снят жизнью. Несомненно, что перспективы борьбы стали более определенными, но борьба еще не снята, напротив, именно сейчас кипят обостренные схватки вокруг решения вопроса, ибо только в беспощадной классовой борьбе решается он в пользу социализма.

Важно, однако другое—и это как раз характеризует общее настроение белой эмиграции—признание, что социалистическое развитие обогнало элементы капитализма, что надежды на победу капитализма в России оказались разбитыми.

Что же происходит в России?

«В своем стремлении,—пишет Бруцкус [2]),—быстрым темпом индустриализировать страну и значительно улучшить положение рабочего класса, советская власть довела развитие «планового» хозяйства до конца и опять уничтожила те автоматические регуляторы народного хозяйства, которыми оно еще располагало в частном хозяйстве... С победой Сталина на последней партконференции России опять вступила в катастрофический период своего развития. Выход из создавшегося положения без серьезного политического сдвига, становится невозможным».

Короче. Россия опять возвращается на путь военного коммунизма,— такова характеристика момента, переживаемого нашей страной.

И это—лейтмотив, который наигрывают буквально все группы русской эмиграции, начиная от монархистов, кончая меньшевиками.

«Политика коммунистической партии,— пишет, например, тот самый кадетский экономист Загорский, который недавно торжествующе заявил: Россия идет к капитализму! [3])—развивается сейчас совершенно закономерно. Но эта закономерность является результатом не столько определенной программы и сознательного намерения, сколько стихии «военного коммунизма». Последний имеет свою логику. Раз начавшись в одной области он должен быть доведен до своего логического конца, заключающегося в его крушении... В настоящее время мы присутствуем при том же логическом развитии аналогичного процесса... Результатом будет и на этот раз новое и, надо надеяться, на этот раз окончательное крушение всей системы принудительного коммунизма».

Россия повернула от нэпа к «военному коммунизму», — так изо дня в день твердит пресса эсеров, и, буквально повторяя кадет, заливаются в том же тоне меньшевики.

«...Вновь, как в 1918 — 1920 гг.,— пишет меньшевистский теоретик А. Югов [4]),—советская власть пытается «перехитрить историю», «обмануть классы» и осуществить в России немедленный социализм и вновь возрождаются методы, формы и быт «военного коммунизма»,— в одних отраслях народного хозяйства быстрее, в других медленнее, но повсюду с изумительной закономерностью... То, что страна сейчас переживает, что так волнующе напоминает 1918 — 1920 гг.,— лишь неизбежное следствие этой политики, первые симптомы распада».

Общий ход рассуждений всех белых авторов, независимо от их партийной принадлежности, настолько одинаков, что нам нет надобности приводить все их доводы. Достаточно остановиться на одном авторе, чтобы тем самым дать представление о взглядах всей эмиграции. Мы выберем для этого наиболее «левую» группу, до сих пор пытающуюся провести водораздел между собой и остальными эмигрантами, чтобы показать, насколько единодушен теперь белый хор не только в отношении к диктатуре пролетариата,—тут белая эмиграция всегда была единой,—но и в оценке современного характера и перспектив развития советского хозяйства.

Советские историки,—так рассуждают меньшевики в уже упомянутой сводной статье,—всегда утверждали, что «военный коммунизм» был вызван интервенцией и гражданской войной. Но сейчас нет ни империалистической, ни войны гражданской, а Россия между тем неудержимо катится по рельсам «военного коммунизма». Почему? Потому что перед режимом коммунистической диктатуры есть только две возможности: либо возрождение страны на капиталистических началах, а значит и ликвидация диктатуры, либо «возрождение утопии немедленного социализма в городе и деревне, политика, характерная для периода «военного коммунизма». Советская власть не захотела итти по первому пути и, немного потоптавшись на нем, стремительно перешла к «утопии немедленного социализма».

История,—продолжают меньшевики,—однако, уже дала нам возможность проверить, куда ведет второй путь: «военный коммунизм» крахнул. Разруха охватила тогда в 1918—1920 гг. прежде всего обмен и распределение, нарушила снабжение городов и торговлю промышленными изделиями, захватила денежное хозяйство и, нарушив транспорт, поползла, как по каналам, во все области страны. Затем звено за звеном, как по цепи, разруха ударила по производству, сначала связанному с крестьянской рабочей силой— топливо, лесозаготовки,—перебросилась потом в производство, работающее на сельскохозяйственном сырье и, наконец, твердо осела в тяжелой промышленности.

Сейчас история повторяется. Вследствие увеличения перевозок, хлебозаготовок, введения непрерывки и т. п. дезорганизуется транспорт, а попытка советской власти расстрелом специалистов приостановить дезорганизацию, как и в 1919 г., только усилит распад транспорта.

Дровозаготовки из-за преследования частных хлебозаготовителей, ухудшения продовольствия и уменьшения в силу этого рабочих рук — срываются.

«Транспорт и лесозаготовки,— пишет автор,— уже явно лихорадят из-за политики «левого курса». В других отраслях промышленности так же немало ненормальностей и прямо болезненных явлений, но их причинная связь с политикой «левого курса» еще не может быть достаточно отчетливо доказана, хотя и часто несомненна».

Но наиболее полно отменен нэп,—продолжает автор вслед за всей белой прессой,—и в наиболее чистом виде восстановлены методы «военного коммунизма» в деревне. Сдача всех излишков, принудительная коллективизация, контрактация, являющаяся «кабальной формой предварительной скупки хлеба—до выяснения рыночных цен»—все это уже привело к тому, что посевная площадь растет только за счет совхозов и колхозов, что товарного хлеба становится все меньше, резко пало животноводство и производство сельскохозяйственного сырья.

«Явления хозяйственного кризиса, связанные с «левым курсом»,— так подводит итог своим рассуждениям автор,— не менее отчетливо проявляются в области финансовой и в торговле продовольственными и промышленными товарами...».

[1]) «Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы», стр. 421.
[2]) «Современные записки», XXXIX, стр. 473.
[3]) «Коготок увяз—всей птичке пропасть». «Последние Новости» от 30 июля 1929 г.
[4]) «Экономические последствия отмены нэпа». «Социалистический Вестник», № 21.

«Мы показали, как почти во всех областях народного хозяйства растут и множатся признаки возврата к методам «военного коммунизма» и как подобно гангрене, хозяйственный кризис, порождаемый утопической политикой, захватывает транспорт, топливо, торговлю, финансы, сельское хозяйство и подбирается уже к промышленному производству».

Такова, по оценке белых теоретиков, схема катастрофы, к которой идет Советская Россия.

В этой связи любопытно то, опять-таки, единодушие, с которым эмиграция оценивает правую оппозицию в партии.

«Боязнь катастрофы,— пишет меньшевик [1],— и есть та причина, которая вызвала к жизни правую оппозицию в ВКП и которая все обостряет ее борьбу против современной политики советской власти».

А С. Н. Прокопович, выпускающий специальные бюллетени о состоянии советского хозяйства, в свою очередь оценивает правых:

«Эту опасность видит нынешняя «правая оппозиция», или «правый уклон» в коммунистической партии, и относится крайне отрицательно к «пятилетнему плану»... Советская печать презрительно характеризует позицию правых формулой «по одежке протягивай ножки». Они действительно считают, что вместо того, чтобы проявлять «безумство храбрых» в экономическом строительстве и затевать по существу авантюристический план индустриализации в одно пятилетие, лучше итти к индустриализации страны более медленными, но более верными и менее опасными шагами. Они считают также довольно иллюзорными планы превращения мужика в коллективиста при посредстве тракторных станций и находят нужным прежде всего создать условия для более нормального развития индивидуального крестьянского хозяйства, для прекращения того процесса деградации деревни, который ныне происходит.

Едва ли голос «правых» в данном случае не есть голос разума» [2].

Вернемся, однако, к схеме белых.

Россия неудержимо становится на путь «военного коммунизма», но «военный коммунизм» был ошибкой, привел поэтому страну к гибели, избежать которую удалось лишь благодаря возврату к капиталистическому способу ведения хозяйства, и к такой же гибели, на сей раз бесповоротно, приведет страну новое повторение старой ошибочной системы «военного коммунизма»,—таков логический ход рассуждения белой прессы.

Схема довольно стройная, но как и всякая схема, построенная лишь на логических ухищрениях и сомнительных исторических аналогиях,—эта схема возведена на песке.

Прежде всего, ни один большевистский писатель не утверждал, что «военный коммунизм» был ошибкой. Вовсе нет. «Военный коммунизм» был совершенно правильной, конечно, не считая перегибов, и единственно возможной экономической политикой в тех условиях, в которых находилась тогда Советская Республика.

Он был, несомненно, ответом на гражданскую войну и интервенцию, но ответом класса, строящего социализм; отбиваться от врагов, при этом, *не отказываясь* от политики продвижения к социализму, можно было только на рельсах «военно-коммунистической» системы.

Но ошибкой было бы считать, что «военный коммунизм» и есть, вообще, *единственно* правильный путь к социализму.

«Военный коммунизм» был совершенно правильной системой, ошибочными же были иллюзии, согласно которым это и есть единственно возможный путь к социализму вообще. Это раз.

А во-вторых, и это основное,—в современной политике советской власти нет, кроме поверхностного сходства некоторых явлений, ни одного основ-

[1] «Соц. Вестник», № 21.

[2] Бюллетень экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Год 6. № 70, 1929 г. Стр. 19.

ного элемента, характеризовавшего «военный коммунизм». Непонимание этого обстоятельства составляет как раз одну из решающих ошибок правой оппозиции.

Современная политика разворачивается на фоне несравненно более высокого уровня производительных сил, чем это было в 1918—20 гг. после трех лет империалистической войны и хозяйничания капиталистов, после разрухи, голода, в обстановке напряженнейшей гражданской войны.

Наше хозяйство не только далеко вышло за довоенный уровень, но внутри его произошли резкие качественные изменения, выдвинувшие вперед мощную социалистическую индустрию, ведущую за собой всю нашу хозяйственную систему.

С другой стороны, характерным признаком «военного коммунизма» была потребительная уравнительность. Мы раскулачивали кулака, отбирали у него средства производства и пускали их в раздел между беднотой и низшими слоями середнячества. Современное же раскулачивание, имеющее целью уничтожение кулака как класса, предполагает обобществление его средств производства, а не дележку, не распыление его между мелкими единоличными производителями.

«Военный коммунизм», наконец, оставлял в основном нетронутым распыленное, мелкое и мельчайшее хозяйство, сохраняя миллионы, десятки миллионов индивидуальных хозяйств и, хоть и затруднял капиталистическое развитие, но, по существу, оставлял тем самым широчайшую базу для развития капитализма. В настоящий момент мы вплотную приступили к ликвидации самой почвы, ежечасно в массовом масштабе рождающей капитализм, мы принялись за коренную социалистическую переделку деревни, за обобществление и превращение в крупное социалистическое земледелие мелких и мельчайших хозяйств.

Только люди, принимающие формальное сходство и притом только на первый поверхностный взгляд, за сходство по существу, могут говорить о «военно-коммунистическом» характере нашей современной политики, как это делали правые.

Но если у последних это—результат неправильной, неленинской оценки, недиалектического подхода к современному конкретному ходу вещей и сползание поэтому на чужие классовые позиции, то у белой эмиграции это—сознательный расчет, определяющий и новые сдвиги в их тактике.

Эти новые сдвиги характеризуют как раз мелкобуржуазные слои контрреволюции и раньше всего меньшевиков и эсеров. Раз Россия стала на путь «военного коммунизма», а путь этот кончился катастрофой, то и сейчас следует готовиться к грядущей неминуемой гибели советской власти.

«Нельзя,— гласит передовица меньшевистского «Социалистического Вестника» [1],— и не нужно пророчествовать о сроках. Но сомнения быть не может: большевистская диктатура катится к кризису... *Нет поэтому сейчас для социал-демократии более важной задачи, чем будить революционную энергию и политическую активность рабочих масс:* рабочие массы должны, выражаясь словами Энгельса, «*знать, о чем идет речь*»! *Они должны подать свой голос*!».

Меньшевики, которые охотно принимали участие в контрреволюции, но сами активно не взывали к интервенции, *сейчас выступают в роли зачинщиков интервенции, активно призывают к восстанию, пытаются возглавить антисоветское движение. И в этом, именно, и заключается весь интерес сдвига в эмиграции.*

Первыми отозвались на этот сдвиг эсеры, с которыми меньшевики, как с «братской партией», дружно сотрудничали в годы борьбы с советской властью.

[1] «Великий канун» в № 5 «Соц. Вестника».

«Не предсказывая срока крушения большевиков,— говорил Керенский в своем докладе на тему: «После XVI конференции ВКП»,— мы обязаны в соответствии с настроениями в России нашу политику выжидания заменить политикой действия, или, правильнее, содействовать живым борющимся с диктатурой внутри страны силам».

«Мы,—писал этот же Керенский об эсерах и меньшевиках после появления меньшевистской статьи «Великий канун»,—идем «в одном направлении» и могли бы поэтому быть «естественными союзниками» [1].

Но сдвиг в мелкобуржуазной контрреволюции заметили и в другом лагере. Кадетские «Последние Новости» отозвались на сдвиг особой статьей: «Веления великих канунов».

Приведя недавнюю статью вождя меньшевиков Ф. Дана, в австрийском органе «Дер Кампф», упорно проводившего водораздел между социал-демократией и буржуазной контрреволюцией, и пожурив Дана за излишний «пафос всесторонней капиталистической реставрации»—(картина! матерой буржуа упрекает «социалиста» в излишней буржуазности!)—кадетский передовик продолжает:

«Важно то, что на самом левом крыле эмиграции формулируются тактические и программные задачи, могущие в значительной мере уже являющиеся достоянием широкого республиканско-демократического и социалистического фронта...

А если это так, если дни диктатуры большими дозами быстро сокращаются, то эта общность тактических воззрений и программных задач ближайшего периода обязывает к каким-то практическим выводам, как в эмиграции, так и в России. Нужно какое-то сочетание сил всех достойных упоминания общественных группировок демократии и социализма».

Даже монархисты, от которых так тщательно отгораживался Дан, протягивают свои об'ятия мелкобуржуазной контрреволюции:

«Ныне оказывается,—отмечает их орган [2],—что даже русские участники II Интернационала становятся на такую почву, на которой, сказавши первое слово, непременно придется сказать и последнее».

Если ко всему этому прибавить, что генерал Кутепов (тот самый!) отгораживается от излишеств зарубежного монархизма [3], то социальный смысл сдвигов, происшедших в белой эмиграции, выступит в совершенно ясном свете: единый фронт от лидеров II Интернационала до вождей монархизма, от мелкобуржуазной контрреволюции до буржуазной реакции и крепостнической реставрации,— таков отзвук в русской эмиграции процессов, идущих в Советском Союзе.

Три года назад бурный всплеск социалистического строительства восстановительного периода вызвал волну интервенционных попыток. Но именно самый характер эпохи,— восстановительной,— оставляющий место для надежд на возврат к капитализму, вызвал раскол в белой эмиграции.

Известные группы, главным образом, мелкобуржуазная контрреволюция, к тому же вынесшая на себе всю тяжесть поражения в гражданской войне, высказалась против активной интервенции, за выжидание результатов процесса сползания Советского Союза к капитализму.

Современные успехи социалистического строительства снова вызвали интервенционный отзвук. Империалистская буржуазия уже давно находится в заколдованном кругу, мечась в попытках разорвать его. Чтобы усидеть в седле, откуда ее вышибает все более революционизирующийся пролетариат, его нужно взять крепко под уздцы, зажать его в кулак, сломить его революционное настроение. Но для этого нужно свалить Советский Союз, чей грандиозный пример социалистического строительства в очень большой степени способствует революционизированию западно-европейского пролетариата.

---

[1] «Дни» от 15 декабря 1929 г.

[2] «Возрождение», от 18 декабря 1929 г.

[3] Не в этом ли следует искать разгадку таинственного исчезновения Кутепова?

А раздавить Советский Союз можно лишь прибрав к рукам свои рабочие массы, лишь подавив их революционную энергию.

Выйти из этого заколдованного круга можно только порвав его.

Империалистская буржуазия, не прекращая своего наступления на рабочий класс, как раз сейчас особенно бурно вступающего в революционную ситуацию, главное свое внимание направляет против социалистической республики, против Советского Союза. Со всех концов мира несется крик: распни его! Во всех капиталистических странах ведется бешеная травля против республики труда, травля, своим шумом скрывающая конкретную подготовку к интервенции и в то же время создающая все предпосылки к открытой интервенции. Всюду, где только имеются остатки белой эмиграции, идет бешеная мобилизация сил.

Нынешние успехи нашего строительства вызвали опять призыв к активной интервенции. Но на этот раз самый характер успехов, не оставляющий надежд на капиталистическую реставрацию, не раскалывает, а сплачивает все слои белой эмиграции. Опираясь на выросшую мощь социалистической индустрии, на выросшее сознание пролетариата, на полную поддержку бедноты, на тесный союз с широчайшими середняцкими массами, мы приступили к ликвидации кулака как класса, к бурной коллективизации деревни и уничтожению самой почвы, рождающей капитализм, и тем отбрасываем в лагерь враждебных сил все и всякие элементы, связанные с частной собственностью.

Консолидация всех контрреволюционных сил, навстречу которым тянутся ликвидируемые нами кулацкие слои — таковы сдвиги в стане белой эмиграции, вызванные годом великого перелома, такова та реальная опасность, которая прямо угрожает нашим успехам.

Но эта же консолидация всех контрреволюционных сил — об'ективное свидетельство тому, что мы ведем действительно последний и решительный бой, что мы не только штурмуем, но ликвидируем и выкорчевываем самые корни капиталистических отношений.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

„Академический" Маркс.

(По поводу русского издания переписки Маркса и Энгельса (соч., т. XXI)) *).

Наконец-то стала выходить на русском языке переписка Маркса и Энгельса, при том с восстановлением всего пропущенного и отрезанного Бернштейном в прежнем немецком издании. Русским читателям была доступна до сих пор лишь та часть писем Маркса и Энгельса, которая вошла в сборник, составленный тов. Адоратским. Однако из помещенных там отрывков нельзя было получить полного представления ни о богатстве содержания переписки, ни об имеющихся в сборнике пробелах.

Первый том включает письма с 1844 по 1853 гг. и охватывает таким образом период предреволюционного под'ема, революцию 1848—1849 гг. и начало последовавшего за ней периода реакции. Политическая деятельность Маркса и Энгельса в 1848 — 1850 гг. отразилась здесь меньше всего: в это время они или работали вместе или находились в условиях не допускавших регулярной переписки. Годы 1844 — 1848 представлены только письмами Энгельса, из писем Маркса сохранилось лишь одно. Поэтому организационная работа по созданию «Союза коммунистов» освещена, так сказать, сбоку, ибо руководящая роль в ней принадлежала именно Марксу. Ярко обрисовывается зато процесс перехода от интеллигентского «истинного социализма» к научному коммунизму, проделанный Энгельсом во время его работы вместе с Марксом над «Немецкой идеологией» в 1845 г. и затем на практической работе среди немецких полупролетариев в Париже. Кроме систематических отчетов об этой работе в письмах Энгельса имеются некоторые данные и о «Рабочем союзе» в Брюсселе и о лондонских с'ездах, на которых была оформлена организация «Союза коммунистов».

С ноября 1850 г., когда Энгельс расстался с Марксом, переселившись в Манчестер, их переписка становится регулярной. Она содержит много материала для характеристики раскола в «Союзе коммунистов» и быстрого растворения отколовшейся «левой» фракции Виллиха-Шаппера среди буржуазной демократии.

Из области международных связей Маркса и Энгельса более полно очерчены сношения с французскими социалистическими группировками в предреволюционный период, а в последующие годы — их участие в английском чартистском движении. В письме Энгельса от 18 марта 1852 г. мы находим интересную характеристику политической линии, которую они проводили в этой работе. Он пишет:

> «Джонс (один из вождей чартистов. *К. К.*) стоит на вполне правильном пути, и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу и не узнал бы, каким образом можно, с одной стороны, не только сохранить инстинктивную ненависть рабочих против промышленных буржуа — этот единственно возможный базис для реконструкции чартистской партии, — но даже усилить ее, развить и положить в основу просветительной пропаганды, и в то же время, с другой стороны, быть прогрессивным, выступать против реакционных вожделений рабочих и их предрассудков».

По французской линии нужно отметить материал относительно Луи Блана. В конце 1848 г. Энгельс стремился заключить с ним политический союз, заявляя о согласии «во всех практических и актуальных вопросах». В то же время он пишет Марксу о необходимости теоретической критики произведений Луи Блана. В 1851 г. вопрос о критической работе против Луи Блана вновь подвергается оживленному обсуждению. Эта работа, повидимому, так и не была написана. Луи

*) В ближайшем номере «Большевика» будет дан разбор всех вышедших томов переписки Маркса — Энгельса. — **Ред.**

Блан — один из крупнейших представителей мелкобуржуазного социализма и отношение Маркса и Энгельса к «луиблановщине» давно должно было бы послужить темой специального исследования.

Вопросы теоретической борьбы вообще занимают не малое место в переписке. Маркс и Энгельс зорко следили за всяким движением своих теоретических противников и бывших союзников и в этом отношении их переписка является необходимым дополнением к печатным критическим работам. В первом томе имеется, например, подробный разбор «Лекций о сущности религии» Фейербаха и книги Прудона «Общая идея революции XIX в.».

Большой интерес представляет картина вырождения диалектики у эпигонов Гегеля, нарисованная Энгельсом после чтения одной из статей Бруно Бауэра (письмо от 25/IV 1852 г.). «Господин Бруно — пишет Энгельс, — все еще представляет гегелевскую диалектику на ступени ее глубочайшего застоя. На этой стадии развития вся глубина понимания истории (Geschichtsauffassung) ограничивается тем, что пространно доказывают самые банальные общие места, щедро снабдив их пафосом и придавая им видимость развития, а потом изображают их как новый результат, добытый трудом исследователя. Все это еще терпимо, пока речь идет о давно минувших историях, но когда пытаются надеть мистический наряд на непосредственную современность, то это уже чересчур, и любой осел должен заметить, что за этим ничего не скрывается».

Из других теоретических замечаний, от которых веет самой «непосредственной современностью», нельзя не выделить критических соображений Энгельса по поводу упомянутой выше книги Прудона. Приступая к разбору экономических мероприятий переходного периода, выставляемых Прудоном, Энгельс говорит:

> «Подлинный смысл уничтожения государства — это усиленная централизация государства». «Я, — продолжает он в следующем письме, — лишь постольку могу высказать свое мнение, поскольку я стану обсуждать единичные мероприятия, с точки зрения их осуществимости в каждом данном случае и в то же время расследую, в какой степени эти мероприятия пригодны для централизации всех производительных сил».

Дальше, затрагивая отношения Прудона к крестьянству, Энгельс пишет:

> «Чем больше я занимаюсь этой дрянью, тем больше я убеждаюсь, что реформа агрикультуры и основанного на ней собственнического свинства должна стать альфой и омегой будущего переворота».

Эти слова, написанные 80 лет назад, звучат теперь для нас как очередной боевой лозунг нашего социалистического строительства.

* * *

К сожалению, приходится констатировать, что письма Маркса и Энгельса появляются в печати все еще не в таком виде, в каком они должны были бы издаваться в Советском Союзе и при условии многолетней подготовки издания в специальном научно-исследовательском институте. Автор предисловия к переписке безоговорочно присоединился к мнению Меринга: «переписка в несокращенном виде **все равно недоступна рядовым рабочим**» [1]). Очевидно на этом основании и не сделано почти ничего, чтобы облегчить изучение переписки даже для **передовых** рабочих. Указатель имен да две страницы предисловия с перечислением литературных работ Маркса и Энгельса — вот и вся помощь читателю.

Если вообще отсутствие комментариев является стороной, существенно ухудшающей настоящее издание сочинений Маркса и Энгельса по сравнению с изданием, начатым в 1920 г. (тогда вышло 4 тома), то в отношении переписки с этим

[1]) Курсив везде, где не оговорено, принадлежит мне. *К. К.*

недостатком особенно трудно примириться, так как в ней в значительной степени получила непосредственное отражение *политическая практика* Маркса и Энгельса. Можем ли мы сказать, что эта практика уже не имеет актуального политического значения? Нет и нет. До окончательной победы пролетариат еще не раз будет черпать ценнейшие указания из полувекового политического опыта Маркса и Энгельса. Редакция издания должна была взвесить всю важность этой стороны дела в сравнении с узко-биографическими моментами и обязана была сделать все возможное, чтобы, по крайней мере, в этом отношении, устранить «недоступность» переписки для рабочих. Возможны же две вещи.

Во-первых, нужно было об'единить переписку Маркса и Энгельса с их письмами к другим лицам. В этом случае, письма, относящиеся к одному периоду, в громадной степени дополняли и поясняли бы друг друга, сокращая тем самым вообще количество необходимых комментариев. Беспримерная дружная совместная работа двух великих мыслителей обрисовывалась бы на этом фоне еще более ярко и вместе с тем была бы дана вся доступная нам картина их политической деятельности.

Во-вторых, необходимо было дать краткий политический комментарий, стремясь не к академической полноте, а к тому, чтобы оттенить все, могущее представлять актуальный интерес в современную эпоху. В этот комментарий должны были бы войти: а) сжатая характеристика политических направлений; б) фактические справки по истории политических организаций, упоминаемых в томе; в) хроника основных событий истории рабочего движения; г) основные библиографические указания опять-таки по истории рабочего движения. При *тщательной обработке* такого комментария на основе указанной выше целевой установки, дело шло бы о прибавке к каждому тому небольшого числа страниц.

Плохо, что эти соображения приходится высказывать post factum. К сожалению, так, очевидно, будет и впредь, пока мы не научимся выполнять первейшее условие плановости в научной работе: *предварительное обсуждение в печати планов и принципов научно-издательских и научно-исследовательских работ.* Сейчас же приходится настаивать на том, чтобы эти замечания были по возможности учтены в *дальнейшей* работе над изданием писем Маркса и Энгельса, при *повторном* издании переписки, которое, вероятно, скоро понадобится, и в особенности при издании писем на других языках.

Главный порок издания — академическая недооценка современного политического значения переписки сильно сказывается и в частных недостатках первого тома.

К ним относится, прежде всего, перевод: например, на стр. 488 мы читаем: «твое письмо имело для меня большой интерес», а на стр. 497 встречаем такую фразу: «Может быть, это не повредит, если к нему обратятся, так как уже при первом разговоре обнаружится, что Пипер не bred clerk (опытный корреспондент), как только его спросят, где он прежде работал». Это сказано русскими словами, но, разумеется, совершенно не по-русски. Надо же *переводить*, а не перетаскивать.

Но бывает и хуже. На стр. 57—59 содержатся пространные рассуждения Энгельса о взаимоотношениях брюссельской коммунистической организации, руководимой Марксом, с лондонским «Союзом справедливых», состоявшим из немецких ремесленников. Между этими организациями, которые год спустя об'единились в «Союз коммунистов», в то время (в 1846 г.) происходили сильные трения. Энгельс подвергает лондонцев резкой критике: «По отношению к *нам* (курсив Энгельса) эти молодцы об'являют себя «народом», «пролетариатом» («вечное соперничество с нами, «учеными»,—пишет он в другом месте), а мы можем апеллировать лишь к коммунистическому пролетариату, который еще только должен образоваться в Германии». Но в то же время он высказывается против прямого разрыва с ними: «В конце концов,— пишет он,— они все же насчитывают сотни две человек, через

Гарни они аккредитованы у англичан; «Рейнский наблюдатель» и другие раструбили о них в Германии как о боевом и, во всяком случае, не бессильном коммунистическом отряде; к тому же они самые сносные из *обывателей* и, наверное, самое лучшее, что можно сделать из *подмастерьев*, пока в Германии нет никаких перемен». Так переводят И. И. *Рубин* и Е. А. *Гурвич*. Вместо двух подчеркнутых русских слов в немецком тексте стоит одно слово: «штраубингер», означающее «странствующий подмастерье», слово же «обыватель» (по-немецки — «шписбюргер»), в этом письме совсем не встречается. В *пяти* случаях из *шести* переводчики слово «штраубингер» совершенно произвольно переводят, как «обыватель». Благодаря этому, Энгельсу приписывается дикая чепуха: «Но нам эта история послужила наукой в том отношении, что *с обывателями не стоит связываться до тех пор, пока в Германии не существует настоящего движения*»... Переводчики полагают, следовательно, что при существовании «настоящего движения» Энгельс считал нужным *связываться с обывателями*? Общий вывод Энгельса Рубин и Гурвич переводят так: «*Против литераторов мы можем выступить, как партия, против обывателей — не можем*». На самом же деле Энгельс писал: «против *подмастерьев* («штраубингеров») не можем». Не ясно ли, что такой «академический» перевод совершенно *извращает* отношение Энгельса к «Союзу справедливых»?

Позже (в предисловии к брошюре Маркса о кельнском процессе коммунистов) Энгельс писал о лондонских «штраубингерах» так:

> «Эти *ремесленники сами еще не были настоящими пролетариями*; они все еще представляли лишь переходную ступень к современному пролетариату, придаток мелкой буржуазии, которая пока не стояла в прямом противоречии с буржуазией, т. е. с крупным капиталом. И *величайшую честь* им делает то обстоятельство, что *они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и хотя не вполне сознательно, все же конституироваться в качестве партии пролетариата*».

Каким «глубоким» пониманием марксизма нужно обладать, чтобы *от имени Энгельса* обозвать этих людей *обывателями*! Редакция выручила Маркса и Энгельса от Э. Бернштейна, но не уберегла их от И. Рубина.

Другой ряд недочетов относится к единственному виду научного аппарата, имеющемуся в томе,— к словарю имен. Он составлен весьма обстоятельно: есть и «Ной (библейский патриарх)» и просто «Бекман, г-жа» (жена полицейского агента). Имеются, однако, и пятна. Кое-где перепутаны страницы (Вейдемейер, Вольф, Герцен, Гервег). Пропущены Арнольд (503), Боммель (172), Вэбб (528), Гиис (135), Томис был эмигрантом не в Париже, а в Брюсселе. Непонятно, почему сторонник Виллиха Генце, который в тексте назван кандидатом философии, в словаре фигурирует как рабочий. Жаль, что не установлено, кто был русский знакомый Маркса, живший в Манчестере в 1852 г. («Пиндар», разумеется, так же мало может быть русской фамилией, как Цицерон или Виргилий).

На стр. 322 и 324 упоминается участник кельнского процесса коммунистов, доктор Клейн, вольнопрактикующий врач. Указатель отсылает от этого имени еще к стр. 517. Там находится чрезвычайно интересная приписка Маркса, которую приводим целиком:

> «На прилагаемое письмо Клейна,— *которое прошу бережно сохранить*,— я ответил дипломатически. С Лондоном переписка совершенно невозможна. *Фабричные рабочие* должны держаться *особняком* (курсив Маркса), *замкнувшись исключительно в своей собственной среде и не связываясь с мещанами* и т. п. [1]) в Кельне, Дюссельдорфе и т. п. Если *они* хотят раз в год присылать сюда кого-либо для того, чтобы посоветоваться с нами, то мы ничего против этого не имеем».

[1]) В немецком тексте вместо «с мещанами» и т. п. стоит: mit Spiessbürgern oder Knoten (насмешливая кличка ремесленников. *К. К.*)

Клейн, упомянутый здесь, это не доктор Иоганн Якоб Клейн, который вскоре совсем отошел от движения, а рабочий — Карл Клейн. Таким образом, здесь не идет речь о возобновлении деятельности «Союза коммунистов», распущенного 10 месяцами ранее, как можно было бы подумать. Письмо Маркса к Карлу Клейну, суть которого он сообщает Энгельсу, содержало в себе директиву о сохранении *чисто пролетарских нелегальных ячеек* до тех пор, когда можно будет вновь возобновить деятельность политической партии рабочего класса. Значение этого письма, затушеванное соединением двух Клейнов в одно лицо, станет еще яснее, если сказать, что *директива Маркса не пропала даром*. Об этом свидетельствует то, что 12 лет спустя Карл Клейн внутри лассалевского рабочего союза защищает линию Маркса и Энгельса от нападок со стороны лассальянцев, а в 1866—1871 гг. является одним из руководителей *нелегальной секции I Интернационала* в Кельне (в 1867 г. он был представителем этой организации на Лозаннском конгрессе I Интернационала).

Такие ошибки лишний раз напоминают о том, что мы до сих пор не имеем ни истории «Союза коммунистов», ни истории I Интернационала. Впрочем, «заповедные леса» имеются не только в области истории, но и в области философии. Нельзя, например, не признать правильным замечание Г. Лукача в III томе «Архива Маркса и Энгельса» о том, что недостаточно исследовано отношение между Марксом и Фейербахом, между Марксом и Гегелем. Так же и по этим вопросам почти не видно более или менее серьезных научных работ, хотя философов у нас можно насчитать, пожалуй, не мало: Кант для них значастую важнее.

Пора *обеспечить выполнение* всех этих необходимых работ в определенные сроки.

К. КОЗЛОВ.

ЛЕОНТЬЕВ А. Экономическая теория правого уклона. ГИЗ. 1929 г. Тираж 90.000. Стр. 144.

В своем выступлении на конференции аграрников-марксистов тов. Сталин заострил внимание партии на необходимости всемерного усиления нашей борьбы на фронте теории. На ряде примеров он показал, как сильно, иногда, хромает этот участок социалистического строительства. Нам, действительно, крайне необходимо усилить работу в этой области.

Необходимо также повысить и качество борьбы на этом фронте. Продолжая и всемерно усиливая борьбу с всевозможными буржуазными и мелкобуржуазными теориями, проявляющимися как открыто, так и в замаскированной форме, необходимо также тщательно следить за своими собственными рядами, своевременно и быстро ликвидируя отдельные прорывы марксо-ленинского фронта со стороны чуждой нам идеологии. Не следует замазывать допущенные ошибки и таким образом ослаблять свой фронт, а нужно вскрывать их и тем самым еще острее оттачивать оружие против врага.

Именно, преследуя такую цель, мы и хотим остановиться на брошюре тов. Леонтьева «Экономическая теория правого уклона».

Надо, конечно, приветствовать появление работы, в которой делается попытка показать *общую картину* экономической теории правого уклона. Особый интерес эта работа представляет еще и потому, что в ней впервые в такой развернутой форме дается попытка увязать конкретные ошибки Бухарина в отдельных экономических вопросах с его общефилософскими взглядами.

Но, к сожалению, наряду с бесспорными положительными моментами, брошюра тов. Леонтьева страдает рядом серьезных ошибок, мимо которых пройти никак нельзя.

Мы и считаем крайне необходимым остановиться на некоторых наиболее важных его ошибках, которые в той или иной мере связаны с бухаринской теорией «равновесия».

Тов. Леонтьев поставил задачей в своей брошюре не только показать составные части экономической теории правого оппортунизма, но и выявить те «теоретические предпосылки», те теоретические обобщения, а которых увязываются отдельные ошибки правых. Однако на пути к теоретическим глубинам т. Леонтьев, к сожалению, не подверг теорию равновесия уничтожающей критике, а в некоторых важнейших моментах даже сам стал на позицию этой теории.

Но, прежде чем показать эти ошибки, остановимся вкратце на бухаринской теории «равновесия», наметим основные пути критики последней, и посмотрим, как развернул эту критику тов. Леонтьев.

Известно, что теория равновесия является у тов. Бухарина той методологической предпосылкой, от которой идут нити к самым различным его построениям в области экономики, политики, культуры, науки и т. д. и т. п.

Здесь мы будем говорить о теории «равновесия» лишь применительно к экономическому анализу. Известно, что тов. Бухарин теорией «равновесия» заменяет материалистическую диалектику. Отсюда ясно, почему эта бухаринская теория обходит самые коренные принципы познания действительности, и прежде всего такой основной момент диалектики, как «единство противоположностей», «борьбу противоположностей». Игнорирование этого «ядра диалектики» привело тов. Бухарина, в его анализе общественных явлений, к недооценке *внутренних противоречий* «системы», к недооценке *классовой борьбы*.

Именно вследствие такого порока в своих «общесоциологических» построениях тов. Бухарин в анализе капитализма пришел к теории «организованного капитализма», которая с особой наглядностью показывает недооценку, прямое игнорирование *внутренних противоречий* капиталистического общества, недооценку и игнорирование классовой борьбы. В органической связи с общими теоретическими построениями тов. Бухарина находится и его теория воспроизводства. Здесь тов. Бухарин генеральную линию анализа развертывает не в направлении выяснения того, как осуществляется противоречивый характер капиталистического воспроизводства, и, следовательно, генеральный анализ ведется не по линии *движения* капиталистического производства, а по линии «*условий равновесия*» капиталистического воспроизводства, условий, которые характеризуют не *движение*, а отдельные *случайные* моменты движения, моменты равновесия. Можно было бы указать, что и в анализе «стабилизации капитализма», и в анализе нарастания нового революционного под'ема тов. Бухарин страдает все тем же пороком — *недооценкой и часто игнорированием внутренних противоречий капитализма, классовой борьбы*, т.-е. непониманием главнейших особенностей капиталистического общества.

Те же «общесоциологические» построения не дают тов. Бухарину возможности понять и особенностей переходного периода. И здесь он в своем анализе *недооценивает классового момента*: иной расстановки классов, определяющей *преобразование* капитализма в социализм; недооценивает *особенностей* классовой борьбы в переходный период; ее обострения, особенно в реконструктивный период; не понимает противоречивого характера развития *единой переходной* системы («кто кого»); не учитывает *особенностей* этих противоречий, не анализирует переходное общество в *движении*. Иными словами, тов. Бухарин не понимает главнейших особенностей переходной экономики, как их не понимал Преображенский. Только Преображенский, анализируя переходную экономику с ее *противоречиями*, не видел ее *единства*, а тов. Бухарин, наоборот, за ее *единством* не видит *противоречий*, *недооценивает классовую борьбу*. Следовательно, не только Преображенский, но и тов. Бухарин не понимает всего своеобразия переходного периода, его классовых особенностей, его действительных закономерностей. Именно об этом свидетельствуют: предложение тов. Бухарина о построении схемы воспроизводства для переходной экономики *по аналогии* с II томом «Капитала», его «закон трудовых затрат» — аноним закона стоимости, его предложение о выходе из зерно-

вого кризиса путем политики повышения цен и под'ема индивидуального крестьянского (в том числе кулацкого) хозяйства, а не путем строительства совхозов и колхозов, его противодействие наступлению на кулака и предложение свернуть темп индустриализации, его теория «равновесия» секторов и т. д. и т. п.

Уже из этого видно, что критика бухаринской теории нас может удовлетворить лишь тогда, когда эта критика вскрывает на ряду с другими ошибками тов. Бухарина и эти коренные дефекты его теории, показывает непонимание им нашего переходного общества, как единства противоположностей, показывает недооценку Бухариным противоречий в единстве, недооценку классовой борьбы. Тем более это необходимо тогда, когда речь идет именно о теории правого оппортунизма.

К сожалению, с этими коренными задачами критики бухаринской теории «равновесия» тов. Леонтьев в своей брошюре «Экономическая теория правого уклона» не справился.

Правооппортунистическая теория поэтому не получила того решительного и сокрушающего отпора, который ей должен быть дан. Наоборот, мы считаем, что тов. Леонтьев, сам того не замечая, скатился в ряде решающих моментов на позиции полупризнания и даже признания теории равновесия. Основной дефект позиции тов. Леонтьева заключается в том, что он сам не исходит в своем анализе из принципа «единства противоположностей», что ведет и его к недооценке классового момента в своем экономическом анализе, к недооценке задачи изучения экономических явлений в движении.

Леонтьев говорит:

> «Для нахождения этих условий Маркс делит все производство на два подразделения: производство средств производства и производство средств потребления. Далее, исследуя взаимозависимость между этими двумя разделами и их отдельными элементами, Маркс строит специальные схемы. В этих схемах намечается такое соотношение отдельных элементов процесса воспроизводства, которое обеспечивает возможность более или менее бесперебойного функционирования всего производственного аппарата общества. Иными словами, в схемах воспроизводства Маркса — намечаются условия подвижного экономического равновесия капиталистического общества. Необходимо однако иметь в виду, что речь идет о совершенно особом типе равновесия. При наличии такового равновесие отдельных частей общественного хозяйства устанавливается стихийным путем. Это равновесие постоянно нарушается, вновь и вновь восстанавливается и, пробивая себе путь среди бесчисленных отклонений». (Леонтьев, «Экономическая теория правого уклона», стр. 39—40. Подчеркнуто мной. *Ан. С.*).

Бухарин в «Экономике переходного периода» неоднократно говорит о законе «равновесия» капитализма. Вот некоторые его определения, с которыми, почти слово в слово, совпадают определения тов. Леонтьева.

> «Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии» (стр. 128).
>
> «В капиталистическом обществе сознательного регулятора нет. Поэтому закон равновесия — закон ценности — действующий как стихийный закон» (стр. 93).
>
> «В таком обществе законы равновесия реализуются и могут реализоваться исключительно путем постоянных или периодически повторяющихся нарушений равновесия» (стр. 91).
>
> «Эта система движется, колеблется, но через все движения и колебания равновесие восстанавливается снова и снова» (стр. 129).
>
> «Тут могут быть всякие уклонения, колебания, вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но в общем и целом находится в состоянии равновесия» (стр. 128). (Бухарин, «Экономика переходного периода», изд. 1920 г. Подчеркнуто мной. *Ан. С.*)

Итак, у Маркса, по мнению тов. Леонтьева, в схемах второго тома речь, оказывается, идет об условиях «экономического равновесия капиталистического общества». Это равновесие является основным стержнем развития капитализма: оно «постоянно нарушается ...пробивая себе путь среди бесчисленных отклонений» и, следовательно, основная задача Маркса заключалась, по Леонтьеву, как и по Бухарину, в отыскании закона равновесия капитализма, а не законов его движения, возникновения, развития и гибели.

Тов. Леонтьев неоднократно обрушивается в своей книге на теорию «равновесия», называя ее, совершенно справедливо, «антимарксистской», «механической», «метафизической», «антидиалектической» и т. д., и т. п. Но переходя от шумовой атаки к деловой, к изложению отдельных важнейших положений марксизма-ленинизма, к их «ортодоксальному» освещению, тов. Леонтьев впадает сам в те же почти ошибки, которые делает и тов. Бухарин.

Критикуя предложение тов. Бухарина построить и для переходного хозяйства «по аналогии со вторым томом «Капитала» схемы воспроизводства, т.-е. наметить.. условия подвижного экономического равновесия», тов. Леонтьев останавливается на характеристике отличительных черт марксовых схем воспроизводства и определяет их так же, как это дано в бухаринской теории «равновесия». Охарактеризовав воспроизводство вообще, тов. Леонтьев подходит к воспроизводству капиталистическому и говорит:

> «Основная проблема здесь заключается в отыскании тех условий, при которых возможен более или менее бесперебойный ход постоянно возобновляющийся процесс производства. Должны быть найдены те условия, при которых сложный механизм капиталистического воспроизводства может функционировать, при которых отдельные колесики и шестеренки этого механизма будут выполнять свое назначение, не смешиваясь в хаотическом беспорядке».

Уже из этих слов тов. Леонтьева видно, что главное внимание он устремляет на отыскание «условий» равновесия капиталистического воспроизводства. Об этом же тов. Леонтьев с еще большей ясностью говорит дальше, повторяя почти слово в слово формулировки тов. Бухарина.

Комичнее всего здесь то, что тов. Леонтьев немного дальше сам же обрушивается на Н. И. Бухарина за этот закон равновесия, приводит в противовес т. Бухарину, утверждение Маркса, что «конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества». Получается чрезвычайно конфузное положение. Одной рукой Леонтьев бьет теорию «равновесия», а другой — проталкивает эту теорию в своих «об'яснениях» марксовой теории воспроизводства. Действительно, что значит заявление Леонтьева, что равновесие капиталистического общества «постоянно нарушается, вновь и вновь восстанавливаясь и пробивая себе путь среди бесчисленных отклонений? Это заявление означает, что основной стержень, основное содержание развития капиталистического общества заключается в равновесии, которое «усложняется», «отклоняется», но, несмотря ни на что, «прокладывает свой путь».

Неудивительно поэтому, что Леонтьев после такой оценки капитализма вслед за Бухариным заявляет; «в схемах воспроизводства Маркса намечаются условия подвижного экономического равновесия капиталистического общества».

Совсем по-иному рассматривал Маркс «равновесие» в капиталистическом обществе. Он говорил о «равновесии» в воспроизводстве как о «случайности», а не как об основном стержне развития капитализма: «условия нормального обмена, следовательно, нормального хода воспроизводства, как простого, так и в расширенном масштабе ...превращается в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие, при стихийно-складывающемся строе этого производства, само является случайностью (Маркс, «Капитал», т. II, 1918 г., стр. 486. Подчеркн. мною.—*Ан. С.*).

А тов. Леонтьев, вслед за тов. Бухариным, равновесие рассматривает *не как случайность*, а как основную закономерность развития капитализма, случайно отклоняемую движением. У Леонтьева, как и у Бухарина, *движение* оказалось заменено *частным, случайным* элементом движения.

Таким образом, марксова теория воспроизводства ничего общего не имеет ни с бухаринской, ни с леонтьевской теорией «равновесия».

Интересно указать здесь, как Ленин относился к «точке зрения равновесия». В своих замечаниях к «Экономике переходного периода» Ленин, после рассуждений Бухарина о «постулате равновесия», пишет:

«Но не точнее ли говорить о «необходимости известной *пропорциональности*», чем о «точке зрения равновесия»? *Точнее, вернее*, ибо *об'ективно* первое, а второе *приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму*» (Ленинский сборник, XI, стр. 384—385. Подчеркнуто мной. *Ан. С*).

Это замечание Ленина может быть отнесено, таким образом, и к позиции в этом вопросе тов. Леонтьева.

Перейдем теперь к следующему моменту.

После характеристики марксовых схем воспроизводства тов. Леонтьев переходит к тому, в каком отношении эти схемы могут быть использованы применительно к нашей экономике. Чтобы решить этот вопрос, он пытается показать основное различие между марксовыми схемами воспроизводства и нашим народно-хозяйственным планом. И вот здесь опять сказывается все тот же основной методологический порок, которым страдает анализ Бухарина.

Еще более отчетливо сквозит это признание принципа «подвижного экономического равновесия» для советского хозяйства в следующих формулировках тов. Леонтьева:

> «Отрывая равновесие от движения, утверждая примат равновесия над движением, т. Бухарин неизбежно приходит к *неверному в корне пониманию самого состояния «подвижного экономического равновесия»* (Леонтьев. «Экономическая теория правого уклона», стр. 54—55. Подчерки. мной. — *Ан. С.*).

А немного дальше это признание выступает еще яснее:

> «Отсюда полное игнорирование того простого обстоятельства, что *само равновесие*, способ его установления, его характер и содержание определяются *специфическими особенностями* законов развития *данной социальной формы* производства». (Леонтьев. «Экономическая теория правого уклона»; стр. 55—56. Подчерки. автором — *Ан. С.*).

То-есть, иными словами, для одной формации — капитализма — будет иметь силу одно равновесие, для другой — переходного хозяйства — иное равновесие.

Из всего сказанного видно, что т. Леонтьев, критикуя бухаринскую теорию «подвижным экономическим равновесием» для нашей экономики, сам в то же время не рвет окончательно с этой теорией, при помощи всяких оговорочек пытаясь ее притянуть к анализу переходной экономики.

Эта позиция т. Леонтьева еще больше подчеркивается тем обстоятельством, что сам же он приводит направленные против Бухарина критические замечания Ленина, который рекомендовал отбросить точку зрения равновесия, ибо она «приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму».

Леонтьев не последовал этим указаниям. Он признает, как мы видели, теорию «равновесия» для капиталистического хозяйства и со всякими оговорками пытается протащить ее и в советскую экономику.

Не закон «равновесия», к чему вслед за Бухариным идет и тов. Леонтьев, а *закон расширенного воспроизводства социалистического сектора в переходной экономике* лежит в основе нашего движения к социализму. Именно на этот закон, которого неуклонно придерживалась и осу-

ществляла наша партия, делали наскоки сверхиндустриалисты — троцкисты, выдвигавшие такие предложения, которые неминуемо вели к срыву расширенного воспроизводства социалистического сектора в нашей экономике, вследствие неизбежной размычки между социалистическим сектором и мелко-товарным крестьянским сектором, между пролетариатом и основными массами крестьянства. Именно на этот закон расширенного воспроизводства социалистического сектора в нашей экономике делают наскоки правые оппортунисты, выдвигающие такие предложения, которые не могут уже обеспечить дальнейшего развития расширенного воспроизводства социалистических элементов в нашей стране, которые означают дальнейшее сохранение «двух *разных* основ» «советской власти и социалистического строительства», что не может не кончиться когда-либо «полным развалом народного хозяйства». Именно на этот закон делают наскоки правые оппортунисты, возражающие против быстрого темпа индустриализации, интенсивного темпа коллективизации основных масс крестьянства, против усиленного вытеснения капиталистических элементов из нашей экономики, против ликвидации кулачества как класса, — без чего уже невозможно дальнейшее расширенное воспроизводство социалистических элементов.

Итак, достаточно было рассмотреть классовый стержень нашего развития, проследить процессы, происходящие в этой основе нашего движения к социализму, чтобы ничего не осталось не только от «бухаринской теории равновесия», но и от леонтьевского варианта этой теории. Проглядев такую особенность теории «равновесия», как игнорирование классового момента, т. Леонтьев, вслед за Бухариным, повторяет те же ошибки, недооценку классовых особенностей нашей экономики, недооценку классового момента в анализе экономических процессов. Став на позицию т. Бухарина в том вопросе, что капиталистическое хозяйство развивается не по марксовой теории расширенного воспроизводства, а по богдановской теории «равновесия», т. Леонтьев не смог показать всей несостоятельности теории «равновесия» и применительно к переходной экономике.

Прежде всего надо указать, что т. Леонтьев вообще не подчеркивает того положения, что правооппортунистическая теория есть теория классовая, что она отражает интересы капиталистических элементов. Особенно резко подчеркнул эту классовую природу теории «равновесия» т. Сталин. Он сказал: «Нетрудно понять, что эта теория («равновесия» — *Ан. С.*) имеет *об'ективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы* «новым» теоретическим оружием в их *борьбе с колхозами* и дискредитировать позиции колхозов».

А тов. Леонтьев пишет:

> «Сведение планового начала к *идее равновесия* означает затушевывание социалистического лица наших планов, игнорирование их классового содержания. *При таком понимании от плана остается один лишь формальный* (?) *признак, понятие план становится чрезвычайно бессодержательным* (?) *и пустым* (?). (Леонтьев. «Экономическая теория правого уклона», стр. 35. Подчеркнуто мною — *Ан. С.*).

Критикуя бухаринские рассуждения о схемах воспроизводства капитализма и нашем народно-хозяйственном плане, т. Леонтьев продолжает:

> «Совершенно ясно, что идеи марксовых схем воспроизводства, как, впрочем, и все остальные части марксовой экономической системы, имеют огромное значение для изучения переходного хозяйства. Однако это значение может реализоваться лишь в том случае, если отдавать себе ясный отчет в том *принципиальном* различии, которое, несомненно, существует между марксовыми схемами воспроизводства и народно-хозяйственным планом в условиях переходной экономики. *Это различие сводится в основном к следующему*: гениальные схемы воспроизводства Маркса имеют целью теоретически отобразить в *наиболее абстрактном*

виде стихийный бег капиталистического производства и воспроизводства в его целом. Наш народнохозяйственный план, напротив, имеет дело с осуществлением ряда чрезвычайно практических задач, выполняемых притом в высшей степени в сложной конкретной обстановке, в которой на первое место выдвигается момент сознательного воздействия на весь ход хозяйственного развития. Отсюда ясно, что некритическое сближение плана в советском хозяйстве с марксовыми схемами воспроизводства, стремление решать сложные вопросы планирования «по аналогии» с этими схемами — совершенно неправильно» (Леонтьев «Экономическая теория правого уклона», стр. 40. Подчеркн. мной — *Ан. С.*).

Итак, «основное» и «принципиальное» различие между схемами воспроизводства капиталистического общества и нашими народнохозяйственными планами тов. Леонтьев видит лишь в том, что при капитализме схемы воспроизводства отображают «стихийный бег», в наиболее абстрактном виде, а перед нашими народнохозяйственными планами стоят «чрезвычайно практические задачи», выполняемые в чрезвычайно «сложной конкретной обстановке», в «которой на первое место выдвигается момент сознательного воздействия на весь ход хозяйственного развития».

А где же классовое различие между капиталистическим обществом и нашим, где классовое различие между схемами воспроизводства, отображающими «стихийный бег» капитализма, и народнохозяйственными планами, отображающими движения нашей переходной экономики, с все интенсивнее растущими в ней командными позициями социализма? Его в анализе т. Леонтьева не оказалось. Но мало того. Если все «принципиальное» различие между схемами воспроизводства капиталистического общества и нашими народнохозяйственными планами, заключается только в том, о чем пишут т. Леонтьев, то закон «экономического подвижного равновесия», который лежит, по мнению тов. Леонтьева, в основе марксовых схем воспроизводства, сохраняет, очевидно, силу и для переходного общества.

Тов. Леонтьев утверждает, что сведение планового начала к «идее равновесия» делает планы «бессодержательными», пустыми». Что это означает в переводе на классовый язык? Это значит, что «сведение планового начала к идее равновесия»—не отражает определенных классовых интересов. Мы уже говорили, что это в корне неверно. Теория «равновесия» отражает интересы капиталистических элементов нашей страны. Поэтому это совершенно определенная, враждебная нам классовость. Именно эту классовость отражает теория «равновесия». Именно такое определенно классовое, а не «пустое» неопределенное содержание несет с собой теория «равновесия». Неверно также и другое утверждение, что «сведение планового начала к идее равновесия» означает игнорирование классового содержания наших планов. «Сведение планового начала к идее равновесия» означает не только игнорирование, но и изменение классового содержания наших планов в сторону свертывания позиций пролетариата и развертывание позиций капитализма. И в этом суть политического содержания как теории «равновесия», так и вытекающей из нее теории «балансирования».

Из сказанного видно, что т. Леонтьев еще далеко не преодолел своих прежних ошибок. Если в работе т. Леонтьева «Закон трудовых затрат» «ортодоксальная критика концепции т. Бухарина до конца не дана», то в новой своей работе т. Леонтьев не только не дает до конца ортодоксальной критики бухаринской теории равновесия, но и допускает ряд тех же основных ошибок, которыми грешит концепция Бухарина. Мы должны не обходить эти ошибки, не замазывать их, а со всей резкостью вскрыть их и тем помочь автору в его борьбе с бухаринской идеологией в его собственном развитии.

А. С.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

Еще раз к вопросам теории империализма.

В ряде писем читатели «Большевика» вновь возвращаются к вопросу о сущности разногласий в теории империализма между ленинизмом, с одной стороны, и оппортунистической теорией «организованного» капитализма тов. Бухарина, с другой. Неослабный интерес к этому вопросу вполне об'ясним, если иметь в виду, что вопрос об империализме,—как говорил Ленин,—есть не только один из самых существенных, но, можно сказать, самый существенный вопрос в той области экономической науки, которая изучает изменение форм капитализма в новейшее время.

Одни из обратившихся в редакцию товарищей, опираясь на отдельные высказывания Ленина, находят, что разница между ленинской и бухаринской теориями в этом вопросе сглаживается именно тем, что та и другая допускали «абстрактную» мыслимость ультраимпериализма.

Другие, напротив, утверждают, что корень ревизионизма тов. Бухарина как раз и заключается в том, что он, Бухарин, допускал возможность «абстрактно-теоретически» мыслить подобную фазу в развитии империализма, в то время как Ленин возможность такой мысли категорически отвергал. Эти товарищи идут дальше и об'являют, что было бы примиренчеством к теоретическим ошибкам Бухарина согласиться с тем, что «абстрактно-теоретически» единый мировой трест мыслим и что, следовательно, борьба с неправильной теорией Бухарина должна развернуться именно в этой плоскости.

Речь идет, таким образом, о нахождении водораздела между Бухариным и Лениным в теоретическом анализе современного капитализма. Обе группы упомянутых тт. склонны признать при этом, что центр тяжести разногласий лежит в плоскости признания или отрицания возможности «абстрактно-теоретически» мыслить развитие капитализма в ультраимпериализм. Если возможность такой «абстракции» исключается,—рассуждают эти товарищи,—тогда теория Бухарина неправильна; если же возможность подобной «абстракции» Лениным допускалась, тогда теория Бухарина верна.

Допустима ли такая постановка и такое ограничение вопроса? Верно ли, что базисом и масштабом разногласий с Бухариным по этому вопросу является признание Бухариным и отрицание Лениным возможности «абстрактно-теоретически» мыслить сверхимпериализм? Нет, это неверно. Перенесение разногласий в эту плоскость является ошибочным и вредным, ибо этим подменяются разногласия с Бухариным по кардинальным вопросам ленинской теории, разногласиями по производному вопросу, который, будучи взят изолированно, является в достаточной степени схоластическим.

Ленин указывал, что, рассуждая «абстрактно-теоретически», т. е. совершенно произвольно, считаясь при этом лишь с одной из тенденций реальной жизни, можно притти к выводу о возможности развития капитализма в единый мировой трест. Путем таких «чисто»абстрактных, игнорирующих ряд основных конкретно-исторических особенностей реального империализма, рассуждений действительно можно притти к «теории» ультраимпериализма. Автор этой теории — Каутский именно и достиг ее путем подобных «чисто» абстрактных ухищрений.

Однако, этот путь теоретического анализа есть путь метафизика, а не диалектика, путь оппортуниста, а не революционера, путь каутскианца, а не ленинца,

не марксиста. По поводу идеализма Ленин писал, что «с точки зрения диалектического материализма, философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, чрезмерное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный»[1]. Богатая своим содержанием кривая линия человеческого познания, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали, подменяется здесь обрывком, обломком, кусочком этой кривой линии, односторонне превращаемым в самостоятельную, целую, прямую линию, которая ведет в болото, в поповщину. Эта же методология насквозь пронизывает апологетическую «теорию ультраимпериализма». Вместо метода материалистической диалектики, согласно которому империализм должен быть взят в теории таким, каким он существует в практической жизни, т.-е. как единство противоположностей, как единство монополии и конкуренции со всеми внутренне присущими ему и неизменно обостряемыми им противоречиями (в первую голову экономическими),—вместо этого в «теории» ультраимпериализма господствует «прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота» (Ленин), господствует *метафизика*, берущая в расчет лишь *одну* черточку империализма (тенденцию к соглашениям), беспредельно и односторонне раздувающая эту черточку и таким путем, при полном игнорировании *самых коренных* противоречий империализма, неизбежно обостряемых монополиями, приводящая к уродливой и противоречащей практике «теории» сверхимпериализма.

Отсюда ясно, что Ленин, говоря о возможности абстрактно мыслить новую фазу капитализма после империализма, именно: ультраимпериализм, обусловливал эту возможность изменой методу диалектики в угоду метафизике.

Он говорил о такой возможности явно издевательски, ибо для человека науки, для *марксиста* абсолютно исключен такой путь теоретического изучения империализма, который выбрасывает из изучения коренные противоречия последнего. Он говорил о такой возможности не для революционера, не для марксиста, а для «пошлого буржуазного реформиста» вроде Каутского, имеющего целью оправдать империализм.

Ленин при этом именно и имел в виду сложившуюся оппортунистическую «теорию» Каутского[2], в которой Каутский, игнорируя *самые глубокие* противоречия конкретного империализма и, вырвав из него лишь одну сторону, лишь одну из его тенденций, «мысленно» продолжил эту тенденцию и, таким образом, получил — рассудку вопреки, наперекор стихиям — лишенную всякого содержания и в этом смысле «чистую» схему единого, мирового, беспротиворечивого капитализма.

> «Теоретическая критика империализма у Каутского,— читаем мы у Ленина,— потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к пропаведи мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой и т. д.
>
> «Совершенно такой же реакционный характер носит пресловутая теория «ультраимпериализма», сочиненная Каутским»[3].

Ленин указал на то, что возможность «абстрактно» мыслить ультраимпериализм не исключена. Но это не значит, что он считал эти абстракции правильными. Напротив того, он их отвергал и с ними беспощадно боролся, как с мертвыми, пустыми, бессодержательными, упрощенными, вздорными, *не конкретными*,

[1]) Ленин, К вопросу о диалектике, т. XIII, изд. 3-е, стр. 304.

[2]) На это обстоятельство правильно указывает в своем письме в редакцию тов. Андреасян.

[3]) Ленин, т. XIX, изд. 3, стр. 166.

ненаучными и реакционными абстракциями. Ненаучными потому, что они добыты ценой извращения конкретных фактов действительности, ценой игнорирования ряда основных конкретно-исторических особенностей подлежащего об'яснению современного капитализма, ценой игнорирования острых и неизменно обостряемых противоречий, характерных для этого капитализма; потому что эти абстракции есть плод мечтаний, плод «чистой» мысли, а не результат теоретического изучения *всех конкретных* тенденций *реального* империализма *во всем* богатстве его сторон и связей. А так как социальный смысл этих мечтаний состоит в стремлении представить антагонистический империализм будущим «мирным» и «безвредным» ультраимпериализмом, в стремлении обмануть массы «надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противоречий и острых проблем современности и направления внимания на ложные перспективы какого-то, якобы нового будущего «ультраимпериализма», и так как именно для этого игнорируется противоречивая сущность империализма, то, естественно, что Ленин после указания на возможность «абстрактно» мыслить подобный империализм, здесь же заявляет, что «*на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах*»[1].

Во всех своих работах, посвященных империализму, Ленин неустанно разоблачает теоретическую бессодержательность и практическую реакционность мечтаний (именно *мечтаний*, а не научных обобщений) насчет ультраимпериалистской фазы в развитии капитализма. Он высмеивает и категорически отвергает возможность *для марксистской науки* пользоваться такого рода абстракциями, какие лежат в основе «теории» ультраимпериализма.

> «Если понимать под чисто экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, — писал он в «Империализме», — тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, в роде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия»[2].

Итак, Ленин был беспощадным врагом мыслящих «чистыми» абстракциями рассуждателей, мечтания и схемы которых преследовали притупление, замазывание *наличных* противоречий империализма и отвлечение внимания пролетарских масс от этих противоречий.

Это не значит, конечно, что Ленин был врагом всяких абстракций. Ленин был за абстракции, но за *научные* (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции, которые не выбрасывают, а включают, отражают сущность конкретного, за такие абстракции, которые выведены из практики и соответствуют практике, ибо лишь обладая этими качествами теоретическая абстракция имеет познавательную ценность, может служить мощным инструментом в теоретическом изучении конкретных явлений.

Путь к таким научным обобщениям лежит через изучение *конкретного* явления «*во всех его связях и опосредствованиях*» (Ленин) во всем богатстве его сторон, свойств, противоречий. Поэтому в теории империализма Ле-

[1]) *Ленин*, т. XVIII, изд. 3, стр. 356—7. Эта цитата была приведена мною и в прошлой консультации («Большевик», № 22 за 1929 г., стр. 88) в целях доказательства той мысли, что Ленин отвергал осуществимость ненаучных и реакционных абстракций «ультраимпериализма». После этого можно лишь удивляться попытке тов. Рогинского («Правда», № 17 за 1930 г.) приписать мне ту мысль, что Ленин будто бы всерьез признавал «абстракцию организованного капитализма». Ничего подобного я не утверждал и утверждать не мог в силу очевидной ошибочности подобного утверждения.

[2]) *Ленин*, т. XIX, изд. 3, стр. 147. В 1-м изд. это место имеется в т. XIII на стр. 210. Но здесь оно несколько сокращено по сравнению с первоначальным текстом рукописи Вл. Ильича, воспроизведенной полностью в последнем издании.

ний и требовал теоретического анализа основных свойств и тенденций империализма, *опираясь на идущее в действительности развитие*, опираясь на *реально* существующую систему экономических отношений высоко развитого, зрелого и перезрелого капитализма, а не на изолированное рассмотрение одной из его черточек, «мысленное» продолжение и раздувание которой ведет к оппортунистическим искажениям теории. В этом состоит одно из основных требований марксистской методологии, которого Ленин строжайше держался, которое он применял с гениальным мастерством во всех своих работах и которое резко отличает его теорию от теоретических ухищрений социал-демократических ревизионистов и от теоретических взглядов Бухарина [1]).

Благодаря последовательно применяемому Лениным методу материалистической диалектики его теоретические обобщения выступили как глубоко научные и содержательные, воспроизводящие в мышлении *связь и взаимоотношения всех основных экономических, социальных и политических особенностей империализма* и потому представляющие мощное оружие революционной борьбы, а не источник оппортунистических иллюзий. Империализм был тем самым теоретически раскрыт как конкретное единство противоречивых тенденций, т.-е. было показано и доказано, что империализм, развивая монополии, *тем самым* непосредственно развивает, расширяет и обостряет *все* противоречия капитализма, что монополии, устраняя конкуренцию (в *некоторых* отраслях промышленности), одновременно усиливают и обостряют ее (в капиталистическом хозяйстве *в целом*), что всем ходом экономического развития при империализме усиливается и обостряется хаотичность производства и кризисы, несоответствие в развитии земледелия и промышленности и т. п. и проч.

> «Империализм, — говорит Ленин, — на самом деле не перестраивает и *не может перестроить* капитализма сверху донизу. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но *устранить* обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм *не может*».
>
> «Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. *Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами, — вот существенная особенность империализма вообще*» [2]). (Последняя фраза подчеркнута мною. *Н. М.)*.

Сила ленинской методологии и ленинской теории заключается, следовательно, в том, что они выведены из реальной жизни, что они соответствуют конкретной действительности, и потому могут служить целям *научного* понимания и *революционного* преобразования этой действительности.

Что же отличает теорию империализма Бухарина? Прежде всего неправильная методология, заимствованная тов. Бухариным во всяком случае не из арсенала марксизма. Теория империализма Бухарина отнюдь не исчерпывается,—как думают авторы отдельных писем,—признанием возможности «абстрактно» представить «организованный» капитализм. В одном этом признании не было бы еще ничего антимарксистского, если бы, конечно, за сим следовала совершенно обязательная для марксиста критика этого теоретически вздорного и политически вредного «представления» и плюс к этой критике — защита единственно научной, ленинской теории империализма. Но тут методология Бухарина и дает осечку: вместо того, чтобы решительно бороться с этим реакционным и ненаучным «представлением», он, в сущности, принимает подобное «представление» как научную теорию, пытаясь применить ее на практике.

В своих теоретических работах [3]) тов. Бухарин отстаивает, как известно, теорию «организованного» капитализма. Согласно этой «теории» капитализм

[1]) По поводу этой стороны ленинской методологии мы особенно рекомендуем читателю ознакомиться с статьей Вл. Ильича, — «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», т. XVIII, ч. 1, изд. 1-е, особенно стр. 50—66.

[2]) *Ленин*, т. XIV, ч. 1, изд. 1, стр. 118.

[3]) Смотри, напр., «Экономика переходного периода», стр. 10 и 14.

вступил в такую фазу развития, когда внутри отдельных капиталистических стран уничтожена анархия производства, уничтожены кризисы, а, следовательно, и коренные структурные противоречия капитализма, опираясь на которые лишь и можно об'яснить неизбежность крушения капитализма.

> «Мировой капитализм,— читаем мы у тов. Бухарина,— мировая производительная система принимает... за последнее время такой вид: несколько сплоченных организованных хозяйственных тел («великие цивилизованные державы») и периферия стран неразвитых, с полуаграрным или аграрным строем» [1]).
>
> «*Народное хозяйство» превращается в один гигантский комбинированный трест, пайщиками которого являются финансовые группы и государство. Мы называем такие образования государственно-монополистическими трестами*» [2]).

Этот, лишь в мысли тов. Бухарина существующий, государственно-капиталистический строй, по его утверждению, является строем организованным. Здесь исключены кризисы, так как здесь нет анархии производства, а есть рациональный, с точки зрения капитала, план [3]).

Не трудно заметить, что здесь тов. Бухарин воспроизвел ту же самую методологическую ошибку, что и творцы теории ультраимпериализма. Подобно этим ревизионистам марксизма тов. Бухарин также выхватил из реальной действительности (конкретный империализм) лишь одну ее тенденцию (тенденцию к монополистической организации), оторвал ее от конкретного целого, односторонне преувеличил ее, «мысленно» (вопреки реальной жизни) продолжил, преувеличил, и тем самым омертвил ее, «освободил» ее от самых главных, в действительности имеющихся, признаков конкретного (обострение при империализме *всех* основных противоречий капитализма) и в результате получил «чисто» абстрактную схему беспротиворечивого капитализма, вступающего в противоречия *лишь* на международной арене со своими столь же «организованными» соседями. Нет надобности повторять, что эта схема в такой же степени неправильна, как и теория ультраимпериализма.

Достаточно противопоставить этой схеме столь же ясные, сколь и категорические, утверждения Ленина, чтобы убедиться в ее апологетическом характере, в ее стремлении замазать коренные противоречия империализма.

> «Устранение кризисов картелями,— говорит Ленин,— есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в *некоторых* отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную *всему* капиталистическому производству в целом. Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привиллегированное положение, в котором оказывается наиболее картеллированная, так называемая, *тяжелая* индустрия, особенно, уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности» [4]).

Таким образом, если в ленинской теории империализма, империализм выступает как единство *противоположных*, друг друга *исключающих*, *противоречивых* тенденций, неизбежно порождающих *антагонизмы* и через классовую борьбу ведущих империализм к гибели, то в абстрактной схеме тов. Бухарина он принимает вид единства *без* противоположностей, *без* противоречий, в силу чего тов. Бухарину и не удалось обосновать *экономическую* неизбежность крушения империализма [5]). Если для Ленина развитие монополий при империализме неразрывно связано с развитием и прямым продолжением основ-

[1]) Бухарин. «Мировое хозяйство и империализм», 1922 г., стр. 44.

[2]) Там же, стр. 75.

[3]) См. Бухарин. «Империализм и накопление капитала», 1928 г., стр. 82.

[4]) Ленин, т. XIX, изд. 3, стр. 92.

[5]) На это обстоятельство правильно указывает в своем письме в редакцию тов. Жлобницкий (Одесса).

ных свойств и противоречий капитализма вообще, то для Бухарина остался в силе лишь первый процесс, второй же совершенно исчез из его поля зрения. Считаясь лишь с одной стороной процесса (монополии) и не видя второй его важнейшей стороны (рост противоречий), бухаринская «абстракция» империализма в силу этого превращается в одностороннюю, бессодержательную, пустую, антидиалектическую схему «организованного» капитализма. На практике эта схема неизбежно ведет к оппортунизму, потому что она видит только ту сторону в империализме, одностороннее преувеличение и раздувание которой замазывает противоречия империализма и тем самым устраняет почву для понимания неизбежности его гибели, потому что она замазывает экономическую неизбежность этой гибели. Тем самым правооппортунистическая теория «организованного капитализма» ведет к каутскианской теории «ультраимпериализма», т. е. в то самое болото, куда скатилась и троцкистская оппозиция, с контрреволюционной теорией и практикой которой, так же как и со всеми ее разновидностями и рецидивами, необходима дальнейшая беспощадная борьба.

Троцкисты смешивают империализм с домонополистическим капитализмом—в этом их основное грехопадение в вопросе о победе социализма в отдельных капиталистических странах. Они замазывают экономическую сущность империализма тем, что отказываются понимать тот решающий факт, что империализм есть монополистический и, потому, загнивающий капитализм, доводящий до крайней степени напряженности все противоречия капитализма и прежде всего противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Тов. Сталин на VII расширенном пленуме ИККИ в 1926 г. указывал, что из этой ошибки троцкизма вытекает другая его ошибка, состоящая в том, что троцкизм

> «не понимает смысла и значения закона неравномерности развития в период империализма, противопоставляет этому закону тенденцию к нивелировке и скатывается, таким образом, на каутскианскую позицию ультраимпериализма» ¹).

Эти две ошибки, как установил тов. Сталин, ведут к третьей ошибке, состоящей в том, что троцкизм

> «механически распространяет формулы и положения, выросшие на основе доимпериалистического капитализма, на империалистический капитализм, в виду чего и приходит... к отрицанию возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах» ²).

В приведенных положениях тов. Сталина ясно показано теоретическое убежище, в котором окопалась контрреволюционная практика троцкизма, борющегося фактически за реставрацию буржуазной демократии в СССР и за срыв революционной борьбы международного пролетариата.

Авторы теории «организованного капитализма», к разновидностям которой принадлежит и теория империализма тов. Бухарина, поступают наоборот. Они отрывают империализм от капитализма вообще тем, что замазывают тот факт, что империализм не перестает быть капитализмом, что он есть монополистический капитализм, что монополия при империализме есть «монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой» (Ленин). Этим путем, ничего общего с марксизмом не имеющим, они стараются «освободить» империализм от несот'емлемых от него противоречий и представить его как «организованную» и «мирную» (как, напр., у Каутского) фазу в развитии капитализма.

---

¹) См. названную речь тов. Сталина в его книге «Об оппозиции», особенно стр. 511—519.
²) Там же.

Являясь научно бессодержательной, эта «теория» на практике ведет к явно оппортунистическим выводам.

Она ведет, во-первых, к переоценке капиталистической стабилизации, к отрицанию временного и неустойчивого характера последней.

Она ведет, во-вторых, к насаждению пессимизма насчет перспектив революционной борьбы пролетариата.

Она ведет, в-третьих, к теории мирного врастания капитализма в социализм, к утверждению возможности реформистского изменения империализма.

Она ведет, наконец, к теории «ультраимпериализма».

Из сказанного совершенно очевидно, что указание Ленина на возможность «абстрактно-теоретически» мыслить единый трест, не дает никаких оснований для отождествления ленинской и бухаринской теорий империализма, так как, во-первых, ленинская теория империализма не только не связана, но прямо противоположна тем односторонним, и потому вздорным абстракциям, о которых выше говорилось, она прежде всего сокрушает эти бессодержательные и реакционные пустышки, и так как, во-вторых, ревизионизм Бухарина в теории империализма заключается не в том, что он считал возможным «мыслению» представлять «организованный» капитализм (такую возможность не приходится отрицать, коль скоро она реализована такими апологетами «организованного» капитализма, как Шульце-Геверниц, Лифман и др. «теоретиками»), а в том, что он сам защищал и держался «чисто» абстрактной схемы «организованного капитализма» и выдавал ее за подлинную научную характеристику реального капитализма, в том, что он не отбросил эту пустую схему как ненаучную, бессодержательную и политически вредную, а пытался этой схемой руководствоваться на практике, пытался ей подчинить факты.

Надо со всей категоричностью на основании этого сказать, что ленинская теория империализма непримирима и противоположна теоретически бессодержательной и политически вредной бухаринской теории «организованного» капитализма.

Надо сказать так же, что тов. Ленин неоднократно подчеркивал именно этот априоризм и схоластизм бухаринской методологии, не раз заводившей его в оппортунистическое болото. Так, например, в замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина, Ленин со всей силой указывает, как на решающий недостаток этой книги, на недостаточную обоснованность ее выводов фактическим материалом, на то, что «автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно в действии» ¹) на необходимость оздоровить книгу путем замены 20—30 страниц схоластики и бессознательно-идеалистических эклектических упражнений в терминологии 20—30 страницами фактов и т. д.

Теоретические взгляды тов. Бухарина не раз были опрокидываемы жизнью. Живая практика неоднократно выступала против противоречащей реальной жизни теории тов. Бухарина. Та же практика доказала, что только принятие безоговорочно и целиком марксистско-ленинской методологии и выработанной на основе этой методологии — марксистско-ленинской теории империализма в целом, может быть гарантией правильного теоретического анализа современного капитализма и надежной теоретической базой для революционного действия.

Н. МЕЛЬБАРД

---

¹) См. XI «Ленинский сборник», стр. 401.

Письма в редакцию.

I.

Надо рассеять недоразумение.

Тов. Ярославский посвятил пятидесятилетию «Народной Воли» две статьи. В первой, — напечатанной в «Правде» от 30 января, — излагается ряд положений, мною вполне разделяемых и развиваемых в работе о народовольчестве. Во второй же статье («Правда» от 4 февраля) имеется по моему адресу один упрек, который я считаю до последней степени несправедливым. Тов. Ярославский пишет: «Забывают (как, например, т. Теодорович), что *нельзя смазывать огромную принципиальную разницу между политической программой, которая была у партии «Народной Воли», и взглядами большевизма* и видеть в отдельных отрывочных высказываниях народовольцев чуть ли не «предвосхищение» большевизма (хотя и в зародышевой форме) и таких большевистских идей, как идея советов и т. д.».

В своей статье я прежде всего доказываю тот тезис, что народовольчество является русской разновидностью *утопического, непролетарского, домарксова социализма*. Три четверти статьи посвящены этой четкой отмежевке социализма *научного*, марксистско-ленинского от народовольчества, как течения *утопического*. Признаюсь, что не умею, не могу найти более резко-разграничительных понятий, как понятия «утопический» и «научный». Поэтому прямо горько слышать от т. Ярославского, что будто я смазываю «огромную принципиальную разницу между политической программой, которая была у «Народной Воли», и взглядами большевизма». Политическая программа «Народной Воли» есть программа социализма *утопического*, а большевизм — есть система социализма *научного*. Сказать так это значит размежеваться самым ярким, самым решающим образом. Чего же еще хотят от меня?

Далее. Установив, что народовольчество — система утопическая, я должен был задаться вопросом, берет ли марксизм хоть что-нибудь у своих предшественников, и если берет, то каким образом? На этот счет, мы имеем прямые указания у Маркса, Энгельса, Ленина и Каутского, когда этот последний был еще общепризнанным главой ортодоксального революционного марксизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Этот (мелкобуржуазный) социализм умел подметить противоречия современных условий производства. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машин и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие неправильности в распределении богатства, разорительную промышленную войну наций между собой» («Ком. Манифест», стр. 92, изд. 1923 г.). Как видит читатель, основоположники научного социализма не считали зазорным для себя признать, что ряд *важнейших* идей, вошедших в железную сокровищницу марксизма, они восприняли у мелкобуржуазных социалистов. И никто из марксистов не упрекал Маркса и Энгельса за то, что они «смазывают» «огромную» принципиальную разницу между политической программой мелкобуржуазного социализма и взглядом социализма научного. И все мы понимаем, чего не понимают, например, анархисты — что не минусом, а громаднейшей заслугой марксизма является этот факт: ведь марксизм все эти идеи переработал, развил, обогатил, синтезировал. Что нового внес марксизм? На этот счет прекрасно ответил В. И. Ленин: «признание «творческой» исторической работы капитализма, обобществляющего труд и создающего «социальную силу», способную преобразовать общество, силу пролетариата, такое признание есть разрыв с народничеством (как и со всяким утопизмом, скажем мы. *Ив. Т.*) и переход к марксизму» (т. VI, стр. 55). Непонимание исторической работы капитализма как раз и является той лакмусовой бумажкой, которая сразу же отличает всякую утопическую систему от марксизма.

Фр. Энгельс писал: «Утопическая сторона социалистических теорий теперь уже всецело отошла в область истории... Мы гораздо охотнее постараемся найти под фантастическим покровом *зародыши гениальных идей*, всюду разбросанные в теориях великих утопистов, но незаметные для слепых филистеров» («Анти-Дюринг», стр. 243). Тот же автор говорит: «Современный социализм, подобно всякой *новой* теории, должен был исходить из уже *имевшегося* запаса идей, хотя корнями он был связан с материальными фактами». (Там же, стр. 336). Энгельс же в «Крестьянской войне в Германии» заявляет: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что *он стоит на плечах* Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, не смотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые *гениально* **ПРЕДВОСХИТИЛИ** бесчисленное множество *таких истин*, правильность которых мы доказываем теперь *научно*».

Ленин утверждает: «если Маркс сумел **ВОСПРИНЯТЬ** и *развить дальше*, с одной стороны, дух XVIII века в его борьбе с феодальной и поповской силой средневековья, а с другой стороны — экономизм и историзм (а также диалектику) философов и историков начала XIX века, то *это только доказывает глубину и силу марксизма*, только подтверждает мнение тех, которые видят в марксизме *последнее слово науки*» (т. XII, ч. II, стр. 392).

Наконец, Каутский дает такую формулу: «Великое дело, совершенное марксизмом для классовой борьбы пролетариата, *заключается в соединении утопического социализма с рабочим движением*» («Предшественники новейшего социализма», стр. 12, изд. 1919 г., с предисловием И. Степанова).

О чем говорят эти цитаты? Они устанавливают тот факт, что марксизм находит у своих предшественников ряд *«зародышей»*, ряд *«предвосхищений»* идей, которые потом становятся составной частью самого марксизма, но при непременнейшем условии, что они переработаны, обобщены, развиты дальше в могучее синтезированное целое. Итак, констатация «зародышей», «предвосхищений» узаконяется всеми нашими учителями. Дело сводится теперь не к принципиальному признанию или отрицанию существования таких зародышей, — это вопрос решенный, а к конкретному анализу в каждом отдельном случае, имел ли место такой зародыш в до-марксовых системах, или нет. Поэтому, странно, что тов. Ярославский с явным осуждением употребляет такие слова, как «зародыши» и «предвосхищения», тогда как из вышеприведенных цитат видно, что эти слова введены в употребление как раз нашими учителями.

Таким образом, поскольку «узаконено» право констатирования «зародышей», первостепенное значение получают подлинные высказывания утопистов, особенно их официальные документы, которые нужно тщательно изучить. Когда исследователи наталкиваются на ту или иную идею у наших предшественников, которую не ждали у них встретить, — мы наблюдаем два рода реагирования. Одних «подавляет» этот факт, и они, действительно, начинают «модернизировать»: вот-де, с какого времени мы, пролетарские социалисты, должны вести свое летоисчисление! Это никуда не годится. Но не лучше и другой тип реагирования: голое игнорирование, бессмысленное отрицание самого факта. Какой-то русский император, на доклад о том, что одна дворянская барышня была лишена невинности своим соседом, «начертал»: «повелеваем считать ее попрежнему девицей». Исследователи второго типа не прочь декретировать на этот же манер: считать такие-то слова у утопистов — ненаписанными. Но возможен третий тип реагирования: указание на то, как новый класс, — пролетариат, — использует, перерабатывая и критически развивая, итоги опыта других слоев, — например, мелкого производителя.

Вслед за нашими учителями я употребляю слова «зародыши» и «предвосхищения». Но я боюсь, что действительно, когда двое говорят одно и то же, это всегда не одно и то же. Когда я говорю «зародыши», то мне рисуется такой образ: клетка и взрослое существо. Во сколько раз сформировавшееся существо, сложнейший многоклеточный организм выше и организованнее зародышевой клетки, во столько раз идея, отлившаяся в часть системы марксизма, выше и сложнее идеи, нащупанной утопистами. И я то же говорю о непременнейшем условии переработки «зародыша» в новый могучий организм. Тому месту своей статьи, которое вызвало столько обвинений меня в «умалении ленинизма», я непосредственно предпосылаю такую фразу, которая по существу яснее ясного говорит то же, что говорили наши учителя; но она *никогда*, *никем* из моих противников не цитируется: «В свете громадных событий последнего пятнадцатилетия, **В СВЕТЕ ГЕНИАЛЬНЫХ СИНТЕЗОВ ЛЕНИНИЗМА** легко увидеть в построениях народовольчества целый ряд тезисов, одних — в развитой, других — в зародышевой форме, которые суммируют *великий опыт борьбы* масс мелких товаропроизводителей, *воспринятый, критически переработанный и обогащенный пролетариатом*» (стр. 36). «В свете гениальных синтезов ленинизма!» Еще раз: «в свете гениальных синтезов ленинизма»! Как можно сказать яснее и точнее?!

Почему у тех или иных школ, течений, направлений утопического социализма можно найти «зародыши» той или иной значительной идеи? На этот кардинальный вопрос надо ответить так: широкие массы мелких товаропроизводителей в своей борьбе против развивавшегося капитализма накопили огромный опыт, ибо они подходили к этой борьбе самыми различными путями. Если взять русскую историю, мы увидим резкую смену, резкое чередование антагонистичных настроений. Вот шестидесятые годы: такие представители мелких производителей, как Герцен, Серно-Соловьевич, Бейдеман, на один момент даже Чернышевский, верят в царя, верят в то, что правительство раскрепостит крестьянство, устроит его жизнь таким образом, что капитализму нельзя будет развиваться, и «язва пролетариатства» минует Россию. Эти настроения «правого крыла товаропроизводителей» терпят крах. Тогда выплывают настроения «левого крыла»: громче всех начинают говорить каракозовщина, нечаевщина, ткачевизм. Но и революционные методы борьбы терпят крушение. Снова — уже в семидесятые годы — подымают голову

школы, держащие курс на мирные пути: чайковцы, культурники, разночинское крыло земцев. И эти терпят неудачу. Тогда выдвигаются на первый план люди, взывающие к самодеятельности самого производителя. Это так называемые «хождение в народ». Часть их — мирнейшие прудонисты, лавристы; другая часть — бакунисты. И им не удается «задержать» развитие капитализма. Тогда возникает народовольчество. Гибнет. На смену ему приходит толстовство (мирный анархизм) и абрамовщина (крайне правое крыло мелкого производителя). Сколько школ, сект, течений, направлений, настроений! В предисловии к книге Н. Русанова «В эмиграции» мы писали: «Когда-то Чернышевский или кто-то из его ближайших единомышленников бросил лозунг: «к топорам». На этот лозунг немедленно отозвался Герцен такой фразой: «К метлам» — надо кричать, а не «к топорам». «К топорам» — это лозунг «левого» крыла; это призыв к революционному захвату власти, к *свержению* данного строя. «К метлам» — это лозунг «правого» крыла; это призыв к «упорядочению» данного строя, и компромиссу с ним на основе его «очистки». Между «метлами» и «топорами» и колебалась все время народническая, в широком смысле этого слова, мысль» (стр. 10). Колебалась она, вслед за колебаниями самих мелких производителей, в общем и целом в такой последовательности: терпела крах «метла», — выплывал «топор»; не побеждал «топор» — опять выходила на первый план «метла». В результате накоплялся громаднейший опыт в деле организации, тактики, программных положений утопизма. На базе этого опыта и появлялись «зародыши». Неверно представлять себе, что они были «корнями», а пролетарский социализм — стволом одного и того же дерева, как представляет это себе М. Н. Покровский; но неверно игнорировать, отрицать эти зародыши, легшие, так сказать, кирпичами в могучее здание научного социализма, созданного другим уже классом, типичным пролетариатом.

Когда Карл Каутский — повторяем — был еще одним из вождей революционного марксизма, он развивал в своей классической книге следующие положения, — кстати сказать ни у кого из ортодоксов не вызывавшие никогда никакого возражения и имеющие *общий, так сказать, интернациональный характер*: «Приверженцы коммунистических сект (начиная со средних веков.—*Ив. Т.*) не остались вне влияния боевых настроений низших слоев. Но они были слишком слабы, их существование слишком сильно зависело от терпимости богатых и сильных, и потому в мирные времена среди них не могла бы возникнуть мысль о насильственном ниспровержении существующего общества и о создании вместо него коммунистического» (стр 217 «Предшественников».—Ср. наши «метлы»! *Ив. Т.*).

«Но,—продолжает Каутский,—когда наступали революционные времена, и со всех сторон начинали подниматься крестьяне и ремесленники, тогда революционный энтузиазм охватывал и коммунистов.. (Ср. «топоры»! *Ив. Т.*). Тогда они бросались в революционное движение, *чтобы использовать его для коммунизма*. А так как для них, раз они уже бросились в революционное движение, исключался всякий компромисс с существующими властями, так как для них *не представлялось возможным какое-нибудь улучшение в рамках существующего общества*, то они скоро брали верх над колеблющимися и нерешительными элементами и легко становились вождями движения: Фра Дольчино в тосканской крестьянской войне, Джон Болл в английской, табориты среди гусситов, Мюнцер и его приверженцы среди восставших во время крестьянской войны в Тюрингене» (стр. 218).

Мои оппоненты в дискуссии о «Народной Воле» ложно утверждают, будто Ленин в крестьянском движении ценил только буржуазно-демократическую сторону. На деле, конечно, он, как и Каутский (как и все образованные марксисты), понимал колоссальную важность «крестьянского социализма», «крестьянской социалистической революции»,— как он выражался,— «направленной против основ современного общества» (т. I. стр. 179). Почему? Да потому, что решительно отметая нелепую мысль о возможности некапиталистического развития мелкого производителя в обществе *капиталистическом*, он вслед за Марксом признавал эту возможность *в обществе, возглавляемом диктатурой пролетариата*. Хотя он никогда не забывал того, что «за социалистическую революцию всерьез идет *только* пролетариат, а *мелкая буржуазия* идет к ней колеблясь», тем не менее он не впадал в другую крайность — неверия в реальную возможность переделки мелкого земледельческого хозяйства с его согласия в крупное — социалистическим пролетариатом. Разница между Лениным и учениками Покровского получается потому, что в то время, как М. Н. Покровский рисует всю русскую деревню в один цвет («Русская деревня была буржуазной» — т. V, стр. 237 «Русской истории»), — Ленин различает бедноту — нашу опору, середняка — нашего союзника и кулака — нашего врага. Именно прекрасное знание истории «крестьянского социализма» и внушало Ленину уверенность в том, что, несмотря на все свои колебания, трудящееся крестьянство может пойти за пролетариатом в деле социалистической организации сельского хозяйства. Конечно, может пойти в ожесточенной борьбе против сельской буржуазии, ежеминутно, ежечасно вырастающей на базе мелкого производства.

Обратимся еще раз к Каутскому. Резюмируя всю историю борьбы мелких производителей, он заключает: «*Пролетарский* коммунизм, начиная со средних веков, с естественной необходимостью направлялся к тому, чтобы при благоприятных условиях сделаться политическим и бунтовщическим. *Подобно современной социал-демократии* (писано в 1909 г. *Ив. Т.*), он ставит тогда в качестве цели *диктатуру пролетариата*, как самый действительный рычаг для осуществления коммунистического общества» (стр. 218). Каутский ошибочно называет пролетариатом (это со времен-то средних веков!) то, что Энгельс гораздо вернее называл «предпролетариатом». Я же предпочитаю терминологию Ленина: «мелкие производители». Это точнее и яснее. Каутский, поэтому, должен говорить не о диктатуре пролетариата, а о диктатуре народа, т.-е. мелких производителей. Отвлечемся от этих ошибок и скажем: ценным во всем этом является признание того огромного опыта, который пролетариатом взят от его предшественника и переработан.

Вот та общая база, на которой я стою в деле оценки заслуг утопизма. Если от этих общих положений обратиться к конкретным, частным «зародышам», — то тов. Ярославский говорит прежде всего об «идее советов».

Его формулировка позволяет читателю, не знающему моей статьи, спросить: «неужели в самом деле Теодорович нашел у народовольцев законченную идею советов?» Но вот что я писал в действительности, при чем предварительно привел целый ряд обширных цитат из народовольческих документов: «Откиньте анархистский жаргон, анархистскую оболочку, — и пред нами с несомненностью вырисуется, правда, в ЗАРОДЫШЕВОЙ ФОРМЕ, идея государства советов [1]).

Ведь общины, которыми тоже будет «*заправлять рабочее сословие* (несколькими строками выше я цитировал следующие слова народовольцев: «все добьются только тогда справедливых порядков, *когда делами страны будет заправлять рабочее сословие*, т.-е. *крестьянство и городские рабочие*».— *Ив. Т.*), смогут создать институт представительства, т.-е. советы рабочих и крестьянских депутатов, в «при вмешательстве в *государственные дела*» они неизбежно должны это сделать, ибо здесь вряд ли применимо вече, прямое народоправство, — и вот перед вами — *повторяем*, *в крайне неясной форме*, — особый вид рабоче-крестьянской демократии» (стр. 38). Итак, читатель видит, что я пишу архносторожно: «в зародышевой форме», даже более — в «крайне неясной форме». Ленин, которого я называю «гениальным мастером синтеза» (стр. 35), переработал, обогатил, развил до степени науки, до степени «взрослого организма» эти «крайне неясные» («крайне неясные»!) «зародышевые клетки». Неужели же в самом деле я умаляю ленинизм?

В виду крайней важности пункта о «зародыше» идеи государства Советов у «Народной Воли», я приведу почти целиком все, сказанное мной в статье. «Ленин,— писал я, — воскресил забытое или игнорируемое ревизионистами учение Маркса о необходимости слома буржуазной государственной машины и о замене ее «государством типа Коммуны», или, как позднее говорил Ленин, «типа Советов». В № 5 «Народной Воли» мы встречаем крайне важную полемику с чернопередельцами. Упрекая последних в извращении учения Маркса о роли политической борьбы, народовольческий орган пишет: «Заметим, что ученики Маркса (чернопередельцы. — *Ив. Т.*) идут дальше, чем сам учитель, и делают из его положения, верного по существу (что «экономические отношения лежат в основе всех других общественных форм»), абсурдные практические выводы. В доказательство того, что Маркс не думал так, как они. Приведем то место из его «Гражданской войны во Франции», где он определяет историческое значение Парижской Коммуны: «это была найденная, наконец, *политическая* форма, в которой должно осуществиться *экономическое* освобождение труда. Поэтому Коммуна должна была служить *рычагом для разрушения экономических основ*, на которых зиждется существование сословий (надо было бы перевести: «классов».—*Ив. Т.*), а, следовательно сословного (надо: классового.—*Ив. Т.*) господства» (стр. 37). Итак, выясняется вполне документально, что народовольцы *знали и разделяли* взгляд Маркса *на опыт Коммуны*. Мои оппоненты, в частности, т. Газганов, говорили мне на диспуте: при чем же тут народовольцы? Ленин идею государства Коммуны взял прямо у Маркса. Но дело вовсе не так просто. Общеизвестно, что во главе Коммуны ее идеологами выступали не марксисты, а

---

1) Ленин пишет: «Говоря о «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО *народной* (курсивы мои.—*Ив. Т.*) революции, Маркс *нисколько не забывал особенностей мелкой буржуазии* (об них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. Он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами И рабочих, И КРЕСТЬЯН, ОБ'ЕДИНЯЕТ ИХ, ставит перед ними ОБЩУЮ задачу устранения «ПАРАЗИТА» и ЗАМЕНЫ ЕГО ЧЕМ-ЛИБО НОВЫМ» (т. XIV, ч. 2, стр. 328). Что же скажут мои противники: выходит, что сам Маркс «идеализировал» мелкого производителя?!

бланкисты и прудонисты. Почему было так, — прекрасно выясняет Ленин. «Для победоносной, — пишет он, — социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 году оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.)» (XI т., 2 ч., 277). Выходит, таким образом, что зародыш идеи государства Коммуны появился в результате опыта борьбы мелких производителей, но затем был гениально развит и обобщен Марксом, именно потому, что в окружении мелких производителей действовал уже и типичный пролетариат, хотя удельный вес его еще был очень ничтожен[1]). Это раз. А затем возникает вопрос, почему же рожденная таким образом идея Маркса не была усвоена ни бакунистами-чернопеределыцами, ни впоследствии оппортунистами социал-демократии, но — наоборот — была воспринята народовольцами. На этот законнейший вопрос может быть дан только единственный ответ: опыт «левого крыла» мелких производителей в их борьбе за политическую власть против буржуазии сделал эту среду восприимчивой к идее, блестяще сформулированной Марксом. Но восприимчивой она могла быть только потому, что и сама могла порождать такие идеи, но, конечно, в «крайне неясной», «зародышевой» форме. Гений Маркса, дополненный гигантским опытом пролетарской борьбы, взял такой зародыш у французского товаропроизводителя: гений Ленина мог такой зародыш взять у мелкого производителя — русского. Что мелкий производитель имел и имеет к такого рода идеям благосклонное ухо, об этом Ленин говорит в следующих классических словах: «Разбить бюрократически-военную государственную машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа» — большинства его, рабочих и большинства крестьян (курсив здесь и ниже мой. — *Ив. Т.*), таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно (! — *Ив. Т.*) социалистическое преобразование» (т. XIV, ч. 2, стр. 328).

В заключение еще один пример: о гегемонии пролетариата. Мои оппоненты и здесь никогда меня не цитируют, излагая мой взгляд своими словами, что всегда у них ведет к искажениям. Мне приписали утверждение, будто народовольцы знали идею гегемонии пролетариата. А вот что я пишу и в самом деле: «Мы уже цитировали раньше из «Программы» слова: «главная народная сила не в рабочих, а в крестьянстве». Ортодоксальное народовольчество не могло судить иначе, но даже оно, несколькими строками ниже этого места, должно было — таковы веления самой жизни — написать: «Если же рабочие будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе..., тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой». Склонять его к себе! Но это же и значит, что рабочий — сила ведущая, а следовательно — главная. И хотя невольная дань неправильным теориям заставляла говорить одно, но жизнь выдвигала другое!» (44).

Вот и все, что я говорю о «гегемонии»!... Таким образом, я называю теории народовольчества неправильными, а под пером моих недобросовестных критиков я превращаюсь в идеализатора «Народной Воли». Я говорю, что вопреки народовольческим теориям сама жизнь выдвигала на очередь идею гегемонии пролетариата, а усердием моих оппонентов меня загримировывают под человека, ставящего народовольчество «выше жизни». Что за нелепый, что за безобразный, что за бездарный водевиль с переодеванием?!.. Когда неподготовленные к спору оппоненты (И. Татаров, Ц. Фридлянд, особенно Павел Горин) приписывают мне нелепые утверждения, это можно снести, зная, как слабо противник разбирается в вопросе, и как часто он эту слабость компенсирует дерзостью

---

[1]) Что это — так, прекрасно показывает Ленин: «Маркс сходится с Прудоном в том, что ОНИ ОБА (курсив мой. — *Ив. Т.*) стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте. Маркс расходится и с Прудоном, и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс же — централист» (XIV т., 2 ч., 339). Тут превосходно видны и «зародыш», и гениальное его «развитие» в марксизме. Кстати, пусть мои оппоненты призадумаются над тем, как Ленин безбоязненно по вопросу о «разбитии» машины предпочитает анархизм реформизму: ведь именно вслед за Лениным я говорил о том, что мы должны предпочесть кое-что из народовольческого наследства... чему? Реформистскому опошлению марксизма. Если за это меня упрекают в идеализации народовольчества, то не идеализировал ли Ленин анархизм?

своих выдумок, но чрезвычайно горько слышать упреки со стороны такого сведущего и добросовестного историка, как тов. Ярославский. Только простым недоразумением я могу об'яснить эти упреки. Надеюсь, что мне удалось теперь рассеять эти недоразумения.

Ив. ТЕОДОРОВИЧ.

II

Недоразумение ли?

(Ответ тов. Теодоровичу).

«Как движение и направление социалистическое «Российская социал-демократическая партия» продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли»[1]). Такими словами В. И. Ленин еще в 1899 г. определил наше отношение к партии «Нар. Воли», нашу преемственность идей и задач. Что не все понимают даже в нашей партии эту преемственность, показала дискуссия о «Народной Воле». Однако было бы очень печально, если б мы, отмечая 50-летие со времени выступления на политическую арену партии «Нар. Воли», ограничились только констатированием этой преемственности, не попытавшись разобраться в том, какое значение имела борьба «Нар. Воли» для последующих поколений революционеров, в чем состоят ошибки «Нар. Воли», чем принципиально отличается наша теория от теории революционного народничества. Важнейшими юбилейными датами пролетариат пользуется для того, чтобы современное поколение учить на уроках прошлого, на уроках прошлой революционной борьбы.

В современных условиях социалистического строительства и обостренной классовой борьбы юбилей «Народной Воли» приобретает особое политическое значение. Юбилей «Народной Воли» позволяет со всей остротой подчеркнуть глубокую принципиальную разницу, яркий контраст между пролетарской гегемонией на основных этапах революции и гегемонией мелкобуржуазного якобинизма «Народной Воли» в героической революционной борьбе против царского самодержавия за полное завершение крестьянской демократической революции.

В современных условиях развернутого социалистического строительства особенно ярко выступает разница между пролетарским научным социализмом и мелкобуржуазным крестьянским утопическим социализмом «Народн. Воли». Утопическая мелкобуржуазная идеология, программа, тактика и организация «Народной Воли» являются прямой противоположностью программе, тактике и организации пролетарской партии ВКП(б) на основных этапах ее исторического развития. Вот это и надо подчеркнуть наряду с изображением несомненных заслуг перед революцией партии «Нар. Воли».

Дискуссия на страницах печати и в Комакадемии о «Народной Воле» показала, насколько еще недостаточно разработаны материалы о предшественниках марксистов вообще и в России в частности, и в особенности, какие еще возможны ошибочные обобщения и выводы, как много еще спорных вопросов в оценке истории революционного движения нашей страны.

Во время дискуссии особенно ярко почувствовалось, насколько все, писавшие до этого о «Народной Воле» мало обращали внимания на ценнейшие характеристики, данные В. И. Лениным по вопросу о народничестве вообще и о «Народной Воле» в частности. Мы отмечали уже в статьях в «Правде», что в ряде учебников по истории революционного движения нет даже попытки опереться в исследовании этого периода на работы Ленина. Некоторые товарищи откровенно признавались, что примерно до 1923 года они не уделяли внимания работам и статьям Ленина, поэтому в своих исторических работах они исходили или из общесоциал-демократических работ, в частности из работ Плеханова, или же пытались строить свои собственные схемы, часто ничего общего не имеющие с основными ленинскими положениями и даже противоречащие им. Но в настоящее время литературное наследство Ленина, уже в значительной части опубликованное Институтом Ленина, составляет предмет изучения каждого большевика; только на основе изучения ленинского литературного наследства возможно установить правильное отношение к нашему революционному прошлому. Работы Ленина становятся достоянием широчайших масс.

Понятно, что старые схемы по истории революционного движения требуют иногда коренного пересмотра. Это особенно показала дискуссия о «Народной Воле». К сожалению, наши исторические журналы «Пролетарская Революция», «Исто-

---

[1]) В. И. Ленин, т. II, 2 изд., стр. 485, «Протест русских социал-демократов».

рик-Марксист» и др. слишком недостаточно отозвались до сих пор на эту дискуссию. Дискуссия довольно однобоко сосредоточила огонь вокруг первой статьи, появившейся по вопросу о «Народной Воле» в связи с пятидесятилетием,—статьи т. И. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной Воли» [1]). И в дискуссии в Комакадемии и во многих газетных заметках, появившихся в «Правде», «Известиях ЦИК» и др., главное внимание также уделено критике именно этой статьи. Нельзя сказать, чтобы эта критика была всегда правильна, по крайней мере, она неправильна в том отношении, что критики игнорируют положительную сторону этого выступления тов. Теодоровича. Эта положительная сторона заключается в том, что *впервые* в нашей исторической литературе делается попытка обобщить взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на утопический *крестьянский* социализм «Народной Воли». Делается попытка — пусть не всегда правильная — дать *марксистский* анализ программы, тактики и стратегии «Народной Воли».

Ошибки тов. Теодоровича надо показать со всей серьезностью. Однако неправильно изображать на основании этой статьи тов. Теодоровича ревизионистом ленинизма. Если он кого ревизует из наших историков, то он ревизует такие взгляды, за которые Ленин вряд ли взял бы ответственность. Критиковать, напр. тов. Татарова, который в споре с тов. Теодоровичем позволил себе преподнести читателям плехановскую «демьянову уху» и тем показал, насколько он далек от понимания тех споров, которые велись в прошлом нашей партией — это еще не значит ревизовать Ленина. Точно так же, как нельзя называть ревизией ленинизма споры с тов. Гориным, или с тов. Ярославским, или с тов. Покровским по поводу тех или иных высказанных ими взглядов по вопросу о «Народной Воле». А между тем, в этой дискуссии и по случаю этой дискуссии тов. Теодоровича неправильно пытаются изобразить именно как ревизиониста, чуть ли не как правого оппортуниста. Против этого мы решительно возражаем, как возражаем против такого типа статей, как, например, статья тов. Горина [2]), который неверно ориентирует читателя о положении на историческом фронте, поскольку свою критику в значительной степени строит на явной путанице понятия «непосредственный производитель» (которым является и раб и крепостной и наемный рабочий) с мелким производителем. Мы также считаем неправильной такого рода критику, как, скажем, критика в Ком. Академии во время дискуссии о «Народной Воле» тов. Теодоровича, тов. Газгановым, который в этой критике обращался к явно негодным меньшевистским источникам по вопросу о связи революционных марксистов с народовольцами (аргументация от Ноя Жордания).

Вскрывая действительные ошибки во взглядах тов. Теодоровича, ряд выступавших в дискуссии товарищей сознательно замалчивали ошибки других товарищей, имеющих гораздо больший вес и авторитет в области изучения истории революционного движения в истории нашей партии, а иногда даже защищали эти ошибки.

Дискуссия показала, насколько такое положение *опасно* для большевистского исследования фактов нашего прошлого, когда та или иная группа товарищей об'являет ревизионизмом все то, что не укладывается в ее схему. Между прочим, одним из выводов из этой дискуссии, с которым, кажется, согласны все товарищи, является то, что необходимо в наших исторических журналах обеспечить более всестороннее освещение ряда спорных вопросов истории партии, истории классовой борьбы и истории революционного движения. Мы надеемся, что в «Пролетарской Революции» и в «Историке-Марксисте» возможно будет более оживленное и более об'ективное обсуждение ряда неясных и спорных вопросов истории нашей партии и истории революционного движения, без приклеивания друг другу неподходящих ярлыков.

Эти предварительные замечания «на два фронта» я считал необходимым предпослать ответу тов. Теодоровича, чтобы ясно было, насколько неправильно было свести весь спор о «Нар. Воле» к ошибкам тов. Теодоровича или другого товарища.

Я не считаю «недоразумением» то, что я высказал в отношении тов. Теодоровича. Упрек в том, что тов. Теодорович смазывает огромную принципиальную разницу между политической программой, которая была у партии «Народной Воли» и взглядами большевизма, если и основан на недоразумении, то, во всяком случае, не с моей стороны. Если уже говорить о «недоразумении», то оно прежде всего порождено самим тов. Теодоровичем.

Одна из ошибок тов. Теодоровича заключается в том, что, поставив в общем правильно вопрос об историческом значении партии «Народной Воли» в целом, тов. Теодорович односторонне сосредоточил внимание на характеристике утопического социализма «Народной Воли» и недостаточно уделил внимания анализу

1) «Каторга и Ссылка», «Истор.-Револ. Вестн.», № 8—9 (57—58).
2) «Известия ЦИК» от 24 января 1930 г., № 23.

«Народной Воли», как мелкобуржуазной якобинской гегемонии в русской крестьянской, буржуазной революции.

Ленин определяет социализм «Народной Воли» как *крестьянский* социализм. Плеханов примерно так же говорил о «сельском издании» утопического социализма. В то же время у Ленина можно найти такие выражения, характеризующие программу «Народной Воли»: Ленин видит в ней программу, «*рассчитанную на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества*» [1]).

А вместе с тем Ленин говорил о том, что «деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на *узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев*, несмотря на то, что *знаменем движения служила вовсе не революционная теория*»... (Подчеркнуто мною. *Е. Я.*). Ленин подчеркивал не раз, что народовольцам *не удалось*, что *они не сумели* связать свою борьбу ни с *массовым* рабочим, ни с массовым крестьянским движением. Именно потому, что народовольцы опирались в своей борьбе на *узкие общественные слои* (ВОПРЕКИ своей программе) неправильно видеть в отдельных высказываниях партии Народной Воли «предвидения», «предвосхищения» *большевистских идей*, возникших и выросших на опыте массового *пролетарского* движения, когда мы, большевики, могли якобинские методы борьбы связать с теорией научного социализма и с массовым пролетарским движением. Тов. Теодорович очень правильно подметил в своей статье в «Каторге и Ссылке», как Плеханов и меньшевики впоследствии, критикуя и вскрывая действительные ошибки «Народной Воли», не поняли той стороны утопического крестьянского социализма революционных народников, о которой В. И. Ленин уже в пору нашего временного блока с левыми эсерами (в 1918 г.) писал: «есть здоровое, жизнеспособное великое *социалистическое* зерно в учении тех, кто хочет крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих масс всего мира». Но тов. Теодорович должен был сказать яснее, что только *преодолев* утопический социализм народников, только в *борьбе* с утопическим социализмом, только *вопреки* нереволюционной теории народников, что «в России человек будущего — мужик», возможно стало это проращивание «здорового жизнеспособного, великого социалистического зерна», это присоединение крестьянства в его трудовой части к великому социалистическому движению рабочего класса. А тов. Теодорович говорит только о «синтезе», о «гениальной переработке», ослабляя тем самым факт *борьбы* с народничеством, *преодоления* народничества.

Тов. Теодорович несколько абстрактно подошел к характеристике социальной базы «Народной Воли». Он говорит в общей форме о мелком производителе. Он недостаточно четко поставил вопрос о том, что «Народная Воля» выражала собою не вообще борьбу мелкого производителя, а борьбу крестьянства как класса эпохи крепостничества против диктатуры крепостников, борьбу, которая об'ективно была борьбой за американский путь развития, в отличие от прусского пути, по которому вели Россию господствующие крепостники-помещики.

Именно потому, что «Народная Воля» об'ективно выражала борьбу всего крестьянства против диктатуры крепостников, совершенно ошибочно базой «Народной Воли» считать «пролетария отца», как это делает тов. Теодорович. Расслаивавшееся, благодаря развитию капитализма, крестьянство выделяло не только пролетариат, но и буржуазию. Таким образом, неправильно сказать, что «Народная Воля» представляла прежде всего «пролетария отца», она представляла собою то крестьянство, которое расслаиваясь, не только давало «отцов и сыновей» пролетариев, но «отцов и сыновей» буржуа.

В связи с этим тов. Теодорович пытается доказать (ссылаясь на пример Каутского), что «кое-какие неясные, совершенно зародышевые указания на гегемонию пролетариата у народовольцев можно найти, но от ясного понимания этой идеи они были далеки». У *отдельных* членов партии «Народной Воли», конечно, такие неясные идеи могли бродить,—но зачем мы стали бы пред'являть такие требования *партии*, которая рабочему классу отводила *подсобную роль* в революции, которая считала *главной движущей силой* в революции — крестьянство?! Именно *поэтому* нет надобности искать «зародыши» (пусть «неясные») этой большевистской идеи у *народнической* партии,— ибо *эта идея целиком возникла и развивалась на базе пролетарского движения*.

Отсюда и проистекают другие «недоразумения» по части аналогий, которые тов. Теодорович делает между политической программой «Народной Воли» и взглядами большевизма.

То, что тов. Теодорович видит в «отдельных отрывочных высказываниях народовольцев чуть ли не «предвосхищение» большевизма (хотя бы и в зароды-

1) Т. I, стр. 179, 1-е изд. (См. особенно сноску на той же странице. *Е. Я.*).

шевой форме) и таких большевистских идей, как идея Советов и т. д.» — это опять-таки «недоразумение» отнюдь не с моей стороны. «Недоразумение», если здесь оно есть, то оно именно со стороны тов. Теодоровича и тов. Теодорович в своем ответе отводит несколько спор от этих ошибочных аналогий, которые очень оригинальны, очень смелы, но... неправильны.

Я нигде, впрочем, не утверждал, что нельзя проводить аналогии между требованиями «Народной Воли» и требованиями, например, социал-демократической программы. Больше того, отдельные требования, как это указывал Ленин, совпадают. Во время дискуссии в Комакадемии я приводил цитату Ленина из статьи «Гонители земства и аннибалы либерализма», где Ленин указывает на сходство требований Исполнительного Комитета «Народной Воли» в письме к Александру III созыва учредительного собрания и всеобщей амнистии с такими же требованиями социал-демократов.

У тов. М. Н. Покровского можно, например, найти такую оценку прокламации «Молодая Россия»: «...помимо пророческого предвещания форм будущего переворота и его цели, прокламация любопытна еще тем, что она также правильно предугадывает и многие отдельные меры, осуществленные победоносной революцией наших дней». Так, «Молодая Россия» требует дарового обучения в школах всех ступеней, полного и безусловного равноправия женщин, социализации земли, уничтожения частной торговли, «этого узаконенного воровства» и заведения общественных лавок. Все это, вплоть до признания купеческой торговли противообщественной спекуляцией купечества, очень верно...»[1]).

Однако, проводя такие аналогии, нельзя увлекаться внешним сходством, забывать о совершенно иной обстановке, о принципиально иной постановке этих вопросов в различные эпохи.

Из практики нашей партии, например, из практики 1917 года, можно указать, что партия большевиков даже проводила в жизнь требование социализации земли, которое было и требованием партии эсеров. Но принципиально большевики вкладывали в эту социализацию иное содержание.

Вполне понятно, что пролетарская партия, в условиях социалистической революции, попутно завершая задачи демократической революции, может брать отдельные наиболее революционные, наиболее последовательные, с точки зрения преодоления буржуазно-демократических порядков, требования крестьянства и организаций, выражающих эти требования.

Поэтому мы отнюдь не против того, чтобы устанавливать аналогию, сходства в отдельных требованиях и т. д. Без этого невозможно даже историческое исследование.

Но мы против таких аналогий, которые смазывают принципиальную разницу эпох и, увлекаясь внешним сходством фраз, выражений, ведут к такой модернизации идей отошедших эпох, которая сплошь и рядом может лишь запутать вопрос.

Тов. Теодорович, как бы в оправдание себе, нередко ссылается (как это он делал в дискуссии в Комакадемии) на такие аналогии и такую модернизацию у других товарищей. Однако, ошибки других авторов не могут понятно служить оправданием для ошибок тов. Теодоровича.

Тов. Теодорович старается доказать, что он не смазывает принципиальной разницы между политической программой «Народной Воли» и взглядами большевизма. Доказывает это он тем, что он не раз подчеркивает в своих выступлениях, что народовольчество является русской разновидностью утопического, непролетарского, домарксового социализма, а программа большевизма есть программа научного социализма. Это верно. Тов. Теодорович действительно подчеркивает эту разницу; но вместе с тем он делает такие ошибки, которые сводят эту его принципиальную постановку вопроса на-нет, когда он приписывает народовольцам такие идеи, которых у них не могло быть именно потому, что они были представителями утопического социализма.

И никакие ссылки при этом на Маркса, Энгельса и др. не могут узаконить подобного рода неверные, неправильные аналогии, которые на деле ведут к смазыванию разницы между утопическим социализмом эпохи, когда, по выражению Ленина, «капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства еще не обнаруживался»[2]), и научным социализмом, эпохи, когда капитализм переходит уже в высшую свою стадию — империализм, когда в порядке дня ставится пролетарская социалистическая революция.

Остановимся на некоторых примерах. Тов. Теодорович ссылается на Маркса и Ленина в вопросе о государстве. В чем здесь ошибка тов. Теодоровича? Тов. Теодорович ссылается на статью из № 1 «Народной Воли» А. Квятковского, в которой сказано: «Надо разрушить мертвящую и всеподавляющую государствен-

¹) М. Н. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», 7 изд., Деш. б-ка. Гиз, 1929 г., стр. 183.
²) Ленин, т. II, стр. 61.

ную машину». Он хватается за эту фразу и доказывает, что народовольцам не чужда была идея Маркса, заимствованная последним у прудонистов — о необходимости разрушения государственной машины. В статье в «Каторге и Ссылке», излагая эту мысль, тов. Теодорович пытается убедить в том, будто эту идею о разрушении государственной машины народовольцы понимали таким образом, что предвосхитили идею советов. Или, в другом месте, излагая программу рабочих членов партии «Народной Воли», тов. Теодорович, приводя место этой программы, где говорится, что «общины (села, деревни, пригороды) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение через своих выборных должностных лиц: старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и т. п.» — приходит к следующему выводу: «Это место нам кажется прямым «предчувствием» советов».

По этому поводу нужно, прежде всего, указать, что партия «Н. В.» понимала роль государства совершенно иначе, чем понимают марксисты (это тоже, между прочим, сказано в статье тов. Теодоровича). Народовольцы понимали роль государства, примерно, так, как понимали бакунисты. В программе Исполнительного Комитета «Народной Воли» мы читаем следующее: «Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организации, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-хана»[1]). Или возьмем другое положение: из передовой журнала «Народной Воли», где мы читаем: «Наше государство совсем не то, что государства европейские. Наше Правительство — не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе (Видите, у нас совсем по-особенному! — *Е. Я.*), а есть самостоятельная, для самой себя существующая организация, иерархически дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в состоянии рабства, если бы даже не существовало никаких эксплоататорских классов»[2]).

Конечно, и Маркс, и Энгельс и Ленин, говоря о необходимости разрушить государственную машину, имеют в виду период диктатуры пролетариата, а по мнению народовольцев, как это видно из только что приведенной цитаты, государство «держало бы народ в состоянии рабства, если бы даже не существовало никаких эксплоататорских классов!!». Тов. Теодорович должен был бы показать прежде всего ЭТУ РАЗНИЦУ, тогда его поиски «сходства» имели бы другое значение.

Но и помимо того, что народовольцы стояли на совершенно иных позициях, чем сторонники научного социализма в понимании государства, даже в приведенной тов. Теодоровичем фразе весьма трудно усмотреть «предчувствие советов». Не может быть и речи, конечно, о «предчувствии советов», как органов пролетарской диктатуры. Приведенное тов. Теодоровичем место дает весьма мало оснований даже для того, чтобы говорить о «предчувствии» советов, как органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Здесь также было бы неправильно делать вывод о «предчувствии» советов, как, скажем, вывод о предчувствии в духе меньшевистского демократического самоуправления и совершенно ясно, что народовольцы говорили о своего рода муниципальном общинном управлении, а не о новом типе государства. Нельзя забывать ленинского положения, что идея советов, зародилась не в голове того или иного теоретика, а в революционной борьбе миллионов, прежде всего, как лозунг восстания, затем, как лозунг нового типа государства.

Приведем еще один пример — пример с нэпом.

Вот, что тов. Теодорович пишет по поводу нэпа: «Народная Воля» в довольно ясной форме нащупывала идею переходного периода, идею нэпа, предпосылая ей идею диктатуры, но, конечно, не пролетариата, а «революционного народа». Так, в «программе Исполнительного Комитета», в разделе «г», читаем про «систему мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики»[3]). И как мы читаем у тов. Теодоровича дальше: «еще яснее идея переходного периода выступает в «программе рабочих членов партии». Весь раздел «г» этой программы построен на этой идее. Заключительный параграф этого раздела гласит: «Учреждается Государственный Русский банк с отделениями в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, землевладельческих и вообще всяких промышленных и учебных общин, артелей, союзов». Наличие банка предполагает наличие денежного обращения, наличие рынка и пр. А это является сутью нэпа»[4]). Всякий, кто прочтет приведенные цитаты скажет, что именно таких аналогий делать никак нельзя. Мы здесь уже не останавливаемся на том, что тов. Теодорович неправильно определяет самую сущность нэпа. К тому же можно ли сравнивать

¹) Программа Исп. Ком. «Нар Воли» («журн. «Нар. Воля», № 3).
²) «Народ. Воля», № 1, передовая.
³) «Каторга и Ссылка». «Историко-Революционный Вестник», № 8—9 (57—58).
⁴) Там же.

нэп, как определенный этап в политике, осуществляемой пролетарской партией, как определенную форму смычки между пролетариатом и основными крестьянскими массами, как определенный стратегический маневр, который партия пролетариата должна проделать в переходный период,—можно ли нэп сравнивать с проектами, скажем, создания банка в утопической программе народовольцев?— Разумеется, нельзя.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы видеть, что спор идет не о том, можно или нельзя проводить аналогии между требованиями пролетарской партии и требованиями допролетарских революционных партий и организаций. Спор идет не о том, можно или нельзя искать зародыши идей научного социализма у его предшественников, утопического социализма.

Вопрос идет о том, какие именно аналогии можно и какие нельзя делать, что действительно является предвосхищением, зародышем идей научного социализма в утопическом и что ни в коем случае нельзя относить к этим зародышам и к этим предвосхищениям. Но именно потому, что тов. Теодорович допустил такие неправильные аналогии, он должен признать вполне законным то, что ряд товарищей критикует его за то, что он неправильно приписывает революционным народникам предвосхищение ряда ленинских большевистских идей.

Тов. Теодорович прав, что именно Марксу, Энгельсу и Ленину и партии большевиков и не кому другому принадлежит гениальное уменье использовать наследство предшествовавшей революционной борьбы, синтезировать и по-большевистски перерабатывать этот революционный опыт.

И Ленин своим отношением к революционному народничеству, а частности, к «Народной Воле» прекрасно показал, от какого наследства наша партия не отказывается. Но тов. Теодорович не прав, допуская такие аналогии, которые приписывают «Народной Воле» такое «наследство», которого она нам не оставила.

В своих статьях и в выступлениях в Комакадемии я указывал, что у нас совершенно неправильно сплошь и рядом ставится вопрос о наследстве «Народной Воли» и о преемственности между революционным народовольчеством в 70-х и начале 80-х годов. Если взять все то, что писал В. И. Ленин по этому вопросу, то мы найдем достаточно ясные указания на эту преемственность. Например, в заключительном слове на Всероссийской конференции нашей партии 27 мая 1921 г. Ленин, сравнивая всю работу коммунистической партии с четырехлетним курсом высших наук, говорил: «Если считать по курсам, то первый курс был 70-е годы прошлого столетия до 1903 г., первоначальный период от народовольчества к социал-демократии и II Интернационала к большевизму»[1]. Ясно одного: Ленин рассматривал переход от 70-х годов прошлого столетия до 1903 года, как «первоначальный вступительный период от народовольчества к социал-демократии». Можно было бы привести (и мы приводили их в статьях в «Правде») ряд подобных же заявлений Ленина. А между тем эти заявления не раз игнорировались нашими историками, которые склонны были поддерживать такую неправильную схему: от народовольчества—через народоправчество—к освобожденчеству и эсерам; от чернопередельцев—к социал-демократам. Что основная группа чернопередельцев явилась основоположницей «Группы Освобождения Труда» еще не значит, что именно путь через чернопередельчество был путем к ортодоксальному марксизму. Последующая борьба как раз показала, между прочим, что историческая трагедия деятелей группы «Освобождение Труда» заключалась и в том, что они пришли к марксизму не только вопреки, но и против революционных традиций «Народной Воли», не сумев, как Ленин, диалектически преодолеть народничество[2]).

Надо показать, как первые шаги с.-д. опирались не только и не столько на опыт «Народной Воли», сколько на опыт первых рабочих кружков и первых рабочих союзов, где пролетарская мысль пробивала себе правильный путь, зачастую вопреки неправильным теориям руководителей этих организаций.

Отмечая ошибки, допущенные критиками тов. Теодоровича, мы в то же время не могли пройти и мимо отдельных ошибок тов. Теодоровича, его неправильных аналогий, которые ведут не к установлению разницы между утопическим и научным социализмом, как это хочет тов. Теодорович, а, наоборот, к смазыванию этой разницы.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ.

P. S. Кстати, считаю необходимым указать, что ни в какой мере не могу отвечать за совершенно искаженное изложение нашего спора о «Н. В.» в «Вечерней Москве».

---

[1]) Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 259.

[2]) См. об этом «Большевик» № 18 за 1926 г. Ем. Ярославский. «Ответ В. Ваганьяну».

ИЗВЕЩЕНИЯ

1-я Всесоюзная марксистско-ленинская философская конференция

Институт Философии Коммунистической Академии совместно с обществом воинствующих материалистов-диалектиков созывает 1-го июня 1930 г. 1-ю Всесоюзную марксистско-ленинскую философскую конференцию. Конференция является вообще первой в истории марксизма и в первой в истории русской философии. Подводя итог развитию марксистской философской мысли в СССР, конференция должна обсудить актуальнейшие проблемы, стоящие перед марксизмом в области теории. Конференция должна дать руководящие указания для дальнейшей работы и обсудить основные проблемы материалистической диалектики, исторического материализма (в условиях реконструктивного периода), проблему метода и основные дискуссионные вопросы конкретных наук, дать критику основных идеалистических и метафизических направлений современной философии и социологии и, наконец, наметить задачи марксизма в области антирелигиозной пропаганды и изучения истории атеизма. Работа конференции будет происходить на пленуме конференции и в секциях.

На пленуме будут заслушаны следующие доклады:

1. Вступительное слово о задачах философии в СССР—т. Деборин.
2. Ленин и теория диалектики—т. Деборин.
3. Кризис современной физики и диалектический материализм—т. Гессен.
4. Проблема исторического материализма в условиях реконструктивного периода—т. Карев.
5. Проблема марксистской истории философии—т. Луппол.
6. Критика философии современного ревизионизма—тт. Стэн и Юринец.
7. Задачи пропаганды атеизма в переходный период—т. Ем. Ярославский.

Секций будет выделено пять: 1) секция диалектического материализма, 2) исторического материализма, 3) истории философии, 4) истории атеизма и антирелигиозной пропаганды, 5) методики.

В секциях будут поставлены следующие доклады:

1. Секция диалектического материализма.

1. Закон единства противоположностей, как основной закон диалектики—т. Подволоцкий.
2. Логика и теория познания—тт. Гоникман, Дмитриев, Митин.
3. Идеалистические направления в современной физике—т. Максимов.
4. Проблема формообразования в современной биологии—т. Левит.
5. Проблема пространства и времени—тт. Семковский и Юринец.
6. Диалектический материализм и психология—тт. Сапир, Франкфурт и представитель Ленинграда.

2. Секция исторического материализма.

1. Проблема соотношения производительных сил и производственных отношений—тт. Тымянский и Горохов.
2. Классы и классовая борьба в переходный период—т. Попов, К. А.
3. Проблема культуры и культурной революции—тт. Карев и Гирчак.
4. Проблема исторического закона—тт. Удальцов и Тележников.
5. Современный ревизионизм в области исторического материализма—тт. Разумовский и Фурщик.
6. Ленин в борьбе с механистами в теории исторического материализма—т. Кривцов.

3. Секция истории философии.

1. Спиноза—т. Луппол.
2. Гуссерль—т. Асмус.
3. Разложение неокантианства и современное неогегельянство на Западе—тт. Баммель и Демчук.
4. Критика современного идеализма в СССР.
5. Современный неореализм—тт. Ческис и Квитко.
6. Проблема изучения истории философии на Украине—представитель Украины.

4. Секция истории атеизма и антирелигиозной пропаганды.

1. Проблема происхождения религии—тт. Лукачевский и Рожицин.
2. Социальные корни религии в переходный период—тт. Сарвбьянов и Губанов.
3. Религия и социал-демократия—т. Ральцевич.
4. Проблема «Трех обманщиков» в истории атеизма—т. Луппол.

5. Секция методики.

1. Место марксизма-ленинизма в системе народного образования СССР—т. Кривцов.
2. Вузы и кафедры марксизма-ленинизма—т. Гессеи.
3. О программе диалектического материализма в ком. вузах и соц.-эконом. вузах—тт. Разумовский и Позиер.
4. О философских учебных заведениях (философские циклы университетов, РАНИОН, ИКП)—т. Луппол.

Для подготовки и созыва конференции утвержден организационный комитет в составе:

1). Адоратский; 2). Выдра (Белоруссия); 3). Гессеи 4). Гоникман; 5). Деборин; 6) Ионов (ЗСФСР); 7) Карев; 8) Криницкий; 9) Лукачевский; 10) Луппол; 11) Подволоцкий; 12) Стецкий; 13) Таль; 14) Юринец (Украина).

На конференции будут представлены:

а) С решающим голосом:

1. Действительные члены и старшие научные сотрудники Института Философии Коммунистической Академии.
2. Члены Президиума Ком. Академии.
3. Делегаты от философско-социологических научно-исследовательских марксистских учреждений (соответств. отделы институтов: Ленина, Маркса и Энгельса, Красн. Профессуры, Истории и Философии, Естествознания, кафедр марксизма при вузах и ком. вузах и т. д.).
4. Члены правления Всесоюзной ассоциации ОВМД и делегаты местных отделений ОВМД.
5. Делегаты братских обществ (физико-материалистов, биолого-материалистов, врачей-материалистов, психологов-материалистов и т. д.).
6. Делегации Центрального совета безбожников.

б) С совещвтельным голосом:

1. Профессура и преподаватели диалектического материализма вузов и ком. вузов, аспиранты и научные сотрудники по диалектическому материализму.
2. Приглашаемые Оргкомитетом работники различных специальных наук.

О дополнительных докладах на конференции.

Учреждения, организации и лица, желающие поставить на конференции новые доклады или выступить с докладом или содокладвми по предложенным докладам, должны подать заявления в Организационный комитет по созыву конференции не позднее 1-го февраля 1930 г.

Порядок представления докладов.

1. Тезисы докладов, одобренных к постановке на конференции, должны быть представлены в Оргкомитет не позже 1-го марта 1930 года.
2. Доклады представляются в Оргкомитет в письменном виде не позже 15-го мая.

Главлит № А—54688. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.